

Фадеева Т.М.

САКРАЛЬНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, СИМВОЛЫ, ИМЕНА
и их отражение в искусстве

САКРАЛЬНЫЕ
ДРЕВНОСТИ
КРЫМА

Фадеева Т.М.

САКРАЛЬНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

МИФЫ,
ЛЕГЕНДЫ,
СИМВОЛЫ,
ИМЕНА
и их отражение
в искусстве

Прогресс-Традиция
Москва

ББК 85.1
УДК 008(091)
Ф 15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
гранта Российского гуманитарного научного фонда
(исследовательский проект № 16-04-00554)*

Фадеева Т.М.

Ф 15 Сакральные древности Крыма. Мифы, легенды, символы, имена и их отражение в искусстве. — М.: Прогресс-Традиция, 2017. — 384 с., ил.

ISBN 978-5-89826-474-1

Недавние исследования о Черноморском потопе способствовали новым прочтениям античных текстов. Они подкрепляют то, о чем догадывались некоторые ученые в XVIII–XX веках: основные события античной картины мира развертывались на Черном море. Далеко на Севере находилась блаженная страна, откуда ежегодно прилетал в Грецию Аполлон Гиперборейский; в Северном Причерноморье странствовал Геракл; в Тавриду перенесена Ифигения, а на остров Белый (Левка) — Ахилл; по Эвксину плавали Аргонавты и Одиссей, проходившие через пролив Киммерийский (Керченский), который выглядел совсем иначе: вместо Крыма и Тамани там располагался архипелаг из семи Атлантических островов, из которых один погрузился в пучину, хотя и воспроизводился на картах Птолемея вплоть до XV века. А в средние века здесь берут начало истоки сказаний о короле Артуре и Граале, в княжестве Феодоро формируется геральдика двуглавого орла. Об этом повествуют сообщения античных писателей, произведения изобразительного искусства от древности до наших дней и его особая разновидность — старинные географические карты.

УДК 008(091)
ББК 85.1

На переплете: Аполлон на крылатом треножнике летит над морем. Вазопись.

Форзац: Дюбуа де Монпере. Этюды геологических переворотов в районе п-в Керченского и Таманского.

Нахзац: Клавдий Птолемей, Дж.Маджини. 1597, Кельн. Вторая карта Азии. С. 2–3: Ифигения в Тавриде. Худ. В. Серов.

ISBN 978-5-89826-474-1

© Фадеева Т.М., 2016
© Орлова И.В., оформление, 2017
© Прогресс-Традиция, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ КРЫМА В МИФАХ, СИМВОЛАХ, ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТАХ, АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

— 9 —

Глава 1.

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ МЕРИДИАН

Александрийский меридиан и его северный отрезок.

Горная система Птолемея на Восточно-Европейской равнине. Азовское море — «Меотийское болото», «лиман Дона» или «мать-кормилица Черного моря».

Алопекия — исчезнувший остров и уцелевшее название. Об источниках знаний.

Странствия Диониса-Озириса с запада на восток и Аполлона Гиперборейского — с севера на юг. Таврический полуостров — перекресток широтно-меридионального движения народов и культур. Движение народов вдоль Александрийского меридиана в средние века. Византийско-крымская диаспора в Москве.

— 15 —

Глава 2.

ТЕОРИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОТОПА И МИГРАЦИИ ИНДОИРАНСКИХ НАРОДОВ, или ОТ МЕРИДИОНАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ К ШИРОТНОМУ

Гиперборейская и Атлантическая традиции в учении Рене Генона. Потоп и библейские предания. Черноморское побережье и шельф — средоточие цветущей допотопной цивилизации. Загадка каменных колец. Индоиранские народы в Северном Причерноморье: реликты языка и верований.

Память о Гиперборее: мифы и гипотезы.

— 89 —

Глава 3.

САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Атлантические острова — новые прочтения. Символика сакральной географии, или зачем Атланта отправили на Запад? Атланты, Эфиопы, Гиперборей.

Допотопные города. Аргонавты и Одиссей на Боспоре Киммерийском.

Столпы Геракла и другие как пределы обитаемой земли. Гадес, Эреб, Тартар и Елисейские поля. Странствия киммерийцев.

— 145 —

Глава 4.

ЛЕГЕНДА ОБ АХИЛЛЕ-ПОНТАРХЕ, БЕЛОМ ОСТРОВЕ И ИФИГЕНИИ ТАВРИЧЕСКОЙ

Магический кристалл, или античные и кельтские истоки двух сказок А.С. Пушкина.

Сказка о мертвой царевне. Сказка о царе Салтане и сыне его Гвидоне. Тайны рождения избранника. Леонардо да Винчи и его трактовка «Святого семейства».

Имя «Гвидон» и кельтская друидическая традиция. Лунная или Белая богиня и сакральные короли. Посвящение и дар поэзии. Дева-Лебедь. Остров мистерий.

— 215 —

Глава 5.

ТАВРИЧЕСКО-ТРАПЕЗУНДСКИЕ ИСТОКИ ГЕРАЛЬДИКИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Российский герб и обстоятельства его принятия в конце XV века. Двуглавый Орел в Трапезундской империи и в княжестве Феодоро. Сакральные истоки геральдики двуглавого орла. Геральдика двуглавого орла в западноевропейской традиции.

— 275 —

Глава 6.

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СКИФОВ И ПРОЦЕССИЯ СВ. ГРААЛЯ

Средневековые легенды о Св. Граале. Толкования процессии Грааля: кельтское и скифское. Скифский аналог священных предметов. Священные сокровища в легендах Таврики. Легенда о Золотой колыбели. Священная чаша: из древности в Средневековье. Легенда о Золотой колыбели и мотив «спящего короля».

— 324 —

Введение.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ КРЫМА В МИФАХ, СИМВОЛАХ, ЯЗЫКОВЫХ РЕЛИКТАХ, АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Сакральная география в первом приближении — это изучение священных, особо почитаемых мест, религиозных памятников, имеющих в глазах определенного сообщества людей трансцендентную, относящуюся к сфере божественного, значимость. Знакомясь с ней ближе, мы постепенно обнаруживаем, что именно она первична по отношению к остальным. Действительно, святые места, святилища архаических религий возникали там, где обнаруживалась повышенная геомагнитная активность, так называемые «места силы»; порой они становились такими благодаря тому, что их окружали поклонением и питали к ним благоговейные чувства. «Свято место пусто не бывает» — такие места переосвящались во имя новой религии, и неудивительно, что практически все православные храмы строились на месте ранее существовавших архаичных святынь. Сюда тянулись паломники, здесь устраивались празднества, и постепенно вокруг начинала закипать жизнь, развивались ремесла и торговые отношения. Итак, для традиционного общества сначала — святилище, потом — город как «центр торговли и ремесла», согласно упрощенной формуле учебников истории, а не наоборот.

Сегодня сакральная география возвращает себе свои права, становится значимой и даже модной, хотя в соответствии с духом времени прежних паломников сменили туристы. Но едва ли она сводится к изучению священных мест и религиозных центров.

Вскоре возникает вопрос — почему они так расположены, есть ли в этом какая-либо система? Почему люди, переселяясь, уносили с собой легенды, мифы, названия и приурочивали их к новым местам обитания, воспроизводя покинутую прародину? И почему по мере удаления от нее она обретала идеальные черты, становилась образом рая? И откуда все началось, другими словами, первична ли северная гиперборейская традиция, или западная, атлантическая? Не следует спешить с определением сакральной географии как предмета. Вначале следует узнать о ней больше.

Вот почему нас интересует определенный регион — часть восточной Европы от Балтики до Урала и от Северного океана до Черного моря, а внутри него — меридиональная ось, которую назвали Александрийским меридианом. Античные географы считали, что Нил и Днепр расположены вдоль этого меридиана. А-меридиан, которому посвящена I глава, явится той нитью, на которую «нанизаны» наши очерки: каждый из них посвящен значимым явлениям в судьбе народов и культур, перемещавшихся с севера на юг и с юга на север.

Северный отрезок меридиана в античную эпоху тонул в неизвестности, но при этом был вместительным сакрального пространства. Из далекой северной страны ежегодно являлся Аполлон Гиперборейский; святые мужи-гиперборейцы основали его святилище в Дельфах; оттуда присылались дары в виде начатков урожая пшеницы: там обитало прежнее поколение богов — титаны и гиганты, и сам Северный океан именовался в честь Крона, отца олимпийских богов, — Кронийским. Античная мифология локализует Гиперборею за 50—60 параллелями, между Уралом и Балтикой, а рассказы о ней античные писатели почерпнули среди обитателей Северного Причерноморья и Таврики.

Сегодня благодаря исследованиям морских геологов из США, Болгарии, Украины и России мы можем опираться на данные о черноморском потопе 5—6 тыс лет назад. Эти данные создают возможность новых прочтений античных текстов. Известно, что их авторы далеко не путешествовали; зачастую они пересказывали

сведения из недошедших до нас сочинений. Приведем высказывание Плиния: «Таврика, некогда залитая морем везде, где теперь расстилаются равнины; далее она поднимается горными хребтами». Эти слова подтверждаются и местными преданиями, дошедшими почти до наших дней.

Не следует торопиться обвинять их в ошибках; в ряде случаев их описания относились к прежде бывшему состоянию вещей и нередко представляют нам картину допотопную или после очередного потопа. Следует читать их с палеогеографической картой в руках.

И здесь наблюдается явление принципиальной, на наш взгляд, важности. Первичная гиперборейская традиция с ее основными символами — мировой осью, меридиональным направлением, короче — вертикалью, сменилась атлантической традицией, ориентированной на горизонтальное, широтное направление. И многие важные реалии сакральной географии оказались переориентированы с севера на запад. На запад отправились странствовать аргонавтов и Одиссея, хотя еще в XIX веке и тем более сегодня большинство ученых считает, что ареной ряда его приключений было Черное море. На крайнем западе разместили Столпы Геракла, которые герой поставил как предел своих странствий. Но первоначально они были приурочены к Черному морю и его берегам.

Недавние исследования о черноморском потоке способствовали новым прочтениям античных текстов. Они подкрепляют то, о чем догадывались некоторые ученые в XVIII—XX веках. Основные события античной картины мира развертывались на Черном море. Где-то на Севере находилась блаженная страна, откуда ежегодно прилетал в Грецию Аполлон Гиперборейский; в Северном Причерноморье странствовал Геракл; в Тавриду перенесена Ифигения, а на остров Белый (Левка) — Ахилл; по Эвксину плавали Аргонавты и Одиссей, проходившие через Боспорский пролив, который выглядел совсем иначе; вместо Крыма и Тамани там располагался архипелаг из семи Атлантических островов, из которых один погрузился в пучину, хотя и воспроизводился на картах Птолемея вплоть до

XV века. И в средние века через эти земли пролегает полет двуглавого орла, берут начало истоки сказаний о короле Артуре и Граале.

Северный отрезок меридионального направления привлекал внимание античных географов. На Птолемеевых картах вплоть до середины XVI века воспроизводятся «алтари» и колонны Александра близ Борисфена (Днепра), в излучине Дона, порой и севернее. Древние землепроходцы от Геракла до Александра Македонского традиционно отмечали крайние достигнутые ими пределы Ойкумены памятными камнями; именно такой смысл носили пресловутые столпы Геракла.

В перемещениях народов в широтном и меридиональном направлениях крайне важную роль для северной части ойкумены, или Скифии-Тартарии, довелось сыграть Таврическому полуострову. Действительно, по горизонтали — это самая восточная часть средиземноморского мира, а по вертикали — самая южная часть северных земель. Добавим — уцелевшая после потопа, поглотившего северопричерноморскую равнину. Это обусловило особую роль Таврики в связях с древневосточными цивилизациями Малой Азии, Египта, Двуречья. И это же определило некоторый сдвиг к востоку того, что мы назовем «полем магнитного притяжения» А-меридиана, которое расположится между 30–40 градусами. Именно в этом пространстве возникнут античные города — «крестные отцы» древней Руси — Херсонес-Севастополь, Пантикапей-Керчь, Гермонасса-Тамань и др., а затем ее столицы Киев, Новгород, Ладога — Санкт-Петербург, Москва...

Среди древних историко-культурных памятников особую роль играет сам язык: в именах и названиях он хранит память о временах, от которых не дошло никаких материальных свидетельств. Часть изначальных названий уцелела в записях античных и Средневековых авторов и на старинных географических картах.

Старинные географические карты причудливо сочетают два способа познания — искусство и науку. Награвированные и раскрашенные, с мастерски исполненными виньетками, наивными ил-

люстрациями библейских сюжетов, наглядностью в изображении кораблей, диких зверей, растений, туземцев, они служили не столько практическим целям, сколько предметом коллекционирования просвещенных вельмож, совершавших путешествия, не покидая своего кабинета. Старинные карты не отличаются точностью, да это было бы невозможно при несовершенстве приборов того времени. Ибо карты делались, главным образом, с иллюстративной целью и преувеличения допускались для пушией убедительности. Это были своего рода диаграммы, превращенные в картины, фантастические рассказы о путешествиях в образах. При этом карты как уникальные произведения графики имеют собственную художественную ценность. Они прекрасно скомпонованы благодаря искусному заполнению «свободного» пространства — моря, неисследованных участков суши, полей листа — изображениями флоры и фауны, туземцев, видов городов и т.д. Постепенно росла научная ценность карт, но и декоративно-иллюстративный элемент совершенствовался, не торопясь уступать свои права.

Карты XV—XVII веков — это в своем роде разновидность научной иллюстрации; граверы, трудившиеся над картами — это мастера, занимавшиеся иллюстрированием книг, печатались карты в книгоиздательствах таких городов, как Амстердам, Антверпен, Кельн, Нюрнберг, Аугсбург и др. ... Гравированная карта сочетает четкую внятность чертежа и пышность декора. В карте полет фантазии окрашивает самую достоверность поэтическим пафосом и романтическим восприятием.

«Топонимы Птолемея» — сложившиеся к началу нашей эры обозначения географических объектов на территории будущей России и соседних стран отражают традицию, сложившуюся со времен Геродота, но отчасти наследуют традиции времен шумеров и ранних египтян (ВДИ*, 1947—194. Указатель 1950 г.). Опираясь на авторитет Птолемея, средневековые картографы вплоть до

* Вестник древней истории

XVI века традиционно воспроизводили объекты, некогда реальные, но давно ставшие анахронизмами. Так, помечались Александровы алтари (63–57 градусов северной широты), Кесаревы алтари (68–56 градусов северной широты) как память о походах Александра Македонского или его легендарных предшественников. Примерно на этой широте располагались Гиперборейские и, как их продолжение, Рифейские горы.

В то время интерес к естественным наукам, прежде всего, к географии, астрономии-астрологии, химии-алхимии сочетался с увлеченностью искусством и интересом ко всему редкому и необычному. Путешествие – необходимый элемент, завершавший образование; итогом путешествия служили «кабинеты» редкостей – собрание карт, глобусов, небесных сфер, раковин и минералов, привезенных из экзотических стран. Символический образ мышления способствовал целостному взгляду на мир, гармоничному сочетанию научного и образно-художественного путей познания. Изображение земли на карте как в целом, так и в отдельных частях – это образ мира, эмоционально окрашенный, и украшения приличествуют такому изображению. Вот почему карты украшают аллегорические фигуры, виньетки со сложными сюжетами, картуши, раскрывающие исторический контекст создания листа. С развитием картографической техники декоративные изображения на картах исчезают. Картография становится точнее, происходит ее специализация как отрасли науки и вместе с нею – отдаление от искусства. Цели картины, книги и карты не слишком различались – карта была схемой, диаграммой мироздания.

Огромной информативностью отличается вазопись – искусство росписи ваз, запечатлевшее подробности сакральной истории – деяния богов, их странствия, мистерии, ритуалы. Мифы и легенды составляют фонд, откуда черпают сюжеты художники Возрождения и Нового времени. Можно сказать, что древнейшая, допотопная история живет в сознании людей прежде всего благодаря отражению ее в произведениях искусства.

Глава 1

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ МЕРИДИАН

Александрийский меридиан и его северный отрезок.

Горная система Птолемея на Восточно-Европейской равнине. Азовское море — «Меотийское болото», «лиман Дона» или «мать-кормилица Черного моря». Алопекия — исчезнувший остров и уцелевшее название.

Об источниках знаний. Странствия Диониса-Озириса с запада на восток и Аполлона Гиперборейского — с севера на юг. Таврический полуостров — перекресток широтно-меридионального движения народов и культур.

Движение народов вдоль Александрийского меридиана в средние века.

Византийско-крымская диаспора в Москве.

«Александрийский меридиан» назван по имени города, основанного Александром Македонским и ставшего столицей учености античного мира в эпоху его эллинизации. Замечателен же он, прежде всего, тем, что древнегреческие ученые (Эратосфен, Гиппарх и др.) полагали, что устье Днепра, устье Нила с городом Александрия и городом Мероэ в его верховьях расположены вдоль этого меридиана¹.

Сегодня соответствие устьев Днепра и Нила довольно приблизительно. Но некогда оно было почти точным. Устье Нила находилось на 31 меридиане, как и устье палео-Днепра.

Сегодня мы имеем возможность включать в наше повествование данные о черноморском потопе, породившие немалую литературу на разных языках. По данным морских геологов из США, Украины, России картина такова: во время последнего ледникового периода уровень воды значительно понизился. На нынешнем шельфе образовалась равнина, густо изрезанная системой рек. Она существовала с 15 000 до 8000 лет, когда вновь ушла под воду. Создана карта равнины с палео-руслами крупнейших рек. В центре ее — Палео-Днепр: река делала крутой поворот на юг близ нынешней Одессы и протекала 200 км по шельфовой зоне. Эти

данные создают возможность новых прочтений античных текстов. Известно, что их авторы далеко не путешествовали; зачастую они пересказывали сведения из недошедших до нас сочинений. Не следует торопиться обвинять их в ошибках; в ряде случаев их описания относились к прежде бывшему состоянию вещей и нередко представляют нам картину допотопную или послепотопную. Следует читать их с палеогеографической картой в руках.

Изучение меридионального направления в перемещениях народов и культур тем более важно, что в античном мире господствовало широтное разграничение мира, а меридиональное — явление более позднее. Памятью о нем являются раннесредневековые «Т-карты», точнее, схемы, где представлены по горизонтали — Европа, а под ней, разделенные вертикалью — Ливия (Африка) и Азия. Другими словами, был обозначен южный отрезок меридиана, а северная часть ойкумены оставалась безвестной. Однако северный отрезок меридиана особенно важен тем, что распространялся на народы Севера, открывая путь культурным импульсам, идущим от Египта и Палестины, от держав Двуречья к северным речным путям, к будущим городам Киевской и Московской Руси. Южный участок меридиана, совпадавший с течением Нила, был известен лучше: согласно античным историкам (Арриан, Курций Руф), Александр намеревался вернуться в Александрию и дойти до Мероэ, столицы Эфиопии. Созданные о великом полководце легенды идут дальше реальности, приписывая Александру посещение Мероэ и царицы Эфиопии Кандакии. Намечают они и северный отрезок меридиана: так, полководец Александра Зопирион в походе на скифов дошел до Ольвии и реки Борисфен (Днепра), где воздвиг алтари в честь Александра. Древние землепроходцы, от Геракла до Александра Македонского, соблюдали обычай отмечать крайние достигнутые ими пределы Ойкумены памятными камнями; именно такой смысл носили пресловутые «Столпы Геракла» в проливе Гибралтар. Знаменательно, что подобные столпы долгое время существовали на Днепре, и их

изображение сохранилось. Здесь необходимо упомянуть так наз. Грамоты Александра Македонского, имевшие хождение в XV–XVII веках, где говорилось о землях, пожалованных славянам, от Ледовитого океана до Адриатического моря и до Каспийского моря. Во всех случаях ориентация давалась по вертикали, с севера на юг, но восточная и западная границы славянской ойкумены оставались неясными. Отчасти указанием на них могли служить эпизодические упоминания о «жертвенниках», или алтарях, которыми Александр отмечал границы своих владений. Правда, находятся они зачастую на местах, куда великий полководец не заходил – на Кавказе, на Днепре, близ Смоленска. Герберштейн намеревался обнаружить такие памятники на Дону, полагая, что здесь пролегла граница между его империей и славянскими землями. В качестве восточных границ назывались Днепр, Дон, Каспий, Уральский хребет, а под западными подразумевались Одер и Эльба. Такие представления были широко распространены: ссылка на авторитетное имя знаменитого полководца должна была утвердить равноправное положение славян среди других народов Европы. Обычай ставить каменные стелы – «алтари», жертвенники, гораздо древнее и восходит, скорее всего, к памятникам мегалитическим. Последнее относится и к «столпам Геракла». Принято считать, что они находятся в проливе Гибралтар. Но, согласно отмеченной нами закономерности переносить место действия мифа на Запад, мы не должны удивляться, обнаружив их аналог на Днепре.

Меридиан в неведомые северные земли продлевался постепенно: согласно Геродоту, в Приднепровье странствовал Геракл и здесь встретился со Змеедовой, дочерью Борисфена, став родоначальником скифских царей. Существует весьма краткое, но выразительное упоминание о последнем странствии Одиссея в том же направлении. Сакральная топография Боспора Киммерийского – отдельная тема; ограничимся кратким упоминанием, что здесь Одиссей посетил Аид дабы услышать пророчество мудреца

Тиресия, и тот сказал ему следующее: будешь странствовать с веслом на плече, покуда не придешь в земли, где не видели моря, и тебя спросят: Чужеземец, что за лопату ты несешь? Другими словами, Одиссей был направлен к народам, которых Геродот называет «скифы-пахари» или «скифы-земледельцы»: ведь принять весло за лопату мог только земледелец, живущий вдали от моря.

Именно среди них древние греки почерпнули представление о реках Скифии, текущих с высоких северных «Гиперборейских» гор, расположенных в широтном направлении и ныне не существующих. Все чаще высказывается предположение, что это был край ледника, который впоследствии растаял.

Горная система Птолемея на Восточно-Европейской равнине

Вдоль Александрийского меридиана расположена Восточно-европейская равнина, где на протяжении тысячелетий происходили важные явления, связавшие народы Севера, или «Гиперборею», с Северным Причерноморьем. Речь идет о наступлениях и отступлениях ледников, обусловивших миграции народов, их картину мира и сведения о северной ойкумене, и донесенных до нашего времени античными авторами и средневековыми картами. Арктические явления в священных древнеиндийских текстах («Ведах») и древнеиранской «Авесте» были тщательно проанализированы Б.Г. Тилаком еще в начале XX века. Древнеиндийский эпос «Махабхарата» сохранил память о первобытном Северном Ледовитом океане — «северном океане» или «молочном море», доступном только птицам, и горе Меру, подобно короне опоясывающей землю.

Только сейчас, на стыке наук геологии, географии и истории начинаем мы понимать их смысл. Задачу облегчает то, что эта часть света особенно подробно описана у античных писателей и подкреплена изображениями на старинных географических картах.

Долгое время как свидетельство ошибок и невежества старых географов воспринималась обширная горная система, перекрывающая плоскую ныне Восточно-Европейскую равнину современной географии, на картах XV–XVI веков по системе Птолемея. Подчиняясь авторитету величайшего географа поздней античности – Клавдия Птолемея, столетиями картографы продолжали воспроизводить Гиперборейские горы, протянувшиеся вдоль параллелей 60°–62° от Урала на запад несколько выше слияния Камы с Волгой (обе носят название Ра). То есть между 57 и 55 градусами северной широты, примерно по северному краю возвышенностей: Бугульминско-Белебеевской, Приволжской, Среднерусской, Белорусско-Смоленской, вдоль рек – Белая, Кама, Волга, Ока, Днепр, Неман, где теперь лишь холмы высотой порядка 120–150 метров и следы окраин древних ледников. Долгое время предпринимались попытки отождествления Гиперборейских гор с Уралом (Бонгард-Левин и Грантовский, 1983 г.). В 1987 году литовский ученый А.А. Сейбутис, рассмотрев загадки восточноевропейской палеогеографии в свете мифов, отождествил Гиперборейские горы с краем ледника Валдайского оледенения (10–75 тысяч лет назад). «На карте Птолемея нанесена длинная горная цепь – Гиперборейские (Рифейские) горы. Этот хребет на Русской равнине точно совпадает с краем ледникового щита Валдайского оледенения», – утверждает А.А. Сейбутис². Итак, несуществующие сегодня горы были истолкованы как край ледника.

Еще в 1966 году Ч. Хепгуд обратил внимание на то, что Птолемеи карты могут отражать ледниковые реалии, правда, его наблюдения ограничились лишь Севером Западной Европы. «Если мы обратим внимание на Южную Швецию, то можно увидеть еще ряд свидетельств, связанных с оледенением. Хотя в Скандинавии и существуют ныне ледники, ни одного из них нет в этой части Швеции. Но карта отражает здесь географические объекты, нарисованные в том же стиле, что и гренландский ледниковый щит. Может показаться невероятным, что составитель нарисовал

исчезнувшие ледники, покрывающие эту страну в конце последней ледниковой эпохи, около 10 тысяч лет тому назад. Некоторые отчетливые детали усиливают впечатление. Озера показаны похожими на современные, а речные потоки сходны с тальми водами, стекающими с ледников в озера. Для меня это весомое свидетельство быстрого таяния ледников во время их отступления. Само собой разумеется, что ни в XV столетии, ни в раннем средневековье, ни в эпоху Римской империи никто даже не подозревал о существовании ледников в Северной Европе и уж тем более не мог представить' или выдумать ледники в Южной Швеции. Следующие детали заслуживают некоторых пояснений. Схожие гляциальные черты, связанные или не связанные с цепями горных хребтов, могут наблюдаться на этой карте южнее Германии и Балтийского побережья. Они прослеживаются уже в горном массиве Гарц в Германии, имеющем правильную долготу относительно Южной Швеции, продолжают на восток через Судеты к Карпатам, сопутствуя этим горам, простирающимся в южном направлении: Далее карта показывает, что ледник поворачивал на север, где он совершенно точно совпадал с возвышенностями Белоруссии и заканчивался на Ливонских высотах (около 57° с. ш.), верно соответствующих широте Южной Швеции»³.

Действительно, края современных ледников в виде ледяных обрывов напоминают горы. В связи с этим обратим внимание на свойство старинных карт — сочетать схему с элементами изображения. Такова 2-я карта Азии по Птолемею, 1511 года, где Гиперборейские горы и их отроги изображены в виде обрывов с озерами, примыкающими к его подножию, которые удивительно напоминают приледниковые водоемы талых вод и откуда берут начало Дон (Танаис), Волга (Ра) и Кама. Ещё арабский географ ал-Идриси (XII в.) описал Гиперборейские горы как гору Кукайя: «Это гора с отвесными склонами, на неё совершенно невозможно подняться, а на её вершине лежат вечные, никогда не тающие, льды... Её тыльная часть невозделана; из-за сильных морозов там не водятся звери».

Однако некоторые подробности «горной системы» старых карт вынуждают сделать еще более удивительные выводы. Оказывается, они сохранили следы более древнего и более мощного оледенения – Днепровского!

На протяжении плейстоцена Восточная Европа многократно переживала оледенения. При этом Скандинавские ледяные щиты охватывали не только северо-запад России, но спускались по долине Днепра вплоть до причерноморских степей

Ледниковые эпохи плейстоцена наступали с периодом 100 тысяч лет, следуя изменениям орбиты Земли. Во время последнего максимума оледенения около 21 тысячи лет тому назад ледники Евразии имели меньшее распространение, чем в более древние оледенения. Это позволяет выделить сверхдревние картографические аномалии, то есть относящиеся к временам предыдущих оледенений.

Доисторические ледники Восточной Европы неоднократно отождествлялись с Гиперборейскими горами на географических картах птолемеевской традиции. Сопоставление южных границ ледников на современных картах с птолемеевскими картами делает очевидным, что на них изображены оба языка Днепровского оледенения, происходившего 250–170/110 лет назад.

Однако южные продолжения гор Птолемея по долине Днепра (Рипейские и Амадока), а также по Окско-Донской равнине (Гиппийские горы) не были отождествлены историками с конкретными горами современной географии. Однако они формально соответствуют двум языкам Днепровского оледенения, которое около 250 тысяч лет назад достигло широт, близких к широтам гор Птолемея⁴. Так, по Днепровской долине ледник достиг широты 48 градусов, что близко к южной границе Амадокских гор Птолемея (51 градус). А между Доном и Волгой ледник достиг широты 50 градусов, что близко к южной границе Гиппийских гор (52 градуса).

От Гиперборейских гор на юго-запад отходят горы Рипейские (Riphei montes) Птолемея, которые тянутся вдоль Днепра

и, переходя в горы Амадокские (Amadoca montes) Алаунские (Alauni montes) спускаются до широты 50° в районе долины Борисфена (Днепра). Второй отрог Гиперборейских гор под названием Гиппийские (Hippii или Hippii) montes тянется на юг до 52° широты между Доном и Волгой, по «Окско-Донской равнине» современных карт. Оба направления совпадают с двумя языками Днепровского ледника, который максимально продвинулся на юг до 48° – 50° широты именно по долине Днепра и по Окско-Донской равнине.

Действительно, в Европейской части СССР ледники спускались на Юг двумя гигантскими языками – днепровским, продвигавшимся по Приднепровской низменности до широты современного г. Днепропетровска (около 48°30' северной широты), и донским, двигавшимся по Окско-Донской равнине до устья р. Медведица (около 49°35' северной широты). Среднерусская возвышенность, разделявшая оба языка, покрывалась льдами частично только севернее г. Орла. Восточнее южная граница оледенения уходила на Север, вдоль западных склонов приволжской возвышенности и пересекала Урал немного южнее 60° северной широты⁵.

Собственно Гиперборейские горы соответствуют восточному краю Днепровского ледника между реками Волга и Обь, где его граница проходила с запада на восток как раз вдоль 60° параллели. Резкие обрывы у краев современных ледников действительно имеют горообразный вид.

*Азовское море – “Меотийское болото”,
“лиман Дона” или “Мать-кормилица Черного моря”*

Названия географических объектов (топонимы) порой сохраняются на протяжении тысячелетий. Смена этносов, казалось бы, должна способствовать их исчезновению, но нередко она имела следствием лишь перевод топонима на свой язык с сохранением смысла названия.

Наиболее важным примером, косвенно подтверждающим ледниковые реалии старых карт, вычерченных по Птолемею в XVI–XVII веках, является название Азовского моря. Еще Сейбутис (1987) обратил внимание на то, что в древней географии и на средневековых картах (вплоть до XVIII в.) было принято называть Азовское море «болотом» (Palus) или «болотами» (Paludes): Palus Meotides (Сильван 1511), Maeotis Palus (Ортелий 1638).

Азовское море мелководно: глубина его составляет 7–15 м. и неудивительно, что в эпохи оледенений, т.е. более 10 тысяч лет назад, оно осушалось. Данные геологии свидетельствуют о том, что при осушении Азовского моря по его дну пролегало русло реки Дон от Ростова-на-Дону, через Керченский пролив до дельты в 60 км южнее Керченского пролива. Река впадала непосредственно в Черное море, которое было пресноводным озером с уровнем воды на 150 м ниже современного. Прорыв Босфора около 7 тыс. лет назад привел к затоплению русла Дона вплоть до его современной дельты.

Французский военный инженер Гийом Боплан в известном труде «Описание Украины» называет Азовское море «Море Лиман» или «Донской лиман». Согласно географическим представлениям того времени, Азовское море считали лиманом Дона. Иллюстрацией этих представлений служит карта, где на месте Азова пролегает узкий, извилистый «Лиман Меотийского болота» (Limen Meotis Palus). Хотя в его время не было недостатка в картах, изображавших Азовское море в границах, близких к современным, карты Боплана, вероятно, восходившие к птолемеевым картам, сохранили допотопную реальность.

Память о течении Дона по дну Азовского моря и Керченского пролива и впадения его в Черное море сохранялась у местного населения и зафиксирована разными авторами. Так, еще Арриан в «Перипле Эвксинского Понта» (131–137 гг. н.э.) писал, что Танаис (Дон) «вытекает из Меотийского озера (Азовского моря. — *Прим. авт.*) и впадает в море Эвксинского Понта». В памяти местного

населения сохранилось представление о нынешнем Керченском проливе как о русле Дона (Танаиса). Евагрий Схоластик (VI в. н.э.) привел пример такого странного мнения: «Танаисом туземцы зовут пролив, идущий из Меотийского болота в Евксинский Понт». В средние века Керченский пролив называли также «руслом Русской реки (Дона)».

Среди немногих сохранившихся в греческой транскрипции местных наименований особенно интересны осуществленные академиком О.Н.Трубачевым расшифровки названий Черного и Азовского морей. Плиний в «Естественной истории» приводит их местное название, звучавшее как «Tanaim ipsum Scythae Sinum vocant, Maeotim Temarundam, quo significant matrem maris», сам Танаис скифы называют Sinus, а Меотиду – Темарунда, что на их языке означает «мать моря» (Plin.Naturalis Historia VI, 20). Итак, Темарунда, второе название Меотиды, означало на местном языке «мать (питательница) Черного моря». Подход ученого состоял в том, чтобы «искать нескифское в скифском», или остатки праиндийского в древнеиранском, поскольку именно к этому языковому семейству принадлежали пришельцы-скифы. О.А. Трубачев обратил внимание на одновременное выделение сразу двух основ в составе Темарунда, а именно тем-арун, что должно означать «Темное, черное море», пишет ученый. — Речь идет о Черном море. И это совершенно естественно, так как само Азовское море в древности морем не называлось... Меотида, Меотийское озеро, Азовское море обозначалось как «мать моря», «кормилица моря». Единственно верную этимологию названия Maiwtis Меотида: maia «мать, кормилица»; ср. еще греч. Matar tu Pontu, мать Понта — о Меотийском озере, хорошо знали и правильно объясняли (от притока избыточных пресных вод, изливающихся в Черное море) еще в древности. Темарунда читается на языке коренного населения Боспорского царства, то есть на синдо-меотском языке, как temarun-da «кормилица Черного моря, причем последний компонент мы понимаем как dha, индоевропейское dhe — «кормить грудью».

Agun — море, неизвестное иранцам, но известное хеттам и праиндийскому»⁶. Обратим внимание, что именно к этому местному названию восходит другое встречаемое на картах название Азовского моря — Темеринда (Temerinda).

Не менее интересно то, что ираноязычные народы перевели «Черное» на свой язык, и море стало называться «Аксайна» (Ахшайна). Услышав его, греки, грешившие склонностью местные названия объяснять с помощью сходно звучащих греческих слов, осмыслили его как «Аксинский», то есть «негостеприимный» Понт. Считается, что они переименовали его в «Эвксинский», то есть «гостеприимный», после основания и расцвета греческих колоний.

Не противоречит ли смысл «кормилица Черного моря» другому его названию «меотийское болото»? Очевидно нет, если предположить, что Азовская впадина то переполнялась водой, то мелела до состояния болота, по которому пролегало русло Дона.

Таким образом, в памяти местного населения уцелело два состояния Азова — то переполненного водой от таявшего ледника, то обмелевшего в эпоху обледенений.

Алопекия — исчезнувший остров и уцелевшее название

Сохранилось немало упоминаний об острове Алопека, Алопекий; его продолжали помещать и на переизданных картах Птолемея.

Судя по описаниям, он находился в Азовском море перед Керченским проливом, а на «птолемеевых» картах он оказался в устье Дона, при этом существенно уменьшившись в размерах. Возможно, картографы не учли того обстоятельства, что под «устьем Дона» мог подразумеваться сам Киммерийский Боспор. Есть основания думать, что остатки его — Арабатская стрелка и Сиваш, Гнилое море, ставшее несудоходным из-за грязи, которую оставил

осевший остров. Глубина его — от 3 до 1 м, остров, судя по описаниям, занимал почти половину Азовского моря. «Кто следует прямо через Киммерийский Боспор, — пишет Присциан Грамматик, — тому представится на правой стороне обширной Меотиды стоящий тяжкой громадой остров **Алопекия**; за ним некогда населили Фенагору (Фанагорию) и Гермонассу потомки славного племени ионян»⁷.

Для авторов, черпающих сведения в рукописях, а не в реальности, разделяющее их время несущественно. Обратим внимание, что Страбон описывает Алопекию и город с одноименным реке названием — Танаис — как одновременно существующие. Но город в устье Дона Танаис был хорошо известен от античности до средних веков, он являлся объектом соперничества Венеции и Генуи в XIV–XV веках, его руины неплохо сохранились и музеефицированы. Алопекия перестала существовать в допотопные времена, но изображалась на картах вплоть до XV века. Итак, в описании Страбона, «На реке и на озере (Меотида. — *Авт.*) лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода. В 100 стадиях перед этим торговым центром лежит **остров Алопекия** — место жительства смешанных поселенцев. Поблизости на озере есть и другие островки. От входа в Меотиду Танаис находится в 2200 стадиях по прямому пути на север; немного больше расстояние, если плыть вдоль берега».

Остров погрузился на дно морское, но его название, приуроченное к другим селениям, продолжало существовать. Самое удивительное — оно дожило до наших дней в названии порта и крепости на Южном берегу Крыма. На глубокую древность назва-

ния местечка Алупка первым обратил внимание ученый филолог XIX века А. Гаркави. «Остатки древней крепости, план которой представлен в сочинении Кеппена свидетельствуют о том, что это не новая местность, созданная волей бывшего Кавказского наместника. Впрочем, в недавно изданном средневековом генуэзском документе упоминается уже Люпико. Г-жа Сосногорова в дополнение к словам Кеппена сообщает, что остатки крепости указывают на то, что это было обширнейшее из южнобережных укреплений и что, судя по способу постройки и по уцелевшим остаткам, оно принадлежало греко-византийской эпохе. Из этого следует, что местность эта должна была первоначально получить греческое название; но, сколько мне известно, никто не пытался доискиваться этого названия. В прошлом году я имел случай рассмотреть рукопись, содержащую копию с письма хазарского царя Иосифа, писанного коло 960 года, где между прочими крымскими местностями упоминаются и Алубика, а принимая во внимание способ транскрипции имен собственных в означенном документе, слово это можно также читать Алопека. Это навело меня на мысль, что название Алупка не что иное, как греческое слово Алопекия (*αλωπηκία*), которое употреблялось также в других местах как географическое наименование. Между прочим, Страбон упоминает местность Алопекия в дельте, образуемой рекой Доном. Название это, вероятно, давалось по причине множества лисиц (алопес) в данной местности. На южном берегу Крыма, как обязательно сообщил мне наш сочлен Ф.П. Кеппен, действительно лисицы находятся в изобилии. У византийских и других средневековых писателей Алопекия, вероятно, подразумевалась в числе укрепленных замков (та кастра кастелла) на южном берегу»⁸.

Согласимся с Гаркави в том, что название исчезнувшего острова было распространено и в других местах, что оно сохранилось в названии Алупки, что с греческого оно переводится как «лисица». Но не поддержим его в распространенном заблуждении — видеть

причину названия поселения по имени животного как свидетельство необычайного обилия данного вида в округе. Животное было спутником божества, его олицетворением — сова — Афины, лань — Артемиды, лебедь — Аполлона и т.д. Р. Грейвс, искавший следы почитания женского божества в восточном Средиземноморье, указал, что «Алопа — это луна-богиня в образе лисицы, чьим именем назван фессалийский город Алопа (Ферекид. Цит. По: Стефан Византийский под словом «Алопа»). Лиса была также изображена на гербе Мессении»⁹.

Приведем также цитату из «Объяснений к Гомеру», интересную тем, что в ней название Алопа связано с амазонками. «Фемистагор же говорит в “Золотой книге”: “Живущие в Алопе, ныне называемой Ликией, что у Эфеса, женщины, отказавшись единодушно от обычных женских занятий и надев пояса и вооружение, исполняли все мужские дела”» (ВДИ. № 1. С. 285).

На географической карте Г.Меркатора 1595 года [29], в северо-восточном Крыму показана река Indas, а рядом — река Sinus то есть на синдо-меотском Синус, Синд, фактически повторяющая название Дона — Синд. Оба названия фактически означают одно и то же, только второе более древнее и принадлежащее местным племенам — синдам и меотам. Топоним Индол сохранялся и в XX веке, в переводе «Индийский путь», поскольку реки давно не было, а через долину пролегалла дорога. Ее связывали с отрезком «Великого шелкового пути» в Индию. Племена синдов известны как древнее население Таманского полуострова (Синдика античных авторов), такое же название носит сегодня население области Синд в Пакистане. Генетические исследования выявили две волны арийской миграции в Индию: 7–12 тысяч лет тому назад из Южной Сибири через Китай и около 3600 лет назад с территории Ирана¹⁰. Следовательно, топонимы Меркатора Indas и Sinus (Синд) в Крыму можно отнести к эпохе индоевропейской общности, то есть к доисторическому времени.

Об источниках знаний

Клавдий Птолемей не был путешественником, но он работал в знаменитой Александрийской библиотеке Египта и был знаком с трудами своих предшественников, до нас не дошедшими. Кто же были эти предшественники, которые могли описывать географические реалии доисторических эпох, когда, согласно общепринятой хронологии, и письменности еще не было?

Для картографии обширных пространств необходимы измерения и письменная фиксация географических координат многих пунктов. Такой род деятельности примитивных обществ не известен, кочевники и охотники каменного века создавали порой планы и рисунки небольших участков местности.

Для ответа на вопрос о доисторической высокоразвитой культуре стало распространенным приемом объяснять необычный уровень знаний посещением земли инопланетянами. В самом деле, если следовать общепринятой хронологии, полагая, что до возникновения цивилизаций в IV—III тыс. до н.э. существовали только культуры каменного века, без инопланетян не обойтись. Однако такое вынужденное объяснение можно сравнить с известным приемом «бога из машины» (*Deus ex machina*) античных театральных представлений. Когда сюжетная линия героев драмы окончательно заходит в тупик, наверху сцены, на облаке, появляется бог и разрешает ситуацию. Разочарованным зрителям понятна неловкость драматурга, вынужденного прибегать к искусственным приемам, как и то, что «бог» появился из технического устройства. Обращение к инопланетной цивилизации, на наш взгляд, вообще закрывает возможность вести дальнейший поиск — ведь о ней мы не знаем ничего, а значит, как и Богу, ей можно приписать любые технические возможности.

Но вряд ли правомерно отказывать цивилизациям, развивавшимся на нашей планете, в высоких достижениях. Они погибали в ходе катаклизмов, которых было немало в истории земли, остав-

ляя тот или иной след в устных преданиях и письменных источниках, и, непосредственно, в знаниях. Были среди них и такие, которым суждено было развиваться в течение достаточно долгого периода времени, причем в благоприятных условиях, и достичь уровня знаний, значительно превышающего наш. Вполне вероятно предположить, что представителям такой культуры вовсе необязательно быть личными свидетелями, скажем, ледниковых гор или динозавров, чтобы сделать выводы об их существовании, — как и нам. Сегодня нам известны образцы «высоких технологий», астрономических знаний и памятники непонятного для нас назначения. К сожалению, картина мира, значительно отличавшаяся от современной, меньше интересует исследователей.

Обратимся к Александрийской библиотеке, где хранились древнейшие рукописи, из которых можно было почерпнуть немало сведений о Скифии — так обобщенно называли северную часть ойкумены с Черным морем, Меотидой, Тавридой, Кавказом. Ученые начала XX века отмечали связи Египта с Кавказом, опираясь на данные археологии.

Сегодня вопрос может быть поставлен значительно шире — современная наука, опираясь на достижения генетики и гаплогруппы, предлагает ответ о миграциях человека из Северной Африки в Евразию. Исследование ДНК жителей Северной Африки показало, что около 55 000 лет назад люди мигрировали из Африки в Евразию через Египет. Далее путь наших предков проходил через так называемый левантийский коридор в современном Ближнем Востоке, откуда они расселялись по территориям Европы или Западной Азии.

«В ходе анализа было обнаружено, что современные египтяне генетически более похожи на неафриканцев, чем эфиопы и что генетическое сходство между египтянами и евразийцами выше, чем между эфиопами и евразийцами. Это говорит о том, что Египет, скорее всего, был последней остановкой на пути из Африки», — рассказал руководитель исследования Лука Пагани из британского Института Сенгера.

Таким образом, генетики из Кембриджского университета под руководством Луки Пагани (Luca Pagani) сумели отделить древнейшие фрагменты генов от более поздних и пришли к выводу, что у египтян больше генетического сходства с людьми, живущими за пределами Африки, чем у эфиопов. Расхождения с египетскими геномами появились у жителей Евразии позже, чем с эфиопскими. Это значит, что мигранты двигались из Восточной Африки в Евразию преимущественно северным путём¹¹.

Как удалось установить ученым, обитатели Европы и Азии разошлись с египтянами намного позже, чем с эфиопами: от египтян древние «мигранты» отделились 55 000 лет назад, а от эфиопов — 65 000 лет назад.

«Это потрясающе, что в нашу геномную эру ДНК живых людей позволяют нам исследовать и понимать события, произошедшие 60 000 лет назад, — прокомментировал открытие Пагани. — Самое захватывающее следствие наших выводов — это то, что мы, наконец, сняли завесу, которая скрывала важный эпизод в истории всех евразийцев, и тем самым улучшили знания об эволюционной истории миллиардов людей на планете»¹².

Это огромный шаг в науке о древнейшей истории человечества, но теперь можно было бы поставить вопрос: отразились ли эти миграции в каких-либо мифах и преданиях? Миф — предельно сжатая, «свернутая» форма информации со своими приемами подачи. Согласно ей, множество миграций, их временная протяженность, их предводители — все это подается в единичной форме, в которой спрессована множественность повторяющихся событий, а главный герой выступает в облике обожествленного царя. Учитывая сказанное, обратимся к свидетельству отца истории Геродота о такой миграции египтян на Кавказ, в Колхиду, под руководством Сезостриса: это имя будет неоднократно возникать на протяжении нашего рассказа.

Геродот. Происхождение колхов (II, 103–105)

Так прошел [Сезострис] материк, пока не покорил скифов и фракийцев, перешедши из Азии в Европу. Их [колхов] страна, как мне кажется, — самый дальний пункт, куда доходило египетское войско: ибо действительно в той стране оказываются поставленные столпы [отмеченные на птолемеевых картах. — *Авт.*], а дальше их уже нет. Отсюда же он повернул назад и прибыл к реке Фасису; я не могу с точностью сказать, сам ли царь Сезострис, отделив некоторую часть своего войска, оставил там для заселения страны, или же некоторые из его воинов, недовольные его странствованиями, остались на реке Фасисе.

104. Ведь колхи, очевидно, египтяне: я высказываю это мнение, сам пришедши к нему прежде, чем услышал от других, а так как это заинтересовало меня, то я расспрашивал тех, и других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи происходят от Сезострисова войска. Сам я предположил это потому, что колхи темнокожи и курчавы. Впрочем это ничего не доказывает, так как есть и другие народы с подобными приметами. Гораздо важнее то обстоятельство, что колхи, египтяне и эфиопы одни из всех людей искони совершают обрезание. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, и сами признают, что научились этому от египтян, а сирийцы, живущие у Термодонта и реки Парфения, и соседние с ними макроны говорят, что недавно научились этому у колхов.

В греческой литературной традиции существовал рассказ о деяниях древнего царя или бога, наделенного всеми чертами «культурного героя»: египтяне называли его Озирисом, греки Дионисом, римляне — Вакхом. Решив приобщить людей к полезным открытиям, прежде всего, научить их возделыванию хлеба и вина, он отправился в длительное путешествие вплоть до Индии, неся

всюду изобилие и радость, основывая города, которым давалось одно и то же имя — Ниса. Кстати, Дионис и значит «Бог Нисы»: Стефан Византийский в своем обширном географическом словаре «Описание племен» (дошедшем до нас в сокращении) отмечает: «Нисы... называются многие города»¹³. Побывал Озирис-Дионис и в Таврике, где также научил людей земледелию и виноградарству: именно с этим, согласно легенде, и связано название страны, поскольку священным животным как Озириса, так и Диониса был бык — по-гречески таврос. Именно таким его изображают рисунки на вазах — «богом Нисы», увенчанным виноградной лозой и восседающим на быке в окружении сатиров и вакханок. Переправа священного быка из Колхиды в Тавриду, с востока на запад, увековечена в названии Босфор — бычья переправа.

Некоторые авторы наделяют Диониса именем Сезострис, но египетский фараон с таким именем неизвестен, поскольку речь явно идет о додинастической эпохе. Аполлоний Родосский в поэме «Поход аргонавтов» избегает называть героя похода по имени:

Говорят, что оттуда (из Египта) всю Азию и всю Европу
Некий муж (Сезострис. — прим. ВДИ) обошел,
положась на дружин своих смелость
И на их силу и мощь, и при этом обходе без счета
Он городов населил, из коих одни существуют,
Нет уж других, ибо много веков с той поры миновало.
Эя стоит и теперь еще твердо, и внуки живут в ней
Тех мужей, коих он насадил поселенцами Эи,
и хранят они от отцов столбы с письменами,
А на столбах начертаны тех пути и пределы
Моря и суши пути для всех, кто вокруг света ездит¹⁴.

Что это, как не прямое указание на карты? Другие записи отмечают, что плавание аргонавтов имело целью приобщение к знаниям, содержавшимся в этих табличках. Итак, с именем

Сезостриса связано основание сакрального центра в Колхиде, города Эйя, куда спустя много столетий приплывают аргонавты за «золотым руном». Метафорически или символически это вполне могло означать приобщение к древней культуре.

Знаменательно и упоминание о племени камаритов — морских пиратов или рыбаков, плававших на небольших судах, которые греки называли камарами. Это небольшие узкие и легкие ладьи, вмещавшие от 25 до 30 человек. В Юго-Западном Крыму сохранилось селение по имени Камара. Митрополит Евстафий (XII в.) в комментариях к «Землеописанию» Дионисия (писатель времен Домициана) писал: «Эти камариты, по словам Дионисия, гостеприимно приняли Вакха по возвращении его с Индийской войны и участвовали в плясках вместе с вакханками, накинув на грудь их одеяния, то есть пояса и олени шкуры, и восклицая "эвое, Вакх!"»¹⁵.

Поэма Нонна «Дионисии» в значительной части посвящена войне Вакха и Дериада, царя индийцев. По словам Моро де Жоннеса, среди местных тамиллов сохранилось предание, что некий герой, «гигантский бык», вышел из города Нисада неподалеку от горы Меру. Его головной убор был украшен рогами, он употреблял в пищу много мяса и вина; его колесницу, влекомую львами, леопардами и слонами, сопровождали 8 божественных спутников¹⁶.

Солнечный бык египтян, божество виноделия греков, небесный Телец жрецов — все эти представления обычно имели земные соответствия. Так и в Озирисе-Дионисе античная традиция единодушно признает великого завоевателя и благодетеля людей. Для Александра Македонского Вакх-Озирис служил идеалом монарха и образцом для подражания. Чтобы походить на него во всем, пишет Моро де Жоннес, он «велел оракулу Аммона провозгласить себя богом; он пересек Азию, основывая города, которые называл единственным именем — Александрия, поскольку говорили, что Озирис давал своим одно и то же имя — Ниса. Добравшись

до Пенджаба, он вынужден был из-за ропота армии повернуть обратно. Его самым большим горем было то, что он не смог, подобно Вакху, проникнуть в Индию. Правдоподобно ли, что такой предводитель, имевший учителем Аристотеля, имел образцом для подражания воображаемого героя?»¹⁷

Стефан Византийский перечислил эти Нисы – города и селения, своего рода вехи, обозначающие путь и империю Озириса-Диониса: из них семь было расположено в Индии, восемь на Кавказе, девять в Ливии, пять в Египте. Одну Геродот помещает в Эфиопии. Ниса в Палестине, неподалеку от Иерусалима, называлась Скифополис, ее основание приписывали Вакху.

Многие из этих городов сохранились по сей день под другими именами. В Бактриане – Нисея Букефалос, ныне Нишапур, Нуссари около Сурата, где горел вечный огонь. Самый знаменитый из этих городов – Ниса, ныне называемая Герат. Здесь Александр Македонский сделал остановку на пути в Индию, и в течение 10 дней победитель Дария и его солдаты предавались вакханалиям на месте, где по преданию останавливался Дионис со своей армией.

Этимология слова «Ниса» неизвестна; оно может быть возведено к греческому слову *nussai*, заимствованному из более древнего языка. Оно означало вначале камни, вытесанные в форме обелиска и служившие обозначению границ. Позднее греки стали называть их гермы, а римляне – термы. (Терминал, термини – вокзал, конечная станция и т.п.) *Nussai* были посвящены вначале Дионису и Аполлону, которых в древности нередко смешивали (солнечное начало). Возможно, города с именем Ниса были пограничными. Но возможно также, что речь шла о поклонении камням, шире – о мегалитической культуре, некогда распространенной по всему Средиземноморью (и за его пределами). Другим названием этих камней-алтарей у греков было омфалос – «пуп земли», но точнее, «центр мироздания», помеченный символическим камнем.

Некоторый свет на значение названия «Ниса» проливает следующее упоминание Страбона, которому сам он, вероятно, не придавал большого значения. «Некогда областью Дардания (по имени Дардана — одного из допотопных царей) в Троаде владели предки Энея. В глубокой древности им принадлежал город Ниса на горе Мер, основанный Дионисом и знаменитый своей священной виноградной лозой»¹⁸. Меру — название мировой горы в индуизме; замечательно, что гора Мер или Меру была изображена на старинной карте 1539 года Макробием в качестве центра затонувшего северного континента — Гипербореи или Арктиды. Символика прозрачна — Дионис — «бог Нисы» некогда вышел из духовного центра, связанного с «мировой горой Меру» и — через древнеиндийскую — с гиперборейской традицией. Однако греки сделали не только из имени, но и из происхождения Диониса криптограмму, смысла которой, вероятно, сами не сознавали; ведь согласно мифу, он родился из бедра (по-гречески звучит как «мерос») Зевса (то есть «бога»). В связи с этим Рене Генон высказал важное замечание: «Дионис или Вакх был известен под многими именами, соответственно различным аспектам этой фигуры; по меньшей мере, один из этих аспектов связывал происхождение Диониса с Индией. Сказание, согласно которому он родился из “бедра Зевса”, основано на любопытнейшем словесном отождествлении: греческое слово “мерос” (бедро) послужило заменой названия незыблемой священной горы Меру, ибо фонетически они почти идентичны»¹⁹.

От историков Александра Македонского мы узнаем о северных пределах похода Осириса-Диониса. Между Оксом и Яксартом, где начинаются пески среднеазиатских степей, войско Александра, преследуя скифов, натолкнулось на барьер, составленный из крупных каменных блоков и поваленных деревьев, который, по словам Квинта Курция, называли границей Вакха (Q.-Curtii, I, VI, ch.IX).²⁰ . Неподалеку находилась группа из семи городов: главный из них, построенный из камня, назывался Куру, то есть

солнце, солнечный город. Они были заняты воинственным населением, которое грекам удалось подчинить не без труда. Древность городов этой части Азии поразила их. Нин, основатель Ассирийской империи, по словам Диодора, осадил Бактры, которые были могущественным городом за два тыс. до н.э. Но задолго до них Бабиан, по преданию основанный Озирисом, был столицей всей Бактрии. Далее Озирис-Дионис отправился на запад и к юго-востоку от Каспия основал Нису Гирканскую.

В стране, позднее известной как Мидия, около Каспийских ворот (проход в горах) находилась другая Ниса, в окрестностях которой паслись в степях, поросших священным трилистником, великолепные белые лошади, предназначенные богам. Следуя побережьем Каспия, Дионис достиг Аракса и Куры и проник на Кавказ, затем достиг Черного и Азовского морей, где основал город. На берегу Черного моря в районе Колхиды он оставил часть спутников, основавших в устье Фазиса (Рион) город Эя. Возвращаясь в Египет, Озирис-Дионис пересек Сирию и Палестину: здесь еще в античные времена существовал мост через реку Оронт, который, как считалось, был выстроен для переправы его армии. Большинство городов, основанных им в Азии, стали впоследствии важными религиозными центрами: менялись лишь имена богов.

Античные авторы, от Геродота до Помпония Мелы, утверждают, что древнее население Колхиды имело египетское происхождение. Геродот, ссылаясь на беседу с египетским жрецом, называет основателем Колхиды Сезостриса. Таково же было и мнение обитателей страны, сохранившееся в местных преданиях вплоть до нашего времени. По мнению Моро де Жоннеса, не следует искать это имя среди известных египетских династий. Это герой весьма отдаленной эпохи, успевший стать богом Озирисом, вернее, совместившийся с ним. Точнее, распространение культа Озириса во времена XII династии означало «разведение» образов бога и царя-полководца: так появился Се-Озирис,

Сезострис. Аполлоний Родосский, египтянин родом, пишет, что это было во времена, когда расположение звезд на небе было совсем иным, потомство Девкалиона не заняло еще землю пеласгов, то есть до потопа:

Всех еще не было звезд тогда, что вращаются в небе
И о Данаев святом никто не услышал бы роде,
Если б спросил. Были только Аркадяне Апиданийцы,
Да, лишь Аркадяне, что, как поется, еще до Селены
Жили в горах, желудями питаются. Даже Пелазгов
Славными не управлялась земля Девкалидами вовсе,
О ту пору, когда в славе были уже многонивный
Черный Египет... ²¹.

Самое удивительное — это то, что древняя традиция сохранила дату похода. Ее приводит Плиний Старший: «От Вакха до Александра было 154 царя и прошел 6451 год и три месяца»²². Такая точность подсчетов и упоминание «царей» (что нехарактерно для Греции) заставляет предположить восточное, скорее всего иранское происхождение этих данных, вероятно, полученных во время похода Александра и долженствующих подчеркнуть преемственность его царствования.

Имя Се-Озирис сохранилось в памяти народов Кавказа. Горские племена черкесов, осетин, сванов сохраняли обычай ежегодно отмечать праздник Сеозереса — божества, не принадлежавшего религиям аборигенов. Это, говорили они, — великий царь-путешественник, обошедший мир и научивший людей полезным искусствам; ветры и море повиновались ему. Черкесы почитали его по архаическому обычаю: его символом служил ствол грушевого дерева — вероятно, образа «древа мирового», украшенного зажженными свечами, символизирующими светила. Этим наблюдением мы обязаны замечательному путешественнику Дюбуа де Монпере, который добавляет, что подобным же образом пелас-

ги поклонялись Юпитеру под видом дуба, Гераклу — под видом тополя²³.

Воспоминание о царе-путешественнике существует и в буддистской традиции: Индия называет его Шам — имя, под которым во всем азиатском Востоке подразумевают египтян, отмечает Моро де Жоннес²⁴.

*Странствия Диониса-Озириса с запада на восток
и Аполлона Гиперборейского — с севера на юг*

Вообще движение народов вдоль оси Средиземноморье — Малая Азия подкреплено немалым числом примеров. Однако меридиональное направление, хотя и не в пример слабее, также наметилось еще в архаическую эпоху.

Аполлон и Дионис — два великих символа противоречивой европейской культуры. Этими образами пользовались Фридрих Ницше, Владимир Соловьев, поэты, философы и филологи. Но нам важно то, что именно обе эти фигуры прочертили «крест пространства» своими легендарными путешествиями, в которых отразилось движение народов, причем в широтном направлении они связаны с богом (культурным героем) Дионисом, в меридиональном — с Аполлоном Гиперборейским.

Согласно античным авторам, Дионис, он же Озирис египтян, он же фараон Сезострис — образ, в котором слились черты бога и царя одновременно. В изложении Диодора Сицилийского, Озирис — Сезострис — Дионис отправился в путешествие от Египта до Индии, приобщая людей к открытиям цивилизации, прежде всего, к возделыванию хлеба и вина. Побывал Озирис-Дионис и в Таврике (Sic!), где также научил людей земледелию и виноградарству. Священным животным обоих был бык, таврос; отсюда попытка связать это слово с названием страны — Таврида. «Говорят, что здесь Дионис, запрягши пару быков, вспахал землю, и от

этой пары быков получил имя народ», то есть тавры, писал Стефан Византийский. Еще раньше здесь паслись быки Гериона, которых должен был изловить Геракл...

Путешествие Диониса — самое раннее освоение пространства в широтном направлении. За ним последуют создатели Вавилонской, Ассирийской, Персидской империй, греко-персидские войны античности, когда «напирала» Азия; и как ответ на них, поход Александра Македонского, мечтавшего объединить ойкумену под благодатными лучами эллинской культуры, в синтезе с древневосточными цивилизациями. Позднее во всю длину ойкумены от берегов Средиземноморья до Малой Азии расположилась Римская империя; в средние века ее восточная часть стала Византией и, после ее падения, на этой территории расположилась империя Османская.

Особенно подробно о путешествии Диониса повествуют изображения на античных вазах. Дионис-Вакх в сопровождении украшенных венками менад и сатиров путешествует по свету с виноградной лозой в одной руке и канфаром для вина — в другой. Под звуки флейт, свирелей и тимпанов шумное шествие движется по горам, лесам, зеленым лужайкам. Порой Дионис восседает на колеснице, запряженной пантерой, грифоном и быком, погоняя их тирсом. Животные символизируют дальние северные и восточные земли, где, по преданию, побывал бог. Гонимый ревнивой Герой, он прошел по землям Египта и Сирии, затем во Фригии был посвящен в таинства Кибелы, обошел Фракию и направился в Индию (Аполлодор).

Дионис-Вакх учит людей разводить виноград и делать вино. Все покоряет он своей власти, но там, где встречает сопротивление, покоряет силой, хотя и довольно мирными средствами — в руках у него тирс и виноградная лоза. Но тех, кто противится ему, не хочет признавать и чтить как бога, он сурово наказывает. Однажды его похитили пираты, но он превратил мачту в виноградную лозу, увешанную тяжелыми гроздьями.

Порой Диониса изображали в виде бога Аммона с загнутыми вниз рогами барана. Известны подобные изображения Александра Македонского, избравшего примером для подражания легендарное путешествие Озириса—Диониса. Обожествленный великий полководец, стремившийся объединить восток и запад ойкумены, изображался то в виде фараона, то подобно египетскому Аммону, оракул которого признал его богом, наделялся загнутыми вниз рогами. На востоке сохранился его почетный титул — Дхул-Карнайн, то есть Двурогий.

Самые дальние походы до краев Ойкумены — обитаемой земли, окруженной Океаном, — в античности связывали с именами Диониса (Озириса) и Геракла. С ними же связывали обычай ставить пограничные столбы — каменные стелы или алтари. «Пройдя через Фракию и всю Индийскую землю и поставив там стелы, Дионис пришел в Фивы» (Аполлодор, кн. III, гл. 5, 2). «Геракл, отправившись за коровами Гериона на остров Эрифию (Эритею), пришел в Ливию и...поставил там памятные знаки о своем походе — две одинаковые каменные стелы» (Аполлодор, кн. II, гл. 5, 10). Имея их в качестве примера, Александр Македонский стремился дойти до Индии, где воздвиг 12 алтарей богам, а по возвращении обойти и Скифию, расширив пределы ойкумены на север. Ранняя смерть помешала этому, но традиция устойчиво связывала с его именем (или с именами его полководцев) «алтари» на Днепре или в излучине Дона, «столпы» на сев. Кавказе: именно там изображены они на картах античного географа Клавдия Птолемея, воспроизводившихся с XIV—XV век и позднее.

Переиздание Географии древнегреческого ученого Клавдия Птолемея впервые состоялось в 1477 году в Болонье. Мы воспроизводим «Вторую карту Азии» по переизданию 1511 года в Венеции. Карта имеет трапециевидную форму, в боковых рамках указаны градусы. На 62 градусе широты указаны Гиперборейские горы, левее их продолжение — Рифейские горы. Около обоих — алтарь Александра, в излучине Дона — алтарь Цезаря. В устье Дона

в Азовском море — остров Алопекия (ныне отсутствующий, о нем выше); к востоку от Азова — колонны Александра.

Эти памятные знаки повторялись и в конце XVI столетия. Мы видим их на карте из Атласа Абрахама Ортелия «Зрелище земного мира», Амстердам, 1595 г. «Экспедиция Александра Македонского». Над Черным морем отмечено место, до которого дошли войска Македонца — красный прямоугольник «алтаря». Внизу слева, в картуше изображено святилище бога Аммона в Ливии, сыном которого считался, точнее, провозгласил себя Александр.

Почти в те же баснословные времена наметилось движение в меридиональном направлении: его героем стал Аполлон Гиперборейский.

Связи древних народов Причерноморья с народами Эгейского бассейна подкрепляются археологическими данными II тыс. до н.э. Континентальный торговый путь существовал еще в архаическую эпоху. Об этом рассказывает легенда о дарах гипербореев Аполлону. Геродот²⁵ сообщает, что по старинному обычаю ежегодно в храм Аполлона на острове Делос прибывали священные дары гипербореев — первинки (или «начатки» — первый сноп) пшеницы, обернутые в солому. Они следуют на Делос через Скифию, с севера на юг: обычай был известен под названием «гиперборейские шествия». Согласно Павсанию, жертвенные начатки «гипербореи передают аримаспам, аримаспы — исседонам; от этих последних скифы доставляют их в Синоп, а затем через земли эллинов они доставляются в Прасий (в храм Аполлона. — *Прим. авт.*), а затем уже афиняне везут их на Делос»²⁶. Другими словами, начатки доставлялись племенами Северного Причерноморья к берегам Черного моря, переправлялись в Синоп, затем передавались из рук в руки греками Малой Азии, пока не достигали Аттики (город Прасий) и лишь оттуда морским путем отсылались на Делос. Путь даров гипербореев, сакральные паломничества как бы предваряли архаичный торговый путь, по которому возили товары из Скифии. Явная аналогия средневекового «пути из варяг в греки»!

Еще важнее, что порой сохранялись и связи в виде паломничеств. К числу последних относятся и вышеизложенные предания о «гипербореях», не только посещавших, но даже остававшихся при Делосском храме Артемиды и Аполлона. Сохранилось упоминание о том, что «гипербореи» посылали со священными дарами двух девушек; Геродот приводит их имена «Арга и Опида» — из «первого посольства», а затем «Лаодика и Гипероха» — из следующего. Вероятно, девушки сами были жертвами Артемиде. Во всяком случае, из описания Геродота следует, что «их могила находится внутри святилища Артемиды и на ней растет оливковое дерево»; им воздаются почести: «делийские юноши и девушки перед свадьбой отрезают прядь волос и кладут на могилу». Равным образом почести воздаются и могиле Арги и Опиды, которая находится позади храма Артемиды; на нее «высыпают золу с алтаря»²⁷. Все это, как полагает и Ю. Шилов, свидетельствует в пользу мнения, что «гиперборейские девы» посылались в жертву Артемиде, причем они сами возглавляли «гиперборейские шествия».

Исследования «курганного обряда», осуществленные Шиловым, воскрешают древний менталитет, когда «принесение себя в жертву» не было простой метафорой: оно предполагало сознательное и добровольное согласие на смерть; это означало из мира людей отправиться в мир богов и за это получить «дары для народа» — дожди, свет, тепло и урожай. Это были первые «космические странники», как называет их автор исследования. Этот менталитет помогает уяснить смысл древнего предания о девушках, отправлявшихся в далекое путешествие как жертвы Аполлону и Артемиде²⁸.

Но и сам Аполлон был богом-путешественником, причем исключительно в меридиональном направлении. С наступлением осени его колесница в лебединой упряжке покидала храмы на острове Делос и в Дельфах и уносилась до весны в страны гипербореев. Связь с мифической прародиной северных народов отразилась и в том, что, согласно «Илиаде», Аполлон выступает

покровителем припонтийского населения Трояды и ее главного города — Трои. Когда Ахилл на побережье Трояды убил местного героя Кикна, это вызвало особый гнев Аполлона, который выступил вследствие этого в защиту троянцев. Дело в том, что имя Кикн означает лебедь, священная птица Аполлона. Для нас знаменательно и то, что имя Кикн восходит к древнему корню, оказавшемуся общим для греческого и славянского: в последнем «кикать» — кричать по-птичьи²⁹.

Аполлон Гиперборейский — бог-путешественник, лебеди... Эти приметы свойственны и некоторым «гиперборейским» народам. К ним относили и венетов, вендов, расселившихся в северной Италии, которые признаются славянским народом. Вергилий в «Энеиде» рисует появление в Италии Энея, бежавшего из разрушенной Трои. Этруски Мантуи посылают ему на помощь вооруженных воинов на кораблях. Далее процитируем историка А.И. Немировского: «Согласуясь с этнической картиной докельтской Северной Италии, Вергилий в составе этой военной экспедиции ввел воинов местных народов лигуров и венетов. Вождь последних Купавон сын Кикна изображен Вергилием в шлеме, над которым развеваются лебединые перья как символ его происхождения от Кикна (Лебеда). Эти детали заставляют вспомнить персонаж восточнославянской мифологии Купалу, ибо здесь не только сходство имен (Купавон-Купала), но и мифологических мотивов. Лебедь, в которого превращен отец Кикна, — символ воды, неперенный элемент купальских обрядов (само имя Купала происходит от глагола “купать”). Да и само имя народа, у которого бытовала легенда о Купавоне, идентично имени “венеты”, “венды”, под которыми славяне были известны своим соседям. В этой связи находит объяснение и древнеславянский женский головной убор “кика”; название это связывают и с глаголом “кикать” — кричать по-птичьи, и с греческим “кикнос” — лебедь»³⁰. Вероятно, перед нами слово из чрезвычайно древних языков, сохранившееся в языке славянском. Традиция продолжилась и в но-

вой эре: в византийских источниках упоминается воевода Лебедь и страна его «Лебедея». Во всяком случае, восходящее к давней традиции имя дошло до наших дней в качестве фамилии всем нам известного генерала, а затем политического деятеля Александра Лебеда...

Изображения Аполлона на вазах изобилуют подробностями, подчеркивающими его связь с Севером: Аполлон Гиперборейский — бог-путешественник, и средством передвижения ему служат существа, символически связанные с Гипербореей: лебеди, крылатые грифоны или крылатые кони.

Вот он на лебеде направляется из Гиперборейи на остров Делос, отмеченный пальмой, под которой родила его и Артемиду богиня Лето. Выразителен и полон подробностями архаичный рисунок на вазе: Аполлон и две гиперборейские девы с дарами прибыли в колеснице, запряженной квадригой крылатых коней. Брата встречает Артемида с ланью и их мать богиня Лето (Латона). Самым загадочным изображением можно счесть полет над морем Аполлона, восседающего на крылатом треножнике. При этом треножник снабжен крыльями (символ летучести?), напоминая некий летательный аппарат. Юный бог с колчаном за плечами и кифарой в руке летит над морем, где плавают рыбы, выпрыгивают из воды дельфины. Летающий бог дорожил треножником, но однажды его захватил (или украл?) Геракл. На одной из сенок на вазе Аполлон гонится за убегающим Гераклом, уносящим треножник, который Аполлону пришлось отнять силой. В заключение отметим, что Дельфийский оракул, знаменитое во всем античном мире святилище Аполлона, по преданию, основали гиперборейцы Пагасий и Агий. Там возникло много храмов, однако пророчества, как и в изначальные времена, происходили в пещере.

*Таврический полуостров — перекресток
широтного-меридионального движения народов и культур*

В перемещениях народов в широтном и меридиональном направлениях крайне важную роль для северной части ойкумены, или Скифии-Тартарии, довелось сыграть Таврическому полуострову. Действительно, по горизонтали — это самая восточная часть средиземноморского мира, а по вертикали — самая южная часть северных земель. Добавим — уцелевшая после потопа, поглотившего северопричерноморскую равнину. Это обусловило особую роль Таврики в связях с древневосточными цивилизациями Малой Азии, Египта, Двуречья. И это же определило некоторый сдвиг к востоку того, что мы назовем «полем магнитного притяжения» А-меридиана, которое расположится между 30—40 градусами. Именно в этом пространстве возникнут античные города — «крестные отцы» древней Руси — Херсонес-Севастополь, Пантикапей-Керчь, Гермонасса-Тамань и др., а затем ее столицы Киев, Новгород, Ладога — Санкт-Петербург, Москва...

Роль Таврического полуострова в перемещении культурных парадигм в контексте геополитического «креста пространства» на основе конкретно-исторического материала уже рассматривалась в наших книгах³¹. Это понятие, в свою очередь, раскрывает смысл популярного выражения «Крым — перекресток народов и культур». Именно в этом регионе с особой наглядностью проявился «крест пространства», образованный движением народов — носителей языков и культур — в меридиональном и широтном направлениях. Эти понятия играют определяющую роль в геополитике. Так природа и история обозначили отрезок меридионального направления, связавшего Крым и Малую Азию. Пересекая Таврический полуостров, оно открывало путь культурным импульсам, идущим с юга к северным речным торговым путям. С Херсонесом связано создание славянской азбуки. Именно здесь первоучитель славян Кирилл нашел «книгу писанную русскими письменами» и создал

на ее основе славянскую азбуку. Спустя столетие там свершилось крещение князя Владимира. Двигаясь в южном направлении, мы попадаем в земли Сирии и Палестины, Египет и соседние с ним пустыни Аравии, страны, где некогда Моисей получил на горе Синай скрижали Завета и где находятся Мекка и Кааба — центральная святыня некогда возникшей на основе Библии третьей мировой религии — Ислама.

Северный отрезок А-меридиана выявлялся в культурном сознании античного и раннесредневекового мира постепенно, осуществляя роль своего рода «ворот», через которые происходило соприкосновение Европы и Азии. Действительно, граница между ними, весьма зыбкая и подвижная, на протяжении столетий перемещалась, и ее естественные рубежи — Дон, Урал — в достаточной мере условны³². В отличие от них, рубежи «духовного» порядка — системы ценностей, культур — проявлялись в истории достаточно четко. И сегодня меридиан продолжает оставаться местом разграничения и вместе с тем соприкосновения культур Европы и Евразии, или, в качестве варианта, — Западной и Восточной Европы. Неслучайно по одну сторону остаются Финляндия, страны Балтии, западная Беларусь, правобережная Украина («Польша»), европейская Турция, греческая часть Кипра и т.д.

Древнейшее деление мира в пределах Причерноморья прошло прямо по его центру и рассекло его на две части — Европу и Азию. Линия раздела прошла через Боспор Киммерийский, далее к югу — через город Синоп и реку Галис, которая делила Малую Азию на две области: западная часть считалась Малой Азией в Европе, а восточная часть была собственно Азией.

Итак, согласно этому разделению, Крым оказался в Европе, а Кавказ — в Азии. Но что значили оба эти названия и в чем смысл этого деления черноморского региона?

Выдающийся географ нового времени, современник и единомышленник Гёте Карл Риттер считал, что смысл различения этих двух частей света, согласно сакральной географии, состоял в том,

что Азия — «страна богов», страна Солнца — противопоставлялась Европе — «стране людей», стране Луны³³.

У греков земли назывались именем собственным божества; примечательно, что матерью Прометея, чье имя связано с горами Кавказа, одна из версий называет Азию. В книге «Введение в европейскую историю народов, обитавших на Кавказе и у берегов Понта до Геродота» Риттер указывает на атрибуты «страны Солнца», «страны Богов» (а также обожествленных предков) — Азии. В самом деле, на восточной стороне, в Колхиде легенда называет царем Ээта, сына бога солнца Гелиоса, хранителя Золотого Руна.

Само слово «Понт», согласно Риттеру, означает «мост» — очевидно, между Востоком и Западом. Если продолжать рассуждение в терминах сакральной географии, то следует подчеркнуть его смысл как «моста между Богами и людьми» (автор «Эдды» Стурлусон дает два названия Швеции: Свитьод — страна людей и Великая Свитьод (очевидно, прародина) — страна богов). Рене Генон приводит следующие слова св. Бернарда, жившего в XII веке: «Понтифик (Pontifex), как следует из этимологии этого слова, есть мост между Богом и человеком». В джайнской традиции Индии, продолжает Генон, «существует термин, полностью соответствующий латинскому “Понтифексу”»: это “Тиртханкара”, буквально “устроитель брода или перехода”³⁴.

Движение народов вдоль А-меридиана прослеживается с глубокой древности, причем как с севера на юг, так и обратно. При этом народы Севера долгое время остаются безымянными. Когда, наконец, занавес письменной истории впервые приоткрывается над варварами Северного Причерноморья, место анонимных археологических культур занимают конкретные племенные группы — киммерийцы и скифы. Это племена индоиранской языковой группы, отделившиеся от индоарийской и тесно с ней связанные. Древневосточные источники VIII века повествуют о стране Гамир (Киммерии) и ее войнах с Урарту, затем с Ассирией. Разгромив Фригию, они установили владычество в Малой Азии и достигли границ Египта.

В Библии мы находим и первые упоминания имен этих народов: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал (Тубал), Мешех (Мосох) и Фирас (Тирас) (Быт., 10: 2). По мнению исследователей, это киммерийцы, скифы, мидяне (иранцы), ионяне (греки-ионийцы).

Движение народов вдоль А-меридиана в средние века

Уникальными памятниками Таврического полуострова повсеместно признаны «пещерные города» — рукотворные гроты и пещеры, образующие целые поселения. За морем, в Каппадокии, путешественников давно изумляют подобные же поселения, церкви, вырубленные в скалах, с сохранившимися фресками.

Общение между Таврикой и Каппадокией в новой эре можно обозначить несколькими веками. Первое — это переселение готов во II—III веках с севера на юг, с берегов Балтики — в сев. Причерноморье, в Таврику, оттуда — в Малую Азию, после чего их можно было бы назвать самым ранним из варварских народов, приобщившихся к христианству. Характерно, что вслед за меридиональным, строго вертикальным перемещением готы проделали и широтное, горизонтальное: с берегов северного Причерноморья они направились на запад, в Европу, дойдя до северной Италии, где основали королевство в Ломбардии, и до Испании, где возникло королевство визиготов. Вслед за ними в широтном направлении происходило «великое переселение народов» с востока на запад, сокрушившее античный мир в IV—V веках. «Пребывание готов в Причерноморье, — пишет выдающийся ученый-славист и историк культуры В.И. Топоров, — ключевой момент в их истории, делющий ее пополам во временном и пространственном отношении (IV—V вв.) между первым упоминанием готов (I в.) и их исчезновением со страниц истории (VIII—IX вв.); а также середина пути между Скандинавией и низовьями Вислы и концом пути — Северной Италией, Южной Францией, Испанией. Готский “взрыв” и миграции стали причиной гибели Римской империи и возникно-

вения на ее руинах раннесредневековых варварских королевств... Своим присутствием готы отметили крайние точки Европы: от Скандинавии до Крыма, от Пиренейского полуострова до Северного Кавказа. Наконец, готы охотно, быстро и плодотворно стали осваивать античную культуру, хотя это же обстоятельство привело их к быстрому растворению в романской культуре»³⁶.

Часть готов осталась в качестве союзников Византии в Таврике, положив начало Крымской Готии. Другое ее название – страна Дори с центром в Доросе, он же Феодоро, который локализуют на плато-останце Мангуп, о чем речь ниже.

Второй вехой можно назвать спровоцированные движением иконоборчества в VIII–IX веках миграции иконопочитателей на окраины империи, в том числе в Таврику. С ними связано основание пещерных церквей и монастырей, оживление культурных и торговых связей.

Иконопочитатели, ища спасения от иконоборческой ереси, обратились к Стефану Новому за наставлениями. Его известное послание, где верные православию монахи охарактеризованы как «обитатели пещер и жители гор», рекомендовало им отправиться на окраины империи, в том числе в Таврику³⁷. Прибыв сюда, «обитатели пещер и жители гор» обустроились, как им было привычно, тем более, что пещерножительство имело здесь давние и глубокие традиции. Память об этом хранят средневековые пещерные церкви Таврики. Отсюда пещерножительство ранних христиан шагнуло далее на север. Монахи, спасавшиеся в пещерах, положили основание Киево-Печерской Лавре; на «Антониевых пещерах» стоит древнейший монастырь Чернигова; Святогорский монастырь на берегу Северского Донца также начинался с пещер; наконец, на Севере традицию продолжил Псково-Печерский монастырь; память о пещерножестве хранится в названии реки Печора.

Отмеченные нами исторические вехи (появление готов, превращение их в союзников Византии, образование готской епар-

хии, защита иконопочитания) группировались вокруг вполне реального топоса, и им стал Дорос-Феодоро-Мангуп.

Однако его северный отрезок будет особенно активно вовлечен в культурный обмен в пору раннего средневековья. И ключевую роль перекрестка широтного и меридионального направленного перемещения культурных парадигм выпадет именно Доросу-Мангупу, причем с особой наглядностью.

Ведь именно с севера на юг спустились раннегерманские племена готов и здесь, в Малой Азии и Таврике, получили они крещение средиземноморской, византийской, христианской культурой.

Так, волею судеб или, как говорили в прежние времена, Божественного Промысла (Провидения) стала скала-крепость символическим и вместе с тем реальным средоточием «креста пространства», прочерченного через Таврику и особенно выпукло обозначившегося в раннее средневековье. Именно в это время меридиональное направление было проложено далее на север, получив в древнерусских источниках название «Путь из варяг в греки». Его крайнюю северную точку обозначила не позднее середины VIII столетия Ладога – город на берегу одноименного озера, где сохранились остатки крепости и храмы XII века с великолепной настенной росписью.

Во введении к «Повести временных лет» «Александрийский меридиан» образно представлен в виде символического маршрута апостола Андрея Первозванного. Освоение и одухотворение пространства между Византией и северо-восточной Европой – главная идея, заложенная в описании путешествия апостола от Черного моря через Скифию до Балтики. В этой легенде киевский летописец видел символ исторического места и значения Древней Руси.

Сегодня, опираясь на данные русских летописей, скандинавских саг и одной каролингской хроники, петербургские историки и археологи называют Ладогу «первой столицей Руси». Теперь это подтверждено археологическими данными, и, согласно им,

в 2003 году, в день празднования 300-летия Петербурга, ей исполнится 1250 лет³⁸. Ладога / Aldeigja с сер. VIII века стала центром сплавленного из славян, скандинавов и финнов этносоциума русь/рос, этого изначального ядра и стержня русской государственности. Во времена Рюрика, Олега и Игоря в 860–880-е годы центр этого раннегосударственного образования перемещается в Новгород («Рюриков городок»). Правитель протогосударства с центром в Ладоге именовался не «князь» и не «конунг», а тюркским титулом «хакан/каган», означавшим ранее владыку Тюркского каганата, затем Хазарии, и по статусу приближавшимся к титулу «император». Позднее, когда основной столицей Руси стал Киев, этим титулом именовались Владимир, креститель Руси, и Ярослав Мудрый.

После многовековых перемещений по просторам «Европейской Скифии» (Ладога – Рюриков городок – Киев – Владимир – Москва – Санкт-Петербург) столица Руси / России волею Петра Великого вернулась практически в исходный регион Приладожья, лишь слегка сместившись к западу, из низовьев Волхова – в устье Невы³⁹.

«Три столицы» России блестяще охарактеризовал русский философ Федотов. Три столицы определяют три этапа русской истории: «исконная русско-византийская столица, наследница греческого христианства» – Киев, забытая в качестве таковой и периодически тяготеющая к польско-украинской культуре; «западнический соблазн» Санкт-Петербурга и «азиатский соблазн» Москвы.

«Спор трех столиц» едва ли надо решать в пользу одной из них. Скорее их перемещения вдоль А-меридиана, освященного странствием Андрея Первозванного, могут быть истолкованы и как возможность, открытость направлению на Север, и, наряду с этим – обращенность к Югу, к цивилизационным истокам. Здесь явственно прослеживается линия связей от античной Александрии – с Константинополем, его представителем – Херсонесом Таврическим и с их преемником – Киевом⁴⁰.

«Александрийский меридиан» — понятие настолько же условное, как любой географический меридиан. Но вдоль него и вокруг него группируются надежно фиксируемые и поддающиеся изучению следы материальной культуры. Великая историческая миссия народа поначалу незаметна. Да и складывается она из судеб людей, не осознающих, что они, решая свои повседневные проблемы, являются в то же время частью некоего глобального процесса, начало которого затеряно во тьме веков, а конечная цель непредсказуема.

Византийско-крымская диаспора в Москве

Вдоль А-меридиана происходит культурный обмен древних, но слабеющих цивилизаций с варварскими, но полными энергии северными народами, причем во многом через Таврику, где зачастую проходило их первое соприкосновение с византийским миром.

По мере распада Византийской империи⁴¹ отдельные ее осколки готовы были подхватить идею странствующего царства, продолжить миссию империи в тех или иных уголках, прежде являвшихся глухими провинциями.

Носителями этой идеи были представители византийской диаспоры, в том числе и на территории Таврики. Если принять во внимание роль ученых греков в передаче культурной парадигмы в северном направлении, в сохранении античного и раннехристианского наследия, рукописей и икон, наконец, в формировании просвещенной аристократической элиты европейских стран, в том числе России, то судьбы знатных семейств и их отдельных представителей прольют новый свет на исторические процессы, происходившие вдоль «Александрийского меридиана».

Великие Комнины Трапезундской империи значительно укрепили положение местного знатного семейства Гаврасов. Представители последнего вынуждены были отправиться в заморские области — Таврику.

Представители рода завладевают властью в юго-западной части горной Таврики, прилегавшей к Херсонесу-Корсуни, населенной потомками готов и алан. Здесь возникает княжество Феодоро, расцвет которого приходится на XIV–XV столетия. Культура населения княжества была византийско-греческой. Влияние Трапезундской и Византийской империй, подчеркнутое династическими связями княжеского дома, чувствуется в многочисленных археологических остатках — строительных приемах, фресковой росписи храмов и дворцов, языке сохранившихся надписей. Эту культуру затронул византийский ренессанс, связанный с династией Палеологов, занимавших престол почти два столетия (1261–1453).

Выехавшие из Таврики Гаврасы, основатели родов Ховриных и Головиных, задолго до появления в Москве Софьи Палеолог, стали переносчиками культурной парадигмы «странствующего царства» с юга на север.

Обратимся к судьбе Стефана Васильевича Ховры, одного из князей Феодоро, прибывшего с сыном Григорием на рубеже XIV–XV столетия в Москву из Крыма. Встреченный с почетом великим князем московским, он получил подворье в Кремле и земли в окрестностях Москвы. Спустя несколько десятилетий здесь появляется еще один мангупский князь Гаврас — Ховрин, причем в качестве родственника Софьи Палеолог — деталь немаловажная в контексте нашего повествования. В летописи упоминается, что Софью Палеолог, племянницу последнего византийского императора, отправившуюся в 1472 году из Италии в Россию, чтобы вступить в брак с великим князем Иваном III, сопровождал мангупский князь Константин Гаврас: он был удостоен этой чести, так как приходился «родственником невесте» и (такое предположение напрашивается само собой), вероятно, потому, что его родичи, потомки Стефана Васильевича Ховры, уже находились в Москве. В то время ему было 30 лет, следовательно, он родился в 1442 году и, как предполагает Васильев, был сыном Иоанна и Марии

Палеологини-Асаны. Позднее Константин принял монашество под именем Кассиана, удалившись в Ферапонтов монастырь; от туда он ушел, чтобы основать свой собственный монастырь на берегу речки Учмы. В XIX веке на этом месте сохранялись две церкви: согласно сообщению Бруна, в стене одной из них, у входа, находилась плита с двуглавым орлом, но без корон, похожим на аналогичные изображения с плит князя Алексея 1425 и 1427 годов⁴².

Стефану Васильевичу Ховре, родоначальнику московской ветви рода, был пожалован двор в Кремле, который, согласно позднейшим источникам, находился недалеко от Фроловских (Спасских) ворот, по правой стороне идущей к Соборной площади улицы, сразу за Вознесенским монастырем. Первые Ховрины не остались в долгу перед радушно встретившей их столицей растущей северной державы, на которую в греческом и южнославянском православном мире возлагались большие надежды по сохранению традиций православия перед наступающей волной тюрков-мусульман. В Кремле первым каменным зданием, открывшим новый период московского строительства, стала церковь Воздвижения Честного Креста (Крестовоздвижения), сооруженная в 1440 году на средства гостя и боярина Владимира Григорьевича Ховрина — внука Стефана. Церковь с таким посвящением особенно характерна для византийской традиции. После пожара она была отстроена им вновь: об этом под 6958 году сообщает Московский летописный свод: «Того же лета Володимеръ Ховринъ постави на Москве на своемъ дворе церковь камену, Въздвиженъе честнаго креста...»⁴³.

С именем Владимира Ховрина связано предание о мужестве и твердости, проявленных им в отпоре татарам, причем отпоре не только военном, но и, так сказать, идейном, духовном, по-своему поразившем москвичей. Вероятно, оно сохранялось в устной передаче, прежде чем было записано М.И. Пыляевым.

«Когда в 1440 г. царь Казанский Мегмет явился в Москву и стал жечь и грабить первопрестольную, а князь Василий Темный

со страху заперся в Кремле, тогда проживавший в Крестовоздвиженском монастыре схимник Владимир, в миру воин и царедворец великого князя Василия Темного, по фамилии Ховрин, вооружив свою монастырскую братию, присоединился с нею к начальнику московских войск Юрию Патрикеевичу Литовскому, и кинулся на врагов, занятых грабежом в городе. Не ожидавшие такого отпора казанцы дрогнули и побежали. Ховрин с монахами и воинами полетел вдогонку за неприятелем, отбил у него за полоненных жен, дочерей и детей, а также бояр московских, и, не вводя их в город, всех окропил святою водою на месте ворот Арбатских. Кости Ховрина покоятся в Крестовоздвиженском монастыре»⁴⁴.

В основных чертах предание вполне соответствует историческому событию, как оно описано у Н.М. Карамзина.

В середине XVII века подворье Ховриных-Головиных отошло боярину Морозову, который перестроил обветшавшую церковь, оставив то же название. На плане Кремля 1600 года церковь представлена как массивное кубическое здание, одноглавое, с пирамидальным завершением из нескольких рядов закомар и кокошников. Есть предположение, что В.Г. Ховрин был также строителем другого известного нам каменного здания в Кремле — церкви Введения на подворье Симонова монастыря, у Никольских ворот, сооруженной в 1458 году⁴⁵. В.Г. Ховрин был одним из богатейших людей своего времени и пользовался доверием великого князя Василия Темного и митрополита Ионы. Позднее великий князь Иван III определит его ответственным за возведение Успенского собора в Кремле (1475—1479).

С начала XV века и на протяжении почти четырехсот лет с родом Ховриных-Головиных был очень тесно связан Симонов монастырь. В окрестностях Москвы в то время на землях боярина Кучки возник монастырь, названный по имени селения Симоново; его основание связано с именем Федора, племянника Сергия Радонежского и духовника великого князя Дмитрия Дон-

ского; в 70-е годы XIV века здесь уже стояла деревянная церковь во имя Рождества Богородицы, позднее замененная каменной (сегодня на территории завода. — *Прим. авт.*). Это так наз. старый Симонов монастырь, вскоре неподалеку от него возник новый Симонов монастырь расположившийся на землях, подаренных Стефаном Васильевичем Ховрой (в свою очередь получившим их от московского князя), который постригся в этом монастыре в монахи под именем Симон. На место это, согласно церковному преданию, указал сам Дмитрий Донской; здесь существовало городище XII века, рядом проходила оживленная Коломенская дорога, и монастырь должен был, по мысли князя, стать звеном в системе оборонительных сооружений от Орды на подступах к Москве. Центральный храм нового Симонова был посвящен Успению Богородицы; эта каменная церковь, одна из самых больших в Москве, сооружалась на средства Григория Степановича Ховры и его жены Агриппины. Она стала фамильной усыпальницей Ховриных-Головиных: здесь был положен схимомонах Стефан (Симон), его сын и строитель Григорий Степанович Ховрин, а также сын Дмитрия Донского князь Константин псковский. В ее строительстве принял активное участие сын Григория Владимир — доверенный великокняжеский казначей Ховрин-Головин. И в последующие столетия потомки Ховриных-Головиных делали щедрые вклады в монастырь, ставший одним из самых монументальных и живописных в Подмоскowie⁴⁶. Остается добавить, что в 1930 году значительная часть его церквей была взорвана новыми варварами, а камень пошел на строительство дворца культуры по проекту братьев Весниных. Сегодня остатки монастыря реставрируются.

Подробности, сохраненные историей, скудны, в то суровое время не принято было писать мемуаров, а документы погибали при частых нашествиях и пожарах. И тем ценнее немногие, дошедшие до нас подробности о том, как были встречены Стефан Ховра и сын его Григорий в Москве, как служили новой родине

их потомки. На сей счет большой интерес представляет изданная в 1847 году небольшая книжка церковного историка XIX века П. Казанского «Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев онога». В этом подмосковном селе, неподалеку от г. Дмитров, принадлежавшем нескольким поколениям Головиных с конца XVII века, был воздвигнут в 1798 г. великолепный каменный храм во имя Спаса Нерукотворного, в котором хранились самые почитаемые старинные семейные реликвии. Назовем самые выдающиеся среди них⁴⁷.

Храмовый образ Нерукотворного Спаса и икона Владимирской Божией матери письма знаменитого Андрея Рублева: этими иконами благословил Великий князь Василий Дмитриевич в 1391 году родоначальника фамилии Головиных, князя Стефана Васильевича Комрина (он же Ховра, он же Манкупский) при принятии его в подданство.

Древний образ Пресвятой Богородицы Одигитрии-Смоленской, писанный Андреем Рублевым: «сею святынею благословил Великий князь Московский Василий Васильевич Темный крестника своего и родоначальника Головиных, князя Ивана Владимировича Голову.. Эта икона есть покровительница их рода от колыбели до могилы».

Из родословной следует, что Ховрины-Головины роднились с боярской знатью и в том числе с Романовыми.

В избрании царя из рода бояр Романовых немалую роль сыграли традиционные представления о легитимности царской власти, переходящей по наследству. Ближайшим законным наследником угасшего Дома Рюриковичей был Михаил Феодорович Романов — сын томившегося в польском плену Митрополита Ростовского Филарета, двоюродного брата последнего царя Феодора I Иоанновича. Генеалогические связи возникли благодаря браку Ивана IV, который сам выбрал свою первую жену Анастасию из рода Романовых. Брак 17-летнего царя состоялся сразу после венчания его на царство, в 1547 году. Примерно в это же время, в конце 1540-х го-

дов ее родной брат Никита женился на дочери Ивана Дмитриевича Ховрина Варваре Ивановне⁴⁸. В связи с женитьбой Никита Романович отделился от семьи и переселился в усадьбу на берегу Москва-реки в Китай-городе. Событие это знаменательно в нескольких отношениях.

Сегодня развеяны сомнения относительно того, кто из двух жен мог являться матерью Федора Никитича, он же патриарх Филарет. Это Варвара Ховрина, дочь Ивана Дмитриевича Ховрина Грязного и внука Дмитрия Владимировича Ховрина, казначея великих князей Ивана III и Василия III. Недавно, в ходе тщательной исследовательской работы вскрыт саркофаг, на котором ясно читается дата кончины — 1555 год, а Федор Никитич родился в 1550—1552 году⁴⁹. Появление на свет Михаила, будущего царя династии Романовых, произошло в доме, принесенном в приданое его бабушкой Варварой Ховриной⁵⁰.

Этот дом, ныне музей «Палаты бояр Романовых», находится в самом центре Москвы, на улице Варварка, которая выходит на Красную площадь прямо к храму Василия Блаженного. Здесь, в Зарядье, находились и «сурожские» или «суровские» ряды, названные по имени города Сурожа (Судака) в Крыму, крупнейшего центра транзитной торговли XIII—XIV веков, откуда привозились самые богатые товары. С XV века здесь все больше стало появляться усадеб знати, здесь строятся первые каменные жилые палаты на усадьбах «больших бояр», дворян и гостей. От того времени сохранился лишь ряд церквей вдоль Варварки и трехэтажное здание, редкий образец гражданского зодчества средневековой Руси, где теперь располагается филиал Государственного исторического музея (ГИМ) «Палаты бояр Романовых». Усадьба занимала видное место в топографии Москвы XVI в., и на первом плане города 1597 года даже особо отмечена под №15. В экспликации к плану, составленной в 1613 году, под этим номером имеется запись: «Двор Никиты Романова, который был дедом ныне царствующего государя Михаила Федоровича».

Обе супруги Никиты Романовича Юрьева-Захарьина погребены в Ставропигиальном Новоспасском монастыре «под Преображенским собором, в ряду гробниц царских пресветлых родителей»⁵¹.

Знакомясь с генеалогическим списком, нельзя не заметить, что почти все государевы казначеи на протяжении трех столетий выбирались из фамилии Головиных. Это свидетельствует и об уважении к знаменитости древнего рода, к его богатству и честности. Известны среди них стольники и воеводы. Петр I доверяет им самое ответственное дело — флот: здесь служат Головины граф Федор Алексеевич, боярин, генерал-адмирал, фельдмаршал и ордена Св. Андрея Первозванного кавалер (сконч. 1706 г.); граф Николай Федорович, адмирал, Президент Адмиралтейств коллегии и кавалер Св. Андрея Первозванного (ум. 1745 г.); Иван Михайлович, адмирал и ордена Св. Александра Невского кавалер (ум. 1738 г.).

Подытоживая судьбу крымской диаспоры (как части диаспоры византийской) в лице ее ярких представителей — Гаврасов-Ховриных, внесшей свой вклад в обеспечение преемственности византийского наследия, в формирование образованной аристократической элиты Московского государства, сошлемся на слова неутомимого исследователя памятников греческой православной культуры в Крыму Дм. Струкова: «Древняя Русь имела постоянные сношения с туземцами Скифо-Таврии и с побережными пришельцами, а особенно с православным христианством в Тавриде, где князь Владимир получил св. крещение; и после, в дни гонений от генуэзцев и исламизма на туземных православных христиан, их владетельные князья и именитые бояре (фамилии: Ховрины, Головины, Третьяковы и другие) искали себе приюта под покровом Руси; потомки этих перешедших родов до сего времени служат русскому государству по примеру своих предков и даже один князь мангупский Константин, принявший в России иночество, чувствуется православною церковью в лике святых угодников Божиих»⁵².

Вдоль А-меридиана происходит перемещение на Север самой геральдической фигуры, служащей эмблемой «странствующего царства» – двуглавого орла. Самые древние изображения этого символа зафиксированы в культуре хеттов (II тыс. до н.э.). в Малой Азии, у южного побережья Черного моря. В средние века он использовался в качестве фамильного герба разными семействами как в Византии, так и на Западе, пока не закрепился преимущественно за династией Палеологов. Однако государственным гербом Византии двуглавый орел не стал. Он только проделывал путь превращения в государственный герб, и, парадоксально, это превращение в государственную эмблему гораздо ранее произошло на других землях. Это южнославянские страны (Болгария, Сербия, Румыния), но, прежде всего, Трапезундская империя и связанное с ней княжество Феодоро в Таврике, где он уже в XIV–XV веках употреблялся в качестве герба. О том, как это произошло, буде подробно рассказано в главе, посвященной Таврическо-трапезундским истокам геральдики двуглавого орла.

Примечания

- ¹ См.: *Страбон*. География в 17 книгах / Пер., ст. и коммент. Г.А.Стратановского. Л.: Наука, 1964. I, 4, 1; II, 5, 7.
- ² *Сейбутис А.А.* Индоевропейцы: палеоэкология и природные сюжеты мифов // *Природа*. 1987. № 8. С. 98–106.
- ³ *Harpgood Ch.* Maps of the Ancient Sea Kings: Evidence of Advanced Civilization in the Ice Age; 1966; 1996.
- ⁴ *Архипов А.В.* Незамеченные доисторические реалии на исторических картах // *Кронос*. Т. 2. М.: Вече, 2014. С. 261.
- ⁵ Там же. С. 260–261.
- ⁶ *Трубачев О.Н.* INDOARICA в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. М.: Наука, 1999. С. 12–13.

- ⁷ *Латышев В.В.* Известия писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе / ВДИ, 1948. С. 557–566.
- ⁸ *Гаркави А.Я.* О происхождении некоторых географических названий местностей на Таврическом полуострове // Изв. Императорского Русского Географического Общества, 1876 г. Т. 12. Вып. 1. С. 51–58.
- ⁹ *Грейвс Р.* Лунная богиня. М.: Прогресс Традиция. Т. 1. С. 202.
- ¹⁰ *Клёсов А.А.* Предисловие к статье И. Г. Наумовой «Скифы Геродота и их влияние на Славянский этногенез» // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. Т. 2. № 5, август 2009.
- ¹¹ Источник: <http://geno.ru/news/tags/46/> Дата: 07.06.2015.
- ¹² Исследование опубликовано в журнале American Journal of Human Genetics, коротко о нем сообщает CBS News.
- ¹³ *Латышев В.В.* Известия ...// ВДИ, 1948. № 3. С. 323 (648).
- ¹⁴ *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Пер., введение и прим. Г.Ф.Церетели. Тбилиси, 1964. IV, 272–281.
- ¹⁵ *Латышев В.В.* Известия... ВДИ, 1948. № 1. С. 253 (379).
- ¹⁶ *Moreau de Jonnès.* L'Océan des Ancients. P., 1873. P. 64.
- ¹⁷ *Moreau de Jonnès.* Op. cit. P. 65–66.
- ¹⁸ *Страбон.* Utjuhfabz XV, I, 7.
- ¹⁹ *Генон Р.* Царь Мира // Вопросы философии. М., 1993. № 3. С.113–114.
- ²⁰ Цит. по: *Moreau de Jonnès.* Op.cit. P. 69.
- ²¹ *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Пер., введ. и прим. Г.Ф. Церетели. Тбилиси, 1964. IV, 260–265 .
- ²² *Плиний Старший.* Естественная история. Кн. IV, XXVI, 7.
- ²³ *Dubois de Montprèux F.* Voyage au Caucase...et en Crimée. P., 1837–43. Т. I. P. 137.
- ²⁴ *Moreau de Jonnès A.-C.* Op. cit. P. 69.
- ²⁵ *Геродот.* История в 6 книгах / Пер. и коммент. Г.А. Стратановского. Л., 1972. IV, 33–36.
- ²⁶ *Павсаний.* Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996. I: XXXI, 2
- ²⁷ *Геродот.* Указ. соч. IV, 33–35.
- ²⁸ *Шилов Ю.* Космические тайны курганов. Киев, 1992. С. 107–108.
- ²⁹ *Петухов Ю.* Родина Аполлона // Дорогами тысячелетий. Вып. 3. М., 1989. С. 13.

- ³⁰ *Щербаков В.И.* Асгард и ваны // Дорогами тысячелетий. Вып. 3. М., 1989. С. 113.
- ³¹ *Фадеева Т.М.* Тайны горного Крыма. Симферополь, 1998; Ее же. Крым в сакральном пространстве. Симферополь, 2000; *Фадеева Т.М., Шапошников А.К.* Княжество Феодоро и его князья. Крымско-готский сборник. Симферополь, 2005.
- ³² В период Московского царства Европа остановилась у границ Руси; в Петровский период она отодвинулась до Урала; в период «железного занавеса» вновь сдвинулась до границ СССР; сегодня, имея в виду создание в Западной Европе Евросоюза, чаще говорят о «Европе до Владивостока».
- ³³ *Риттер Карл.* Европа / Пер. с нем. М., 1864. С.V–VIII, 32–40.
- ³⁴ *Генон Р.* Царь мира // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 100.
- ³⁵ *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1983. С. 152–153.
- ³⁶ *Топоров В.Н.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 227–263.
- ³⁷ *Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 2. СПб., 1912. С. 325.
- ³⁸ 10.XII.2001 появился указ Президента РФ о праздновании 1250-летия Старой Ладogi.
- ³⁹ Ладога – первая столица Руси. Сб. статей под ред Н.А. Мачинского. СПб., Ин-т истории РАН. 2003. С. 7.
- ⁴⁰ Сквозь многослойность древних цивилизаций просвечивают:
а) Александрия, Каир, в древности Гелиополис – город Солнца;
б) Херсонес, греч «полуостров», сменил варварское Сары-кермен, где угадывается Сур-кермен, повторенное в рус. названии Сурож – Солнцеград; в) идеальный правитель Киева – князь Владимир – красно солнышко (у скифов царь Колаксай, с тем же значением).
- ⁴¹ ?
- ⁴² *Vassilief A.* P. 245.
- ⁴³ *Выголов В.П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М.: Наука, 1988. С. 9, 10.
- ⁴⁴ *Пыляев М.И.* Старая Москва. Рассказы о былой жизни первопрестольной. М., 1990. С. 267.
- ⁴⁵ *Выголов В.П.* Указ. соч. С. 20.

- ⁴⁶ Под сенью монастырей московских. М., 1991. С. 131.
- ⁴⁷ *Казанский П.* Село Новоспасское, Деденево тож, и родословная Головиных, владельцев оногo. М., изд. Г.П. Головина, 1847. С. 16 и сл.
- ⁴⁸ Из рода Ховриных-Головиных была и вторая жена Никиты Романовича – Евдокия Горбатая-Шуйская, родня Головиным по матери, Анастасии Головиной.
- ⁴⁹ Усыпальница Дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Под ред. А.К. Станюковича и др. Кострома, 2005. С.188.
- ⁵⁰ *Щуцкая Г.К.* Бояре Романовы. К 400-летию воцарения Михаила Федоровича Романова. М.: ГИМ, 2013. С. 29.
- ⁵¹ *Казанский П.* Указ. соч. С. 115.
- ⁵² *Струков Дм.* О древнехристианских памятниках в Крыму. М., 1872. С. 12

Иллюстрации
к главе 1. «АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ МЕРИДИАН»

*Александрйский меридиан,
согласно античным
представлениям, проходивший
вдоль устьев рек Днепра
и Нила*

*Александрйский, он же
Пулковский меридиан.
Считался нулевым
с 1839 по 1884 гг.*

Клавдий Птолемей,
 Никола Герман.
 1513 г. Страсбург.
 Вторая карта Азии,
 Гиперборейские горы,
 откуда из приледниковых
 озер вытекают Дон,
 Волга и др. Изображены
 алтарь Александра
 и алтарь Цезаря слева
 и колонны Александра
 справа

Клавдий Птолемей, Дж. Маджани.

Вторая карта Азии. 1597. Кельн.

Горы сверху: Гиперборейские, слева – Рифейские, справа – Гиттийские.

Широтная ориентация Гиперборейских гор и оба их южных ответвления довольно полно соответствуют границе Днепровского оледенения.

Клавдий Птолемей.

Пределы мира отмеченные Александром.

В излучине Дона слева – Алтари; справа от Азовского моря – две колонны

Границы Днепровского оледенения (250–170/110 тыс. лет назад) на современной карте

Карта оледенений

Туннель в ледяных утесах

*Встреча Аполлона и Диониса – богов-путешественников
в меридиональном и широтном направлениях. Вазопись*

*Дионис-Вакх сражается, хотя и довольно мирными средствами –
в руках у него тирс и виноградная лоза*

Дионис-Вакх на повозке, запряженной тиграми

Дионис на колеснице, запряженной пантерой, грифоном и быком. Животные символизируют дальние северные и восточные земли, где, по преданию побывал бог. Вазопись

Дионис с кубком и Аполлон с кифарой

Дионис-Вакх на пантере

Аполлон на лебедь направляется из Гипербореи на остров Делос, отмеченный пальмой, под которой родила его и Артемиду богиня Лето

Аполлон на крылатом треножнике, с колчаном за плечами и кифарой в руке летит над морем, где плавают рыбы, выпрыгивают из воды дельфины

Аполлон на грифоне (слева) прибыл из Гиперборейских стран: его встречает сестра Артемиды и мать, богиня Латоны (Лето)

Аполлон гонится за Гераклом, унесшим треножник

Аполлон и гиперборейские девы с дарами в колеснице, запряженной квадригой крылатых коней. Их встречает Артемида с ланью. С амфоры, VII в. до н.э., Афины

Аполлон на грифоне

*Крылатая Артемида в окружении животных.
Архаическое изображение, вазапись*

*Крылатая Артемида в окружении животных.
Архаическое изображение, вазопись*

*Летона (Лето) с близнецами
Аполлоном и Артемидой*

*Швенигер. Дельфы.
Пещера пророчеств и храм Аполлона Гиперборейского*

*Путь из варяг в греки.
Современная карта*

Несут ладью. Гравюра из книги Олауса Магнуса, XVI в.

Николай Рерих. Волк. 1912 г.

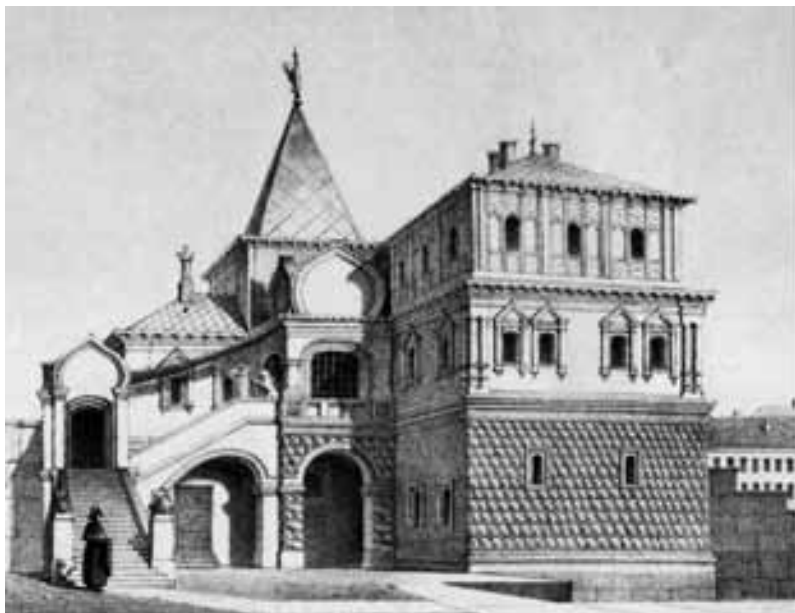
«Петров чертеж» – первый план Москвы.

Кон. XVI – нач. XVII вв.

В Китайгороде в красной рамке – усадьба, о которой в объяснении к плану сказано: «Двор Никиты Романова, который был дедом ныне царствующего государя Михаила Федоровича». От усадьбы сохранились каменные «Палаты бояр Романовых», приданое его первой жены Варвары Ховриной, с 1859 г. – Дом-музей

Двор и храм Ховериных в Кремле

*Вид Романовских палат
после реставрации
1856–1859 гг. по проекту
академика архитектуры
Ф.Ф. Рихтера*

*Федор Никитич Романов,
он же патриарх Филарет*

***Патриарх Филарет,
в миру – Федор Никитич
Романов, отец царя
Михаила Федоровича).**
Из «Титулярника» 1672 г.*

***Царь Михаил Федорович
в большом царском наряде.**
Из «Титулярника» 1672 г.*

Царь Михаил Романов

Герб Романовых

Глава 2

ТЕОРИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОТОПА И МИГРАЦИИ ИНДОИРАНСКИХ НАРОДОВ, или ОТ МЕРИДИОНАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ К ШИРОТНОМУ

Гиперборейская и Атлантическая традиции в учении Рене Генона. Потоп и библейские предания. Черноморское побережье и шельф — средоточие цветущей допотопной цивилизации. Загадка каменных колец. Индоиранские народы в Северном Причерноморье: реликты языка и верований.

Память о Гиперборее: мифы и гипотезы

Гиперборейская и Атлантическая традиции в учении Рене Генона

Сегодня нам известно немало погибших цивилизаций. Древние народы, достигавшие достаточно высокого уровня развития цивилизации, в некий момент переживали катастрофу — природную или из-за завоевания. Уцелевшие остатки уходили в дальние странствия и на новых местах расселения старались воспроизвести образ прародины, этого «утраченного рая» — воздвигались алтари, городам и окрестностям давались прежние названия, другими словами, происходила сакрализация пространства с соблюдением прежних традиций. К наиболее древним свидетельствам праистории, если от нее не уцелело ни артефактов, ни текстов, относится язык символов. Известна роль Рене Генона в восстановлении и интерпретации языка традиционных символов, хотя сам он видит свою заслугу лишь в стремлении «кодифицировать» древнее знание, возродить и наполнить новой силой язык символов. И этот язык древних культур в состоянии ответить на многие вопросы. Мы остановимся на одном из них — вопросе великого изменения в культурной традиции человечества, а именно — переходе от *полярной, или Гиперборейской традиции, к солярной, или Атлантической.*

Генон не посвятил проблеме соотношения гиперборейской и атлантической традиций специальной работы; порой он касался ее подробнее, порой ронял мимоходом весьма важные замечания; однако его точка зрения ясна и понятна. «Мы считаем, — утверждал он, — что Традиция имеет северное происхождение, и даже, точнее, полярное, поскольку это ясно выражено в Ведах, как и в других священных книгах. Земля, где солнце делало круг, не заходя за горизонт, действительно должна располагаться близ Полюса, если не на самом Полюсе; сказано также, что позднее представители Традиции перебрались в регион, где самый длинный день вдвое превосходил самый короткий, но это уже относится к последующей фазе, которая, географически, не имеет ничего общего с Гипербореей»¹.

Далее он исходил из того, что не следует смешивать «изначальную Традицию, “полярную” (от слова “полюс”, ось. — *Прим. авт.*) по происхождению в буквальном смысле слова, ...и традицией производной и вторичной, каковой была атлантическая традиция, относящаяся к периоду, гораздо более ограниченному. ...Это смешение в известной мере можно объяснить фактом, что вторичные духовные центры учреждались по образу высшего Центра и им присваивались те же обозначения»².

Арктида, или ее центр на полюсе и приполярные земли, имела разные обозначения (*Солнечная* или *Подсолнечная* земля, *Сирия* — от *Сурьи*, *Финикия* — от *Феникса*, *Акта* и *Актика* от *Арктос* — Медведица). Ее сакральный центр мог носить название *Тула* (*Фула*), что на санскрите означает Весы. Имеется в виду созвездие Весов, причем не зодиакальное; первоначально оно было полярным (то есть занимало центральное положение), отмечает Генон. Что же оно обозначало? Символически — Большую и Малую Медведицы, подобно двум чашам весов подвешенные по обеим сторонам Полярной звезды, знаменующей нерушимую и недвижимую ось всего мироздания. «Символ небесных весов соотносится с именем Тула, данным гиперборейскому центру изначальной Традиции», ут-

верждает Генон. Символ «небесных весов», самых справедливых, удерживающих весь мир в равновесии, раскрывается в образе египетского Озириса: в загробном царстве он судит душу покойного, перед ним стоят весы, на одной чаше которых — душа с ее грузом добрых и дурных поступков, а на другой — перо богини истины Маат. Тот же смысл находим в некоторых раннесредневековых изображениях Архангела Михаила: кроме распространенного сюжета драконоборчества его изображали с мечом в одной руке и весами, на которых взвешиваются души грешников, — в другой. Итак, стержень, на котором подвешены весы, указующий на Полярную звезду — важнейший символ мировой оси, центра мира. Другим, столь же важным и весьма распространенным символом мировой оси являлось «Дерево мировое» в многочисленных вариациях. Важно уяснить, что символы, связанные с Полюсом, — это вертикаль в разных ипостасях и к тому же Перводвигатель: именно она, оставаясь незыблемой и неподвижной, привела в движение, «раскрутила» миры вокруг себя.

Наряду с первичным и главным духовным центром учреждаются центры вторичные, и на них переносятся священные названия. Так, в Центральной Америке сохранилось название Тула, занесенное Тольтеками; оно явилось местопребыванием духовной власти, представлявшей собой эманацию духовной власти гиперборейской *Тулы*. Генон упоминает название Тула и в России; карта Европы дает немало названий, где оно так или иначе содержится (Тулон, Толедо и др.; в греч. варианте: Фуллы (город, предположительно приуроченный к Чуфут-Кале), Фули — Рускофули, Мегафули — встречаются в Крыму). Но над всеми этими местами уже не светили прямо над головой полярные созвездия, давшие название первичному центру Традиции. И само слово «Весы» перенесли с полярного созвездия Большой Медведицы на знак Зодиака, который и сегодня носит имя Весов. Это явно относится к следующей, атлантической традиции: дело в том, что другое название Большой Медведицы — Сапта-Риша (символическое местопребыва-

ние семи Риши, мудрецов) было перенесено на Плеяды — созвездие, также состоящее из семи звезд, но расположенное зодиакально; это не оставляет сомнения относительно эпохи переноса, ибо Плеяды считались дочерью Атласа и именовались Атлантидами.

Все это сообразуется географически с гибелью изначального духовного центра и перенесением его на новые земли. Гиперборея соответствует Северу, Атлантида — Западу. Само расположение атлантического центра на оси Восток-Запад указывает на его подчиненное положение по отношению к гиперборейскому центру, расположенному вдоль полярной оси Север-Юг. Можно также, в согласии с символикой годового цикла, назвать первую из них осью солнцестояний, а вторую — осью равноденствий. Это объясняет, почему новый год — исходная точка года — не одинакова в различных традициях. Нормальным, ибо находящимся в полном согласии с изначальной Традицией, является зимнее солнцестояние; а празднование нового года в осеннее или весеннее равноденствия свидетельствует о связи с вторичной, то есть с атлантической традицией.

Атлантическая традиция географически сложилась на Западе; западу в сутках соответствует вечер; не отсюда ли постоянное повторение «и был вечер, и было утро» в рассказе о шести днях творения в Библии? У арабов до сих пор сохранился обычай читать утренние молитвы с вечера предыдущего дня и отмечать Новый год в день осеннего равноденствия. Отсюда следует, полагает Генон, что, по-видимому, атлантический цикл был взят за основу в библейской традиции.

При этом чрезвычайно трудно определить, продолжает Генон, как происходило слияние течения, пришедшего с Запада после исчезновения Атлантиды, с другим течением, пришедшим с Севера и происходящим непосредственно от изначальной Традиции. «Во всяком случае, обе традиции развивались отдельно, — подчеркивает Генон, — **и тот факт, что оба течения появляются после уничтожившей их катастрофы как автономные, еще более способствует**

поддержанию иллюзии независимости атлантической традиции. Изучая условия, в которых могло произойти это слияние, несомненно, следует уделить особое внимание Кельтиде и Халдее, причем их название, по сути одно и то же, обозначало в действительности не особый народ, но жреческую касту»³.

Итак, если в Гиперборейской традиции главной была ориентация Север—Юг, то в Атлантической традиции, соответственно, Восток—Запад. В первой доминировала вертикаль и сопутствовавшие ей образы мировой оси, древа, горы и т.д., во второй преобладала горизонталь, видимым образом которой стало движение Солнца с востока на запад. Солнечный и Лунный культы существовали и в Изначальной традиции, но во вторичной традиции они вышли на первый план. Символы мирового древа и креста в традиционном и мифопоэтическом сознании моделировали пространство и время, воплощая универсальную концепцию мира. При этом древо мировое означает ось мира и сам мир; крест скорее акцентирует место человека в мире. Сближение и совмещение обоих оттенков значений происходит в самом начале христианской эпохи. Это прослеживается в раннесредневековых представлениях, согласно которым крест сделан из ветвей «Древа познания добра и зла»; в восхвалениях креста как «процветшего» и «животворящего» древа, в вариантах византийских крестов, и в особенности — в кресте с полумесяцем в основании, венчающем главы многих русских православных церквей.

Черноморский потоп и библейские предания

Предмет нашего внимания — потоп на Черном море, ближайший к нам во времени и пространстве и на сегодня ставший предметом серьезных исследований.

Геология вовсе не отрицает реальности потопов. Материки, океаны, моря неоднократно меняли свои очертания. Очередное оледенение сменялось потеплением, и тогда случался потоп. Но

все это происходило давно, на протяжении длительных геологических эпох, во всяком случае, как считалось, — не при жизни человека разумного. Огромный интерес Черноморского потопа заключается в том, что он происходил на памяти представителей достаточно развитой культуры, носил характер катастрофы и оставил глубочайший след в сознании людей, предопределив их последующее расселение.

К концу последнего ледникового периода, 18–20 тыс. лет назад, Черноморский бассейн представлял собой огромное глубоководное пресноводное озеро, и его водная поверхность составляла две трети нынешней. Это озеро являлось последней стадией в цепи расширений и сужений на протяжении миллионов лет. При этом оно соединялось то со Средиземным морем, то с Каспийским морем, то сужалось до размеров пресноводного озера. В последний ледниковый период уровень воды Новозвксинского озера понизился в среднем на 150 м, и его отделял перешеек от Европы и Малой Азии. 12 тысяч лет назад ледник стал отступать, по мере таяния ледников и переполнения океанов морские воды, прорвав перемычку на месте Гибралтара, переполнили Средиземное море. Затем наступил черед перешейка, отделявшего Новозвксинское озеро: прорвав его, соленые морские воды хлынули в Черноморскую впадину.

Сами эти факты споров не вызывают. Сенсацией же стали исследования 1990-х годов, когда геологи и океанологи пришли к следующим выводам. Превращение озера в море произошло 7500–5500 лет назад, в эпоху неолита, в ряде мест уже перешедшего в энеолит — век меди и камня. В то время, в период от 8 до 12 тыс. лет тому назад, нынешний шельф северо-западной части Черного моря был сухопутной равниной. По его берегам существовали селения, их обитатели занимались земледелием, мореплаванием, вели торговлю. Здесь жили народы — носители индоевропейских языков.

Собрав воедино все известные науке факты о времени гибели пресноводных обитателей Новозвксина, погибших под напором

морской воды, американские морские геологи Райен и Питман опубликовали в 1999 году книгу «Ноев потоп»⁴, в которой следующим образом реконструировали события. Прорыв средиземноморских вод носил характер катастрофы, и превращение озера в море произошло за один год. Они описали гигантский водопад, возникший при прорыве морских вод на месте нынешнего Босфора в Новоэвксинское озеро. По их расчетам уровень вод озера увеличивался на 15 см ежедневно, причем на северном низменном побережье это означало распространение воды со скоростью 1 мили в день. Прежняя береговая линия, лежащая на 150 м ниже уровня моря, ясно различима при подводном зондировании. Если обратиться к современной карте Черного моря, где оттенками синего цвета обозначены глубины, то бледноголубой цвет даст представление о размерах затопленных земель. Весь шельф был сушией! Причем на северо-западном шельфе сохранились русла впадающих в озеро-море рек! Материковая отмель очень полого наклонена в сторону глубоководной впадины моря, а затем неожиданно резко переходит в материковую ступень, крутой уступ в бездну, на глубину более 2-х километров. Крымский уступ материковой ступени расчленен многочисленными подводными каньонами — затопленными руслами рек, впадавших когда-то в Новоэвксинское озеро.

Последствия черноморского потопа были катастрофически-ми. Контакт с солеными морскими водами погубил всю пресноводную флору и фауну Черного озера. Их останки и образовали тот сероводородный слой, занимающий всю глубоководную часть моря на глубинах более 200 м. Обширные затопленные земли в устьях нынешних рек навсегда покинули представители древней развитой цивилизации. Путь исхода этих племен на Запад, в Европу, четко прослеживается современными археологами по образцам культуры ленточной керамики. Именно она стала основным маркером, по которому можно проследить за перемещением племен. Продвижение по Европе людей, переживших потоп, было стремительным. Так, у исследователей давно вызывала удивление

скорость распространения культуры ленточной керамики: ее носителям, в основном земледельцам, понадобилось на овладение европейским континентом, где ранее жили охотники-собиратели, около 200 лет.

Американские исследователи назвали свою книгу «Ноев потоп», и в связи с этим возникли вопросы. Потоп, описанный в Библии (дождь в течение 40 суток) очень похож на катастрофическое наводнение в долине рек, тем более, что основой библейского рассказа послужили шумерский, восходящий ко 2 тысячелетию до н.э., и вавилонский рассказы о потопе. Но пока в поле зрения океанологов не попали другие подробности потопы, сохранившиеся в той же Библии, но не в Пятикнижии, а в книгах пророков. Они уцелели, возможно, потому, что накрепко привязаны к сюжету Исхода евреев из Египта и переходу через Красное море, когда «воды встали стеной», позволив беглецам пройти, и накрыли догоняющее их фараоново войско. Пророки, вспоминая об этом великом чуде, рассказывают, как Бог «простер руку свою и извлек меня из вод многих». Далее, как бы в трансе, увлекаясь, они переходят совсем к другой истории, рассказывают об островах, о «великом городе в сердце морей»: «О ты, живущий при водах великих, избилующий сокровищами! Пришел конец твой, мера жадности твоей!.. Устремилось на Вавилон море, он покрыт множеством волн его. Города его сделались пустыми, землю сухою, степью, землю, где не живет ни один человек, и где не проходит сын человеческий» (Иерем., 51, 13; 42–43).

«И сойдут все князья моря с престолов своих, и сложат с себя мантии свои, и снимут узорчатые одежды свои, облукуются в трепет, сядут на землю и ежеминутно будут содрогаться и изумляться о тебе. И поднимут плач о тебе, и скажут тебе: «как погиб ты, населенный мореходцами, город знаменитый, который был силен на море, сам и жители его, наводившие страх на всех обитателей его! Ныне, в день падения твоего, содрогнулись острова; острова на море приведены в смятение погибелью твоею» (Иезекииль, 26, 16–18).

Особенно важно указание на то, что описание бедствий, которым должен был подвергнуться Вавилон, содержатся в некоей книге («Иеремия вписал в одну книгу все бедствия, которые должны придти на Вавилон, все сии речи, написанные на Вавилон» (51, 60), и что книга эта по прочтении должна быть утоплена в Евфрате. Отсюда кажущиеся несообразности: Вавилон то «покрывается волнами», то становится «степью сухою»; но главное — наказание неотвратимо. Эти подробности, рассыпанные в Библии, почти не привлекали внимания исследователей. Исключением является комментарий к пророчествам и к «утерянной книге» писателя Беллами: судя по всему, этой книгой с описанием величайшего бедствия широко пользовались последующие пророки и предсказатели для предупреждения о том, что Бог накажет людей за грехи подобным же образом. Далее, первообразом того Вавилона, против которого мечет громы и молнии пророк, не мог быть реальный Вавилон, речь идет о городе «при водах великих», гибнет он от морских волн и на месте его остается море. Чрезвычайно важно указание на то, что сам Иеремия умер в 570 году до н.э. в Египте, то есть он опирался на тексты, существовавшие до Платона и его сказания об Атлантиде!

За что же Бог покарал великий город?

«Так говорит Господь Бог: за то, что вознеслось сердце твое и ты говоришь: “я бог, восседаю на седалище божиим в сердце морей”; и будучи человеком, а не Богом, ставишь ум свой наравне с умом Божиим...Твоею мудростью и твоим разумом ты приобрел себе богатство и в сокровищницы твои собрал золото и серебро... И умрешь в сердце морей» (Иезек., 28, 2—8).

Еще более впечатляющим выглядит рассказ Апокалипсиса (написан между I—III вв. н.э.) о гибели великого города, сидящего «на водах многих», «на семи горах» (холмах (?) островах (?)). Купцы земные разбогатели от роскоши ее (город в Библии — слово женского рода). За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь

Бог, судящий ее. Торговавшие всем сим, обогатившиеся от нее, станут вдали, от страха мучений ее, плача и рыдая и говоря: горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру, и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом! Ибо в один час погребло такое богатство. И все кормчие, и все плывущие на кораблях и все корабельщики и все торгующие на море стали вдали. И видя дым от пожара ее, возопили, говоря: какой город подобен городу великому! И посыпали пеплом головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли и торгующие на море! Ибо опустел в один час»(18, 15-19).

Обычно считают, что речь идет о Риме, или Вавилоне – воплощении имперского города, символе власти, богатства и развращенности. Но рассказ этот составлен из устойчивых выражений, лет за 600 до того употреблявшихся у пророков. Это устойчивые поэтические обороты, описывающие Великий город («Вавилон был золотою чашею в руке Господа, опьянявшею всю землю: народы пили из нее вино и безумствовали» (Иерем., 51, 7) город «в сердце морей»). Они, как клише, прилагались к пророчествам в адрес других имперских городов – Тира, Сидона, Ниневии, Вавилона. Но эти города стояли на берегу моря или реки и приходили в упадок постепенно, а не внезапно. Интересен вывод Беллами, согласно которому тексты, относящиеся к символическому Вавилону, написаны на плохом греческом языке, не в пример прочим, и оставляют впечатление, что это переводы каких-то отрывков из других источников. Видимо, сложилась эта поэтическая формула и ее идея наказания за грехи в незапамятные времена. Этот город – на острове, он властвует над морями и островами. Он скопил несметные богатства и сокровища, он непревзойден в искусствах, мудрости, владеет магией (под которой в те времена подразумевалась и то, что мы называем наукой и технологией). Но он возгордился, его сыны именуют себя сынами божьими, а то и просто богами. Столь же устойчива формула и о наказании за попытку

сравняться с богами. Гибель великого города от землетрясения и наводнения потрясла современников и осталась в памяти тех, кому удалось спастись, как величайшее чудо: « Он простер руку с высоты и извлек меня из вод многих»; «Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей».

Потоп на Черном море возвращает нас к новым прочтениям древних текстов. Конечно, всякий потоп приводит на ум легенду об Атлантиде в изложении Платона. Однако в свете сегодняшних знаний слово «Атлантида» имеет тенденцию употребляться во множественном числе или как нарицательное: ведь многие земли погружались под воду! Океанограф Рыбин пишет: «Внезапные погружения суши под уровень моря или океана возможны. Поэтому вместо одной-единственной Атлантиды мы можем ввести в научное употребление понятие исторических Атлантид, как частей суши, испытавших катастрофическое погружение под уровень моря или океана в историческое время. Возможно, на некоторых из них находились цивилизации на той или иной ступени развития». Известный писатель и ученый Александр Кондратов в своих книгах сделал слово Атлантида нарицательным, подразумевая земли, ушедшие под воду. В поздней книге «Атлантиды ищите на шельфе»(1988) он пишет о бессмысленности искать затонувшие земли в пучинах океанов или на гребне срединно-океанических хребтов, ибо их кора принципиально отличается от коры, слагающей материи. «Атлантиды» следует искать на шельфе», который стал покрываться водой после окончания последнего оледенения около 10 тысяч лет назад.

Эти бывшие части суши получают географические наименования (Тирренида, Эгеида, Понтида). Потоп на Черном море оживил внимание и к так наз. Восточной Атлантиде – Понтиде. Мы будем опираться на тексты античных авторов и с особым вниманием отнесемся к их «ошибкам», которые, на наш взгляд, являются в ряде случаев географическими анахронизмами, описанием некогда реального положения вещей.

*Черноморское побережье и шельф —
средоточие цветущей допотопной цивилизации*

Итак, по данным геологов во время последнего ледникового периода уровень воды Новоевксинского озера (будущего Черного моря) значительно понизился. На нынешнем шельфе образовалась равнина, густо изрезанная системой рек. Она существовала с 15 000 до 8–6 000 лет назад, когда вновь ушла под воду. Создана карта равнины с палеорулами крупнейших рек. В центре ее — Палео-Днепр, русло которого начинается на дне Днепровско-Бугского лимана, и далее идет на протяжении 200 км по шельфу строго на юг. Сегодня соответствие устья Днепра и Нила весьма приблизительное. Но до черноморского потопа оно было почти точным: устье Нила находилось на 31 меридиане, как и устье палео-Днепра⁵.

В плодородной долине между крымским и болгарским берегом сложилась развитая цивилизация. Она погибла из-за потопа, и судить о ней мы можем лишь по остаткам, сохранившимся на ее периферии.

«Неоевксинское озеро особенно интересно с палеоэкологической точки зрения, — говорится в книге болгарских исследователей Димитровых, — поскольку в это время на его побережьях процветала высокоразвитая цивилизация. Катастрофа случилась примерно 7600 лет назад, когда воды Средиземного моря прорвались через Босфор. Этому способствовали и частые землетрясения. В канун катастрофы уровень Средиземного моря был на 30 м ниже, чем современный, и уровень Черного моря на 120 м ниже. Таким образом, уровень Средиземноморья был на 80 м выше. Последствия наводнения были фатальными. Уровень Черного моря увеличивался на 12 см ежедневно и воды его поглощали все больше земель, покуда уровни морей не сравнялись»⁶.

В свете теории Черноморского потопа становится понятно, почему Трипольская аграрная культура, древнейшая в Европе, имела такой высокий уровень. Она появляется как бы сразу, в готовом

виде, с развитыми в условиях неолита технологиями, земледелием и замечательным искусством. В раннем Триполье ученые находят признаки 4–5 разных археологических культур. Как будто общая беда согнала их с насиженных мест, объединила для выживания. В трипольской культуре есть много вещей высокого уровня, возникших словно ниоткуда. Особенно поражают находки в Болгарии: самыми замечательными из них, к тому же найденными при раскопках непосредственно на побережье Черного моря, следует отнести остатки Балканской цивилизации – некрополь близ г. Варна и селение Дуранкулак. Эти памятники относятся к энеолитической культуре – промежуточной между неолитом и бронзовым веком. Некрополь был открыт во время строительных работ близ Варны в 1972 году. Здесь были найдены древнейшие на земле изделия из золота, принадлежавшие цивилизации значительно старше, чем Египет и Месопотамия. Была исследована территория в 7,500 кв.м и расположенные на ней 294 погребения с разнообразным и богатым инвентарем. Количество золотых изделий, более 3000 предметов общим весом более 6 кг поразило ученых. Так, в гробнице вождя со скипетром имелось 1011 золотых предметов общим весом 1,516 кг: больше золота в одной гробнице, чем все найденное золото этого периода! Там же находились медные топоры, каменные орудия, украшения из металла, кости, камней и раковин.

Варненские находки – не единственные. Горячим сторонником гипотезы, согласно которой на болгарских приморских землях существовала старейшая в человеческой истории цивилизация, выступила профессор Генриетта Тодорова, руководитель раскопок. «Трудно поверить, но за 5000 лет до н.э. здесь налицо основные черты цивилизации: социальная дифференциация на богатых и бедных, монументальная архитектура, царская власть, разнообразное производство и торговля. Историки установили, что эти элементы впервые появились на черноморском побережье в последней четверти 5 тысячелетия до н.э., то есть раньше, чем в Месопотамии и чем где бы то ни было»⁷.

В 60 км по побережью от Варны в местечке Дуранкулак был раскопан самый большой в мире энеолитический некрополь. Именно там нашли самое древнее в мире золотое изделие, его датируют 5270 г. до н.э., то есть оно старше Варненских сокровищ на 300 лет. В расположенном неподалеку от некрополя селище обнаружены двухэтажные или двухъярусные дома размером до 200 кв.м.; керамические игрушки свидетельствовали о том, что жители пользовались столами и стульями; восхищали красивые практичные, функциональные медные, золотые, каменные и керамические изделия, схожие с находками из Варненского некрополя.

«Варненская культура, – считают авторы книги «Черное море, потоп и древние мифы», болгарские исследователи П. и Д. Димитровы, – свидетельствовала о существовании типичной морской цивилизации, генетически связанной с морем. С одной стороны, добыча руды и центры производства золота и меди были расположены вдоль побережья. С другой стороны, ремесло процветало вокруг административных центров. В Варненском некрополе было найдено 12000 раковин типа денталиум и сотни типа спондилус. Предположительно, из них изготавливали бусы, они могли заменять жителям деньги. Затопленное побережье, возможно, было центром производства медных и каменных орудий и золотых украшений»⁸. Казалось бы, все признаки цивилизации налицо. Вместе с этим встает ряд вопросов. Почему в Варне обнаружен только большой некрополь, но отсутствует селище, ведь высокая плотность населения – условие развития культуры? Почему не обнаружены монументальные каменные сооружения, которые в социально дифференцированном обществе должны были существовать? Почему обнаружены керамические изделия с абстрактными узорами, но отсутствуют артефакты с письменностью или с пиктограммами? Наконец, почему после 5 тыс. лет до н.э. в районе Варна – Дуранкулак наступила деградация, заметная по экспонатам музеев? Почему в «прародине» менее всего находок и они так скудны?

Ответ на все эти вопросы дает черноморский потоп. Создатели допотопных культур жили там, где теперь шельф; 8000 лет назад это были низменные земли, прорезанные реками, чьи русла прослеживаются под водой. Расцвету благоприятствовали умеренный климат; плодородные долины, реки и озера, богатые рыбой, создавали для людей благоприятные условия: человек был занят не только поисками пищи, но имел время приручать животных и культивировать растения. Регион был богат минеральными ископаемыми, в особенности медью и золотом. Огромное пресноводное озеро способствовало навигации и торговле, связывая народы, жившие по его берегам, превращая его в огромный Циркумпонтийский регион процветания и относительного мира (оружие среди находок почти не встречается). Районы «Плодородного полумесяца» и бассейн Черного моря лежат внутри окружности радиусом всего около 1500 км, что в сочетании с водными путями — морями, озерами, реками — давало возможность быстрого перемещения внутри этой окружности.

Загадка каменных колец

Еще раз взглянем на карту глубин Черного моря. На севере его шельф, точнее, ушедшая под воду равнина, изрезанная руслами рек, протянулся горизонтально от южной оконечности Тавриды до побережья Болгарии. Западный берег Крыма и сегодня называют молодым, несформировавшимся. От него отваливаются целые вертикальные пласты суши. Но сложенные известняками и песчаниками Крымские горы и во время самого значительного повышения уровней моря поднимались над водой. Они образовывали архипелаг островов: память об этом уцелела в словах Плиния Старшего: «От Каркинита начинается Таврика, которая некогда также была залита морем везде, где теперь расстилаются равнины; далее она представлена обширными горными хребтами. Здесь живут 30 народов; из них внутри страны — 23 племени и 6 городов» (Кн. 4, 82).

От потопа спасались на горах, и ближайшим местом для обитателей равнины были Крымские горы. Выше говорилось об индоарийской ветви языка тавров. Есть и другие основания считать их малым остатком, реликтом народа, пережившего потоп. Молчаливым свидетельством этого являются пещерные сооружения и сопутствующие им каменные кольца-«проушины» в верхних обрывах отвесных скал. С давних времен среди населения горного Крыма бытовало устойчивое местное предание, согласно которому эти каменные кольца служили для привязывания лодок, когда море заливало долины между скалами.

Многие путешественники конца XVIII и XIX века упоминают о металлических кольцах, вделанных в каменную проушину (чаще ее называют каменным кольцом) в скале там, где она наиболее неприступна. Одни видели их своими глазами, большинство же сообщает об отверстиях, каменных «проушинах», где, по рассказам местных жителей, находились такие кольца. К числу ранних очевидцев относится французский посланник при дворе крымского хана в 1778 году барон Тотт: «Прогуливаясь по ущелью близ Бахчисарая, я заметил железное кольцо наверху неприступной скалы, которая замыкала это ущелье; я спросил проводника-татарина о назначении этого кольца. — “Я полагаю, — ответил он невозмутимо, — что оно служило для привязывания лодок, когда море, омывавшее эти скалы, образовало в этом ущелье залив”. Барон Тотт, будучи образованным человеком своего времени (то есть последней четверти XVIII в.), знакомым с Платоновским преданием об Атлантиде и о библейском Потопе, выразил восхищение глубиной памяти местного населения, сохранившего это объяснение, хотя на первый взгляд оно могло представляться неправдоподобным⁹.

Француз Жильбер Ромм, воспитатель Строганова-младшего, совершивший одно из самых ранних путешествий по Крыму в 1786 году, прислушивался к мнениям ученых татар и местным преданиям. Вот что он сообщает: «Проводником нам служил ученый татарин, знававший бахчисарайского каймакана Мехмет-ага,

около полутора лет назад уехавшего в Анатолию. Этот Мехмет-ага, шестидесятилетний старик, считается очень сведущим в истории Тавриды. Он владеет многочисленными рукописями, откуда удалось почерпнуть любопытные предания, между прочим, о том, что некогда море покрывало весь полуостров за исключением гор, но в уже очень давние времена изменения, происшедшие в Константинопольском проливе, который стал шире, повели к большому отливу воды из Черного моря, обнажившему низменные части Крыма, и тогда-то этот полуостров и выступил из-под воды. Утверждают, что это расширение Константинопольского пролива было делом рук Александра Великого, но это мало вероятно. Как бы там ни было, предание это имеет большое значение; оно распространено повсюду, где прежде жили татары... Губернатор сообщил мне, что подле Казнадороги, на небольшой речке, впадающей в Кабарду, примерно в 20 верстах от моря, в отвесной скале, слева, видны 3 кольца, вытесанные в самом камне на высоте 7–8 сажень над водой. Судя по сделанному мне описанию, они такой же формы, как небольшие кольца, виденные мной в пещерах Тепе-Кермена. Среди татар сохраняется предание, что некогда эти кольца служили для причала укрывавшихся здесь судов»¹⁰.

Устойчивость местного предания о каменных и железных кольцах и об их назначении засвидетельствована и сообщением турецкого путешественника середины XVII века Эвлия Челеби, чье сочинение относительно недавно появилось в переводе на русский язык. Однако перевод сделан не с языка оригинала — турецкого, а с польского, и, видимо, неполон; поэтому мы сошлемся на статью Г. Караулова, который, в свою очередь, ссылается на английский перевод труда Челеби, — перевод Гаммера 1834 года¹¹. На рубеже XVIII и XIX веков их наличие в окрестностях Бахчисарая засвидетельствовал Э.Д. Кларк, профессор минералогии Кембриджского университета. Он описывает их следующим образом: «По мере нашего продвижения по ущелью... нам показали на очень высокой скале железное кольцо, которое, согласно местной традиции, служило

некогда для привязывания судов, хотя эти скалы возвышаются на несколько сотен футов над нынешним уровнем Черного моря»¹².

Автор фундаментального исследования края в конце XVIII века академик Петр Симон Паллас попытался объяснить этот феномен. Отметив, что долину, лежащую у подножия столовой горы Мангуп (с одноименным пещерным городом на ней) татары называют «Филегус», а греки «Пелагос», то есть море, он продолжает: «Долина эта в отдаленные времена искони могла быть внутренним, включенным в нее морем; ибо она со всех сторон окружена высокими известковыми и меловыми горами, которые там, где втекает в долину ручей Ай-Тодор, равно и там, где он из нее вытекает, смыкаются скалами, образующими нечто вроде ворот, чрез которые скопившаяся вода, быть может, и прорвалась»¹³.

Рассказы об этих кольцах слышали от местных старожилов многие, однако далеко не все путешественники имели возможность или охоту проверить их достоверность. Мешало и скептическое отношение к народным легендам и преданиям, свойственное рационализму Просвещения; время, когда они сами стали составлять предмет исследования, еще не наступило. Тем важнее свидетельства «людей образованных», которые приводит в своем исследовании «Крымские пещерные города и крипты» Г.Э. Караулов: ввиду редкости сочинения, опубликованного в ЗООИД'е, приведем его полностью. Речь идет о мемуарах «одной из давно живущих в Крыму образованных дам, г-же С.»; речь идет о М.А. Сосногоровой, авторе «Путеводителя по Крыму», выдержавшего 5 изданий, причем последние — совместно с Карауловым. Итак, цитируем:

«Вопрос о кольцах, которые видны были когда-то на страшных скалах Мангуп-Кале, Черкес-Кермена, Чуфут-Кале и других, вовсе не сказка, как думают некоторые. Я сама, собственными глазами видела эти кольца еще в молодости своей, когда приехала в Крым и в 1836 году вместе с дядей своим, генералом Д. осматривала в первый раз Мангуп. Нашим чичироне был покойный султан Крым-Гирей (Александр Иванович Крым-Гирей-Кати-Гирей,

человек образованный, воспитывавшийся в молодости в Англии. Он считал себя потомком крымских ханов. См. о нем также у Кеппена и у Дюбуа. — Прим. Караулова)... При посещении нашем Мангуп-Кале и Чуфут-Кале, проводники-татары, по указанию султана, спускались вместе с ним по бокам скал, цепляясь за кустарники, и указывали нам на железные кольца — как здесь, так и в Черкес-Кермене. В Мангупе, я помню хорошо, я ясно видела два довольно больших заржавленных кольца. В Чуфут-Кале мне потом говорил об этих кольцах и указывал на места, где они находились, тамошний караимский раввин, имени которого я теперь не припомню. Так же точно и в других скалах нам указывали одни углубления и знаки от колец, их же самих уже там не было; но в означенных мною местах я ясно видела и самые кольца»¹⁴.

Сам Караулов, обращавший внимание на эти каменные проушины или кольца, главным образом, «в местах совершенно неприступных по своему положению», «на гладких боках скал у самой их вершины», не сомневался в том, что они могли служить только для привязывания лодок, принадлежавших первобытным жителям пещерных городов¹⁵. Подобные предположения высказывал и Д. Струков. Дмитрий Струков, художник, участвовавший в обновлении святых мест в Крыму, исследуя крымские древности, в том числе дохристианские, опубликовал ряд работ, где уделил немало внимания данному вопросу. Косвенным подтверждением доисторического предания о долинах между скал, бывших прежде заливами, он считал то обстоятельство, что лестницы, соединявшие ярусы пещер, равно как и каменные кольца, как правило, высечены в верхней части отвесных скальных обрывов. «Во всех ярусах пещер, — продолжает он, — можно встретить продолбленное отверстие овальной формы, подобное тем, которые выдалбливают наши современники по побережью моря для привязывания судов; поэтому нельзя ли предположить, что сохранившиеся на скалах долбленные отверстия в форме кольца служили той же цели, как и современные, чем совершенно докажется мысль, прежде

высказанная, что действительно пещерные долбления начинались сверху, ближе к вершинам гор»¹⁶.

В заключение приведем мнение грузинского исследователя Бахтадзе, автора работы «Зарождение грузинской скальной архитектуры и ранние ступени ее развития». Сказанное им в значительной степени можно отнести и к крымским внутрискальным сооружениям, хотя в этом регионе, увы, не велось подобных исследований. В течение нескольких десятков лет грузинские и иностранные ученые считали, что древнейшим высеченным в скале памятником архитектуры на территории Грузии является знаменитый пещерный ансамбль Уплисхихе. Именно поэтому сложилась теория, согласно которой традиция создания искусственных пещер была занесена в Грузию примерно в эпоху создания древнейших пластов Уплисхихе, то есть во второй половине первого тысячелетия до н.э., вместе с волной миграции племен, носителей этих строительных навыков. «В результате наших исследований, — пишет Бахтадзе, — выяснилось, что высеканием искусственных пещер население Грузии интенсивно занималось еще в IV—III тысячелетиях до н.э. Веским доказательством этого являются обнаруженные нами, в течение последних двух десятилетий пещерные комплексы на территории исторической провинции Грузии — Квемо Картли. Каждый из этих многоярусных скальных памятников состоит из нескольких десятков пещер, довольно примитивной планировки. Археологические исследования этих комплексов дали возможность установить хронологические рамки этапов создания и эксплуатации памятников. Несмотря на интенсивную эксплуатацию этих пещерных комплексов в эпоху поздней бронзы и в средние века, были обнаружены более ранние следы жизнедеятельности человека. Оказалось, что значительная часть скальных памятников создавалась уже в эпоху **энеолита, а также ранней и средней бронзы**. Эту версию подтверждает и тот факт, что примерно в те же времена на территории сопредельных с Грузией стран, в регионах Ближнего Востока и других областях бассейна Средиземного моря, созда-

вались точно такие же пещерные комплексы, используемые как светские поселения и некрополи»¹⁷.

*Индоиранские народы в Северном Причерноморье:
реликты языка и верований*

Орошаемая мощными реками, благодатная северопричерноморская долина стала пристанищем для индоиранских народов в их долгом странствии с севера на юг. К таким идеям, точнее, гениальным прозрениям и догадкам, основанным, правда, на тщательном штудировании античных источников, относится мысль об индийской принадлежности народов, населявших берега Понта задолго до греков, а также о том, что ими здесь была создана цивилизация, перед которой греки той эпохи выглядели варварами. В ранней работе «Введение в историю европейских народов, населявших берега Понта Эвксинского до Геродота», 1820 год, знаменитый немецкий географ Карл Риттер поставил задачу доказать на основании древнейших памятников античной географии, археологии, мифологии, архитектуры и религиозных систем, что в доисторические времена на берегах Понта Эвксинского от Фази-са до Истра находились индийские священные религиозные центры, которые оказывали на окружающее население благотворное духовное и цивилизующее влияние. «Черное море, — писал он, — таит в глубокой древности тайну, сбросить завесу с которой не так легко. Местные мифы, приуроченные к основанию большинства колоний, восходят почти всегда к временам более древним, чем времена колонистов из Милета. Уже с древних времен Европа, заимствуя культуру из Греции, привыкла воспринимать все иллюзии, которыми тешили себя тщеславные греки, убежденные в том, что Греция — светоч мира; ослепленные своей гордостью, они хотели бы, чтобы все просвещение, вся наука, вся цивилизация, все религиозные системы исходили бы из недр Греции. Современные эллинисты обычно разделяли эти воззрения.

Между тем мифы, рассказанные самими греками, часто опровергают эти горделивые представления. Читая Гомера, изучая мифы о бегстве Фрикса и Геллы, плавании аргонавтов, похищении Европы, труды Геродота, нельзя не придти к обратным выводам, а именно, что Греция получила дары цивилизации в большей или меньшей степени от тех, кого она называла варварами. Царь и народ Колхиды, оказавшие радушный прием аргонавтам, тирийцы, жители Трои и другие – все они стояли на более высокой ступени цивилизации, чем те искатели приключений и их дружины, которые приходили к ним, подобно норманнам средневековья, чтобы грабить, нарушая все законы гостеприимства... Кажется, что все древние народы избрали Черное море ареной подвигов своих героев. Во всех повествованиях герои отправляются на Восток как «редоточие цивилизации и богатства»¹⁸.

Далее Карл Риттер первым высказал предположение, что носителями этой працивилизации были индоарии, и что неоднократно упоминаемые греками синды, «индийская народность», жители Таманского полуострова и низовьев Кубани, а также загадочные тавры – это остатки индоарийских племен, основная масса которых ушла в северо-западную Индию.

К этой працивилизации восходят культ Солнца и основы сакральной географии, согласно которой земля была разделена на Европу и Азию. Смысл различения состоит в том, что Азия, Асия, страна Богов-асов, страна Солнца, противопоставлялась Европе – «стране людей», стране Луны. Граница проходила по Дону-Танаису, в древности – Синду, и Боспору Киммерийскому, так что Крым принадлежал Европе и находился под покровительством Луны, что выразилось в культе Лунной богини Девы (само ее имя чисто индийское – просто Богиня). В устье Дона находился древний духовный центр – Асгард, город богов-асов, давший название Азовскому морю. Его описал ирландский писатель XII века Снорри Стурлусон¹⁹, а совсем недавно поисками его археологических остатков занимался Тур Хейердал. Риттер указывает на атрибуты

«страны Солнца»: на восточной, азиатской стороне Понта легенда называет царем Ээта, сына бога Солнца Гелиоса и хранителя Золотого Руна. Его внимание привлекло название таинственного города Корокондама, по сообщению Страбона, расположенного на берегу Таманского залива. В наши дни найдены археологические свидетельства существования этого города, основная часть которого ушла под воду. Однако немецкого географа заинтересовало само название города с его чисто индийским звучанием: конда-город, Кор – солнце, ма – мать или богиня-мать. Вместе получалось «Город Солнца» (почти как идеальный город Кампанеллы), точнее, – «город-мать» (по-гречески метрополис) Солнца. Корень «Кор» различим в названии реки Кура в Колхиде. В эпосе «Махабхарата» «сыновья Куру» по смыслу означают «дети Солнца».

Эти замечания относительно пра-Индии в Причерноморье знаменитого немецкого исследователя, в отличие от других его географических сочинений, были надолго забыты. Тем временем проблемой активно занимались лингвисты, которые давно установили, что индийские (точнее индоарийские), распространенные в древней Индии языки образуют основу обширной семьи индоевропейских языков. В глубокой древности предки народов, говоривших на этих языках, жили в тесном соседстве друг с другом. Поиски их общей прародины составляют волнующий и увлекательный предмет научных изысканий и острой полемики вокруг высказанных по этому вопросу самых разных точек зрения.

В 1943 году было опубликовано исследование австрийского ученого П. Кречмера «Индийцы на Кубани». Независимо от Риттера, но опираясь на те же источники, он пришел к подобным же выводам; кроме того, он установил, что арии (аррихи, горные арии) еще долгое время обитали в Крыму. Сегодня к этому можно добавить целый список племен, в названии которых звучит корень «ар» – арианы, аримаспы, гогарены, дандари и т. д.

В 80–90-е годы систематические исследования по индоарике Северного Причерноморья проводил выдающийся отечественный

ученый-лингвист, академик Олег Николаевич Трубачев. Опираясь на идеи предшественников о Северопричерноморской прародине индоариев, Трубачев существенно расширил и поставил на научную основу то, что носило у них умозрительный и догадочный характер. Действительно, внимательное чтение античных источников позволяет обнаружить немало упоминаний об индийцах: горы Синд, синды, которых Гесихий Александрийский (около V в. до н.э.) определяет как «народ индийский»²⁰; о племенах «внутренней Индии» пишет позднеантичный автор Феодорит (IV–V вв. н.э.), называя далее жителей этого края «индийцами»²¹. Епископ Евсевий (IV в. н.э.), перечисляя «племена от Иафета» (в современном понимании – индоевропейские народы) и их области с юго-востока на северо-запад, упоминает их в следующем порядке: «...Галатия, Колхида, Индия, Ахея, Боспорина (т.е. Боспорское царство), Меотия (к востоку от Азова, с родственным индийцам населением)»²².

В эпоху, освещаемую античными источниками, народы индоиранской культурно-языковой общности – скифы, сарматы, савроматы – играли преобладающую роль в Северном Причерноморье. Однако, как убедительно показали исследования О.Н. Трубачева, здесь сохранились изолированные островки носителей индоарийских языков. Это, прежде всего, синды («индийская народность» по выражению греческого писателя), меоты, жившие в Приазовье, и оттесненные индоиранскими народностями в горный Крым тавры.

Каменные ящики-дольмены тавров, синдов и меотов весьма сходны и как бы замыкают цепь взаимосвязей культур Северо-Западного Кавказа, Прикубанья, Крыма. В этой связи отметим свидетельство псевдо-Арриана о том, что язык жителей древней Синдики был схож с языком тавров (Ps.-Арт. 63). По словам Диодора, царь Ээт оградил священный участок, где находилось Золотое руно, и «поставил стражу из жителей Таврики»; неудивительно, что колхидянка Медея (мидянка, иранка) попросила стражу «на таврском наречии» открыть ей ворота.

Сегодня существование праиндийской цивилизации в Северном Причерноморье — доказанный факт. Книга академика О.Н. Трубачева «Indoagica в Северном Причерноморье», объединившая его основные статьи-исследования по проблеме, в предисловии, написанном академиком В.Н. Топоровым, оценена как весьма важное событие в науке. Главное открытие, пишет он, состоит в том, что на территории Восточно-Европейской равнины обнаружено присутствие одной из ранних форм индоарийского языка и, следовательно, соответствующего этноса. Этимологический словарь причерноморского арийского языка занимает более 130 страниц и включает сотни слов, продолжает Топоров, и потому есть основания утверждать, что причерноморский индоарийский — «уверенно и недвусмысленно заявляющая о себе реальность»²³.

Язык и его данные не замыкаются на самих себе и отсылают к знаниям иного рода, прежде всего в области культуры, как материальной так и духовной. Поэтому особенно важно, что среди реконструированных слов многие являются обозначением сложных духовных понятий. Особенно замечательной представляется блестящая реконструкция смысла культового термина «састер» в знаменитой присяге граждан Херсонеса, высеченной на мраморной стеле III в. до н.э.: «**И састер** народу охраню, и не предам ничего тайного ни эллину, ни варвару...». Прежние попытки толковать этот термин из греческого или иранского оказались явно неудовлетворительны. Это слово, по Трубачеву, тождественно древнеиндийскому «Шастра» — божественная, религиозная книга, свод религиозных правил и обычаев; то есть читать следует: «и божественный свод народу охраню, и не предам ничего тайного ни эллину, ни варвару...». Речь явно идет об уважении религиозных традиций народа тавров, почитавших богиню Деву. Культ таврской богини занял едва ли не главенствующую роль среди херсонесцев. Как известно, ей был воздвигнут храм в городе и святилище на мысу Фиолент, изображение ее чеканилось на монетах, а в 25 г. н.э. она была провозглашена царицей-басилиссой Херсонеса.

«К единственно правильному пониманию «састер» как обозначения сакрального, тайного свода, *legum summa*, как догадывался в свое время Латышев, приводит нас этимологическая интерпретация этого слова из индоарийского, древнеиндийского, то есть индоарийская концепция таврского языка»²⁴, — заключает Трубачев. Весомость термина, одного из центральных в религиозно-этической лексике, косвенно свидетельствует о развитой культуре.

В образе таврской богини Девы слились черты греческой Артемиды и более архаичные представления тавров о богине-матери, владычице людей и зверей. Изображения Девы дошли до нас на монетах IV в. до н.э. — первых веков н.э. Исследователи Зограф А.Н., Герлович Ф.И. доказали, что основой изображений была статуя; ее существование доказывает к тому же то обстоятельство, что на различных сериях этих монет она изображена в различных ракурсах. Дева представлена во весь рост в энергичном движении, подчеркнутым длинной одеждой, ниспадающей широкими складками. Правой рукой она достает стрелу из-за висящего за спиной колчана, в левой, отведенной руке — лук. На голове ее башенная корона — атрибут покровительницы города, рядом — олень.

Статуя, изображенная на монетах, была чисто греческой. А.Н.Зограф отметил, что ближайшие аналогии ее следует искать в скульптурах пергамской школы, с которыми ее роднит стремительное движение и сложная трехмерная композиция. Это, прежде всего, фигура Артемиды на фризе Пергамского алтаря²⁵.

Ближайшей аналогией херсонесской Девы, однако лишенной ее стремительности, можно признать статуи греческой Артемиды: неторопливым движением богиня достает стрелу из колчана за спиной, левая рука с луком опущена; во всей фигуре разлито олимпийское спокойствие. Этот образ далеко отошел от таврской Девы — защитницы города и Сотейры-спасительницы. Чаще встречаются изображения Девы-охотницы в коротком хитоне, настигающей и поражающей лань. Этот тип изображений на моне-

тах имеет свои аналогии в росписях ваз, в барельефах, скульптуре. Известны также монеты Херсонеса с изображением Геракла (250-230 гг. до н.э.) и Девы (290-280 гг. до н.э.) и Девы в башенной короне (120–110 гг. до н.э.).

Дальнейшему проникновению в социальные и мифологические воззрения древних северопонтийских ариев, продолжает ученый, способствует толкование реликтового имени собственного – Дигица («Сказ об обретении мощей св. Климента») как «двиджа», «дважды рожденный» (принадлежность к высшей касте). Не менее перспективны в плане реконструкции идеологии древних ариев этимологии личных имен – Бутунатос (Бхутанатх – «властелин духов», одно из имен Шивы) и Магадава (женское имя «принадлежащая великому Богу (или Богине) »Махадева). Оба имени дают ценную возможность датировать начало индуистских верований временем обитания ариев в Северном Причерноморье.

Языковые связи Индии и Сев. Причерноморья суть отражение начала и конца индоариев, считает Трубачев. Значительность Северопонтийских языковых реликтов индоариев и повторение целых топонимических ландшафтов в Северо-Западной Индии (реки Синд – Дон и Инд; Кубань и Кубха) говорят в пользу предположения, что это были интенсивные культурно-этнические связи, не однократная миграция, а двустороннее сообщение²⁶.

Память о Гиперборее: мифы и гипотезы

Другое весьма важное свидетельство обитания индоариев в Северном Причерноморье связано с особенностями их картины мира.

Обращение к древней космологии помогает объяснить появление и распространение единого взгляда на сакральную географию Восточной Европы, которую долгое время считали реальной. В соответствии с ней предки древних исторических народов считали, что Северный полюс действительно есть вершина Земли, а северная ориентация священна.

В космологической системе древних индоариев существовало представление о том, что земля постепенно повышается к северу и что все великие земные реки текут со священных северных гор. Это представление было унаследовано скифами. Сакральная география скифского мира оказывала влияние и на реальные географические воззрения — скифы считали, что реки их страны берут начало с Рифейских, или Гиперборейских гор. От них это представление заимствовали и древние греческие ученые.

Однако действительно ли древние так основательно заблуждались как относительно высоты и неприступности гор, так и адреса отгороженной ими блаженной прародины? Другими словами, не стоит ли за представлениями из области «священной географии» нечто реальное? Ведь «заблуждения» и «ошибки» древних, особенно в области географии, подчас оказываются описанием некогда существовавшего положения вещей. Не следует ли и в этом случае искать разгадку в том, что «огромные неприступные горы», опоясывающие землю подобно ледяной короне, сверкая в лучах солнца, — не что иное, как ледник, который отступил на Север и растаял. Ведь южный край ледника располагался примерно на этой же широте.

Высказано мнение, что ледник продвигался на юг; благодаря конденсации, приносимой воздушными потоками с юга, происходило нарастание льда на его южном склоне. Передний край ледника прикрывали от солнца облака, которые формировались в результате конденсации влаги, содержащейся в воздухе. Это отражено в сведениях Геродота: «Говорят, что область, расположенную выше обитателей (Скифии) по направлению к северному ветру, невозможно ни рассмотреть, ни пройти из-за падающих перьев... Снег ведь похож на перья». Еще лучше это описано у Гомера:

«Скоро пришли мы к глубоко текущим водам Океана,
Там киммериян печальная область, вечно покрытая влажным
туманом и мглой облаков.
Никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос...
Вечная тьма там всегда искони окружает живущих».

К этому можно добавить и вулканические испарения.

А что представляла собой «река Океан», которая, по сообщению древних, протекала у подножия гор, окружавших землю; им ограничивался предел обитаемой земли, Каспийское и Азовское моря считались его заливами. Известный украинский писатель и ученый Виктор Янович высказал гипотезу, согласно которой «река Океан» являлась порождением ледника. Он прогибал земную кору и выдавливал перед собой огромный земляной вал, так наз. морену напора. Пространство между ледником и мореной напора, заполненное водой, именовали «рекой Океан». Называть его рекой было естественно, учитывая его большую протяженность, относительно небольшую ширину, пресную воду и наличие течения. Из реки Океан, протекавшей у подножия ледника, действительно могли брать начало европейские реки от Дуная до Волги, как утверждали древние. Потому-то водность этих рек превышала нынешнюю. В соответствии с таким взглядом в сообщениях античных авторов нет ничего невероятного, напротив, с их помощью наши представления о ледниковом периоде могут быть уточнены.

Невероятным представляется другое. За Мировой горой расположена Гиперборея, счастливая страна, известная у разных народов под различными именами: Швета Двипа, Эрифия, Елисейские поля, Элизиум и т.д. Она славилась прекрасными садами, полями, дававшими невиданный урожай, лугами, где паслись несметные стада диких и домашних животных. Туда, в частности, отправился за быками Гериона Геракл. В представлениях древних греков бог северного ветра Борей и его дети — бореады обитали в северных краях Европы, где царил вечный холод и мрак. Но еще севернее, за пределами Рифейских или Гиперборейских гор, обитал некий просвещенный, любимый богами род гипербореев. Выходцем из страны гипербореев был сам Аполлон, который регулярно возвращался в Гиперборею с наступлением зимы. Более того, Дельфийский оракул был учрежден гиперборейцами, сохранились их имена — Пагасий и Агией. В святилище Аполлона

на острове Делос ежегодно гиперборейцы посылали дары — начатки урожая, завернутые в солому. Вначале эти посольства возглавляли девы — Геродот приводит их имена: Арга и Опида, а затем — Лаодика и Гипероха. Возможно, они сами предназначались в жертву. Во всяком случае, их могилы находились в святилище Артемиды, и им воздавались почести. Позднее дары гипербореев передавались из рук в руки.

Разумеется, поверить в то, что к северу от ледника лежит обитаемая, да еще благодатная земля, современному человеку трудно.

Однако наряду с преобладающими в науке представлениями о леднике как сплошной ледяной шапке, покрывающей северную часть земли, существует и другое, согласно которому он представлял собой сравнительно узкую ледяную грядку, окаймляющую венцом северную часть Земли. В этом случае предания о живущих за ней людях будут выглядеть не столь уж фантастическими. Для пересмотра существующих представлений о леднике есть кроме преданий веские физические основания. Если, как было сказано выше, влага, приносимая воздушными потоками с юга, конденсировалась в передней части ледника и на его вершине, достигавшей двух километров высоты, то влаги для формирования ледника за ее пределами оставалось мало, и ледник к северу должен был понижаться — «сходить на-нет». В результате этого ледник представлял собой не сплошной щит, покрывавший всю северную часть земли, а лишь сравнительно узкую ледяную грядку, окружавшую Землю, с крутым южным склоном и пологим северным.

На карте, составленной по данным Птолемея, Гиперборейские и их продолжение — Рифейские горы показаны на широте около 56—60 градусов, примерно на широте «Северных увалов».

За ледяной грядкой оказывалась обширная область Земли, свободная ото льда. Климат этой земли имел необычную особенность: Солнце за Полярным кругом светит круглые сутки, значительно больше, чем в средних широтах. Ледяная грядка, препятствуя проникновению на север влажного воздуха с юга, обеспечивала осо-

бые условия на земле, расположенной к северу от нее. Здесь климат оказывался сухим, количество солнечных дней увеличивалось, земля получала больше света и тепла. В то же время уменьшалось количество снега, выпадая, он быстрее таял весной, земля раньше и быстрее прогревалась, лето удлинялось.

Таким образом, полоса, лежащая между 50–70 градусами широты, оказывалась удивительно благоприятной для земледелия.

Отсюда следует парадоксальный вывод, что в ледниковый период лето в северной части было намного суше, теплее и длиннее, чем сейчас. И что между ледяной грядой, которую называют Гиперборейскими или Рифейскими горами, и Северным Ледовитым океаном действительно мог находиться благодатный для всего живого край – счастливая прародина, о которой повествуют древние предания.

Страну блаженства помещали как на северном острове, так и на побережье между горами и Северным океаном. Это отметил еще ученый-востоковед XIX века Ленорман: «Географические указания в великой эпической поэме «Махабхарата» представляют Меру скорее как далекую и высокую область, а не как гору, и указывают, что она дает воду всем рекам Земли. Эта система прекрасно совпадает с той, которую Юстин заимствовал у Помпея Трога: согласно ей, Скифия, страна древнейшего человечества, не имея гор, все же расположена выше, чем вся остальная Земля, и потому является истоком всех рек»²⁷.

«Северный склон Меру, побережье Молочного моря – таков адрес этой страны в “Махабхарате” и ряде других произведений древнеиндийской литературы», – отмечают индологи Э.А. Грантовский и Г.М. Бонгард-Левин. Античные авторы называют этот счастливый народ гиперборейями. «Севернее Рипейских гор», «за этими горами до другого моря (то есть «северного моря»), «по ту сторону северного ветра, на побережье, обращенном к океану» помещали тот народ Аристей, Дамаст, Гелланик, Геродот, Помпоний Мела, Плиний и др.²⁸.

Археологические находки подтверждают заселенность северных земель; древнейшие памятники на Скандинавском полуострове и в Англии имеют возраст около 10400 лет. На Кольском п-ве и Соловецких о-вах сделаны еще более поразительные открытия. Экспедиции 1997–2002 годов, организованные журналом «Наука и религия» под рук. профессора, д-ра фил н. В.Н. Демина на Кольский п-в и на Ямал, дали сенсационные результаты. По всему побережью Ямала найдены следы пребывания древнего человека, датир 111 тыс. до н.э. Еще ранее, в 1982 году при раскопках в 140 км от Якутска были найдены каменные орудия, возраст которых определен в рамках 3,2–1,5 миллиона лет. Летом 2001 года на реке Полуй в 40 км от Салехарда археологи обнаружили татуированную мумию девочки, которую не смогли отнести ни к какой антропологической расе. Следовательно, можно говорить о том, что возникновение человека на земле происходило не в одном очаге, а в нескольких, в том числе в Арктике. На Кольском п-ве и Соловецких о-вах сделаны еще более поразительные открытия.

О климатических условиях Арктики в различные геологические эпохи высказывались схожие мнения. «Геологическая история земного шара вообще показывает, что оледенение вблизи полюсов отнюдь не является нормой и характерной особенностью полярных областей, — писал отечественный океанолог Н.Ф. Жиров. — В настоящее время, как указывает Е.К. Марков²⁹, климат Арктики характеризуется резким и ненормальным переохлаждением и континентальностью, создаваемыми развитием ледяного покрова морей и ледниковых покровов на суше. Так как лед и снег отражают более 80% падающей на них солнечной энергии, то это обстоятельство и вызывает переохлаждение Арктики. В действительности же количество прямого и рассеянного света, например, на широте Шпицбергена, с мая по август достаточно для того, чтобы получать столько же органического вещества, сколько и на широте средней Европы. В недавнем геологическом прошлом, когда в Арктике еще не было льдов, климат ее был умеренно теплым

и сравнительно однообразным, с ярко выраженными морскими условиями»³⁰. Ученые не исключают возможности проникновения Гольфстрима глубоко в Арктику. «Если бы он встречал на своем пути хребет Ломоносова в надводном состоянии, то заворачивал бы в Карское море и море Лаптевых. В этом случае климат Таймыра был бы значительно теплее современного, но климат арктической Северной Америки оставался бы суровым»³¹.

Многие российские и американские исследователи принимают возможность того, что в сравнительно недалеком геологическом прошлом оба арктических хребта — Ломоносова и Менделеева — поднимались над водой. Согласно недавним исследованиям в Арктике, 7—8 тыс. лет назад климат здесь был значительно мягче, а Северный Ледовитый Океан вообще был свободен ото льда³².

Представляется, что средневековым картографам, как и величайшему среди них — Меркатору, а также и царю Петру было известно о стране, именуемой в античности Гипербореей. Примечательно, что ее южная граница совпадает с локализацией Гиперборейских гор на Птолемеевых картах. Сегодня на их месте протянулись невысокие Северные увалы, но в эпоху оледенения это могли быть очень высокие ледяные сверкающие горы. Указанием на это может служить Готторпский глобус.

Расскажем о нем подробнее. В Санкт-Петербурге, в здании Кунсткамеры, первого российского государственного музея, под куполом размещался Готторпский глобус. Это был подаренный Петру I глобус-планетарий, изготовленный в 1654—1664 годах в Голштинии по заказу Фридриха III под руководством географа и астронома Адама Олеария. В 1726 году, когда в Санкт-Петербурге строилась Кунсткамера, этот огромный глобус подняли на третий этаж, а потом достроили стены, увенчав их куполом. Сам Готторпский глобус представляет собой полый шар диаметром 3,11 метра и весом 3,5 тонны, выполненный по железному каркасу. Его внутренняя и наружная поверхности расписаны по наклеенному холсту: на наружной — карта Земли, на внутренней — карта

Созвездий. Глобус насажен на деревянную ось, на которой внутри были закреплены деревянный стол и скамья на 12 человек. Внутри глобуса попадали через являющуюся его частью дверцу. Подобные глобусы-планетарии имелись и в других странах; сегодня единственным сохранившимся экземпляром обладает Россия.

Нанесенная на глобус географическая карта, как и многие старинные карты, ставит перед учеными немало вопросов. Но самой необъяснимой загадкой Готторпского глобуса и по сей день считается следующая. Речь идет о выделении на ней синим цветом части России, простирающейся от современной Ленинградской области на западе до полуострова Таймыр на востоке и до Ярославля на юге. Что подвигло географов на такое выделение в пределах государства Российского его северной части? При этом царь Петр, по отзывам современников уделявший немало внимания глобусу, не сделал по этому поводу никакого замечания. Более того, цветовое выделение русского Севера было воссоздано после большого пожара 1747 года, согласно точному описанию глобуса, хранившемуся в Академии наук. Вероятно, глобус зафиксировал часть некоего фонда «тайных знаний», которые для посвященных в них лиц в комментариях не нуждались.

Возвращаясь к картине мира, сохранявшейся в течение тысячелетий в Сев. Причерноморье, можно сделать очень важный вывод относительно строго меридионального характера миграций индоариев вдоль пути «от финских хладных скал до пламенной Колхиды» или Тавриды. Топографически это выражено в выводах ученых-индологов Грантовского и Бонгард-Левина: «Таким образом, формирование “северного цикла” древнеарийской мифологии должно было происходить там, где на обширных территориях реки текут с севера на юг, а рельеф местности соответственно повышается с юга на север. Описываемым географическим условиям не удовлетворяют ни территории Средней Азии (ее великие реки несут воды с юго-востока на северо-запад, а за хребтами Тянь-Шаня, Памира и Гиндукуша нет океана и областей с полярными

явлениями), ни области Европы, расположенные по Дунаю и по рекам, которые направляются к Балтийскому морю, ни районы Казахстана и Западной Сибири: Обь, Иртыш, Ишим, Тобол текут в направлении, обратном искомому, а их истоки находятся не на севере, а на юге и юго-востоке.

Из всей обширной территории, в пределах которой ученые помещают прародину ариев, остаются, таким образом, лишь области юго-восточной Европы – от Днепра до Урала. На всем этом пространстве рельеф местности повышается с юга на север, реки же – Урал, Волга, Дон, Днепр – текут с севера на юг, а их истоки теряются далеко на севере, в районах, уже непосредственно не знакомых древним обитателям степи»³³.

В отличие от предков индоиранцев, древние греки далеко отошли от преданий о северной прародине. И все же у них сохранилось предание о стране *Меронии* и ее жителях – меропах, смысл которого им уже был неясен в такой степени, что появились попытки произвольного истолкования этих слов. Тем не менее, анализируя эти мифы, Ленорман, Ренан и др. опознали гору Меру. «Священное слово *Меронес*, употребляемое греками для обозначения человечества, могло изначально приписываться им <...> из-за того, что признано их происхождение с Меру. Такое объяснение, вследствие которого надо отнести название священной горы к древнейшему периоду арийского единства, горы, которая признавалась прибежищем богов и местом зарождения человечества, подтверждается, по-моему, вполне определенно наличием мифов, в которых *меропов* признают особым автохтонным населением, существовавшим в наидревнейшие времена. Они жили счастливо и отличались долголетием; ими правил царь Меропс, о котором иногда говорят, что он спас их от потопа, подобно Йиме иранцев, собрав их вокруг себя в укрытие от вод, и они избегли гибели»³⁴.

Огромный интерес Черноморского потопа заключается в том, что он происходил на памяти людей достаточно продвинутой

культуры и, оставив глубочайший след в их сознании, предопределил их последующее расселение.

Уцелевшие остатки уходили в дальние странствия и на новых местах обитания старались воспроизвести образ прародины, этого «утраченного рая» — воздвигались алтари, городам и окрестностям давались прежние названия, другими словами, происходила сакрализация пространства в традициях геомансии. К наиболее древним свидетельствам праистории, если от нее не уцелело ни артефактов, ни текстов, относится язык символов. Этот язык древних культур, в интерпретации Рене Гёнона, в состоянии ответить на важный вопрос о кардинальном изменении в культурной традиции человечества, а именно — переходе от *полярной, или Гиперборейской традиции, к солярной, или Атлантической*.

Библейские предания о потопе, предания о Гиперборее, уцелевшие в памяти индоарийских и индоиранских народов в Северном Причерноморье и донесенные античными авторами, позволяют сделать определенные выводы. Память о северной прародине у народов сев. Причерноморья свидетельствует о меридиональном направлении миграций. После катастрофы расселение шло в широтном направлении — на запад и на восток, пути его указывают данные языка и мифологии.

Примечания

- ¹ *Guénon R. Atlantide et Hyperborée // Formes traditionnelles et cycles cosmiques. P., 1970. P. 37.*
- ² *Guénon R. Place de la tradition atlantéenne dans le Manvantara // Formes traditionnelles et cycles cosmiques. P., 1970. P. 46.* (Гёнон определяет нынешнюю Манвантару в 64 800 лет, или 5 «больших лет». Она распадается на четыре Юги — Крита-Юга: 25920, Трета-Юга: 19440, Двапара-Юга: 12960, Кали-Юга: 6480 лет.)
- ³ *Guénon R. Op. cit. P. 50–51.*
- ⁴ *Ryan W., Pitman W. Noah's flood. N.Y. 1997.*

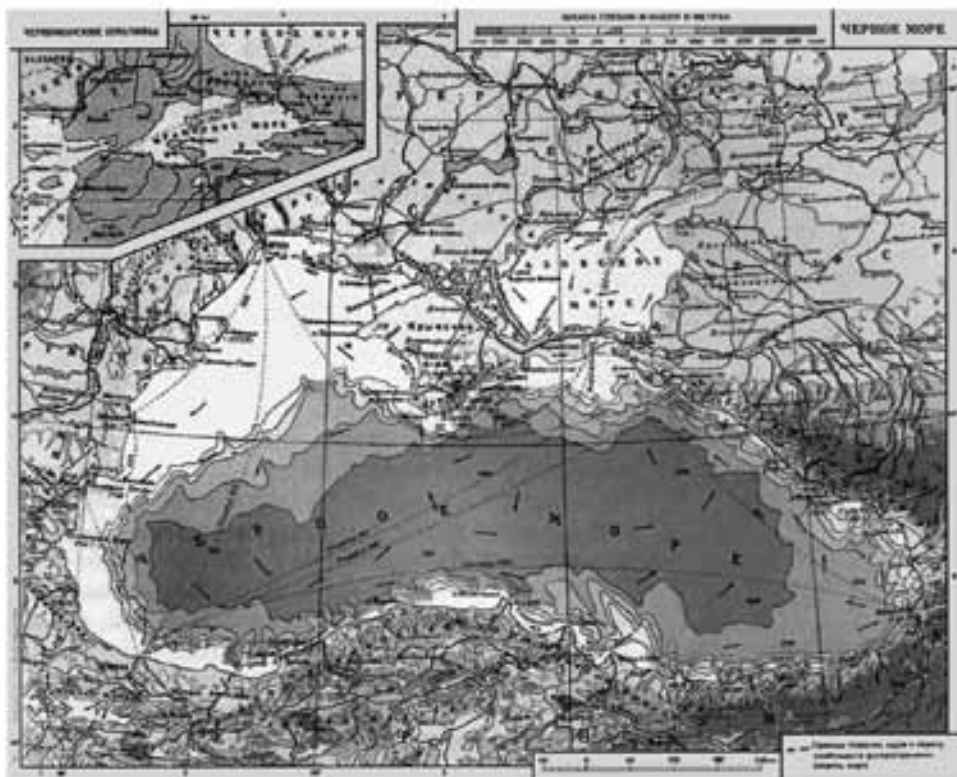
- 5 Напрашиваются и другие соответствия. В устье Нила находился город Саис и два чуда света — сфинкс и пирамиды. Изваяние львицы с головой человека старше пирамид и носит следы выветривания, образовавшегося за 8-10 тыс. лет. Оно символизирует эпоху Льва, на исходе которой, при переходе к эпохе Рака произошел потоп. Были ли подобные памятники в устье Днепра? О чем говорят упорные слухи о пирамидах к Крыму глубоко под поверхностью земли, — оказались ли они там вследствие опусканий суши или были замыты наносами в результате потопа?
- 6 *Dimitrov P., Dimitrov D.* The Black Sea, the Flood and the Ancient myths. Varna, Slavena, 2004. P.
- 7 *Dimitrov P., Dimitrov D.* Op.cit. P. 47.
- 8 Ibid!
- 9 *Tott F.* Memoires de baron de Tott sur les Turcs et les Tatares. Amsterdam, 1875. P. 94.
- 10 *Ромм Ж.* Путешествие в Крым в 1786 году. — Пер с франц. Л.: ЛГУ, 1941. С. 71.
- 11 Цит. по: *Караулов Г.Э.* Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. Т. VIII. Одесса, 1872. С. 43.
- 12 *Clarke E.D.* Voyage en Russie, en Tartarie et en Turquie. Trad. De l'anglais. P., 1813. Т. 2. P. 352.
- 13 *Паллас П.С.* Путешествие по Югу России // ЗООИД. Т. XII. С. 37; Т. XIII. С. 103.
- 14 *Караулов Г.Э.* Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. С. 44.
- 15 *Караулов Г.Э.* Указ. соч. С. 45.
- 16 *Струков Д.* О доисторических памятниках Тавриды. М., 1879. С. 9.
- 17 *Бахтадзе В.* Зарождение грузинской скальной архитектуры и ранние ступени ее развития.
- 18 *Ritter C.* Die Vorhalle Europaischer Volkergeschichten von Herodotus. Berlin, 1820. S. 12.
- 19 *Сноппи Стурлусон.* Круг Земной. М., Наука, 1995. С. 10.
- 20 *Латышев В.В.* Известия древних писателей греч. и лат. о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 4. С.270 (701)
- 21 Там же. ВДИ, 1948, № 3. С. 294 (619); 300 (625).
- 22 Там же. ВДИ, 1948, № 3. С. 221 (546).

- 23 *Топоров В.Н.* Предисловие // *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. М.: Наука, 1999. С. 3–4.
- 24 *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. С. 130.
- 25 Пергам — царство в северо-западной части Малой Азии; здесь в III в. до н.э. был воздвигнут алтарь Зевса с фризом, изображавшим гигантомахию — борьбу олимпийских богов и восставших против них гигантов, сыновей Урана-неба и Геи-земли.
- 26 Только этим можно объяснить присутствие раковин каури из Индийского океана в погребальном инвентаре таврских каменных ящиков I тыс. до н.э. и даже могиле скифского времени на реке Роси. Эта общая традиция живет в перекликающихся культурах и мифах, даже, пожалуй, в архитектурных формах (ложноступенчатый свод боспорских склепов, маковки церквей), но обсуждение последних можно продолжить в другом месте.
- 27 *Lenormant.* The Contemporary Review, Sept. 1881 (Am.ed.) P. 40.
- 28 Грантовский Э.А. и Бонгард-Левин Г.М. От Скифии до Индии. М. С. 46
- 29 *Марков К.К.* Палеогеография. М., 1960. С. 247–249.
- 30 *Жиров Н.Ф.* Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М., 2004. С. 407.
- 31 Там же. С. 408.
- 32 Специалисты норвежской геологической службы 82 градуса Фобос // Гисметео.ру 27.10.2008.
- 33 *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд 2-е. М.: Мысль, 1983. С. 152–153.
- 34 *Lenormant.* Origines, II, I. P. 56.

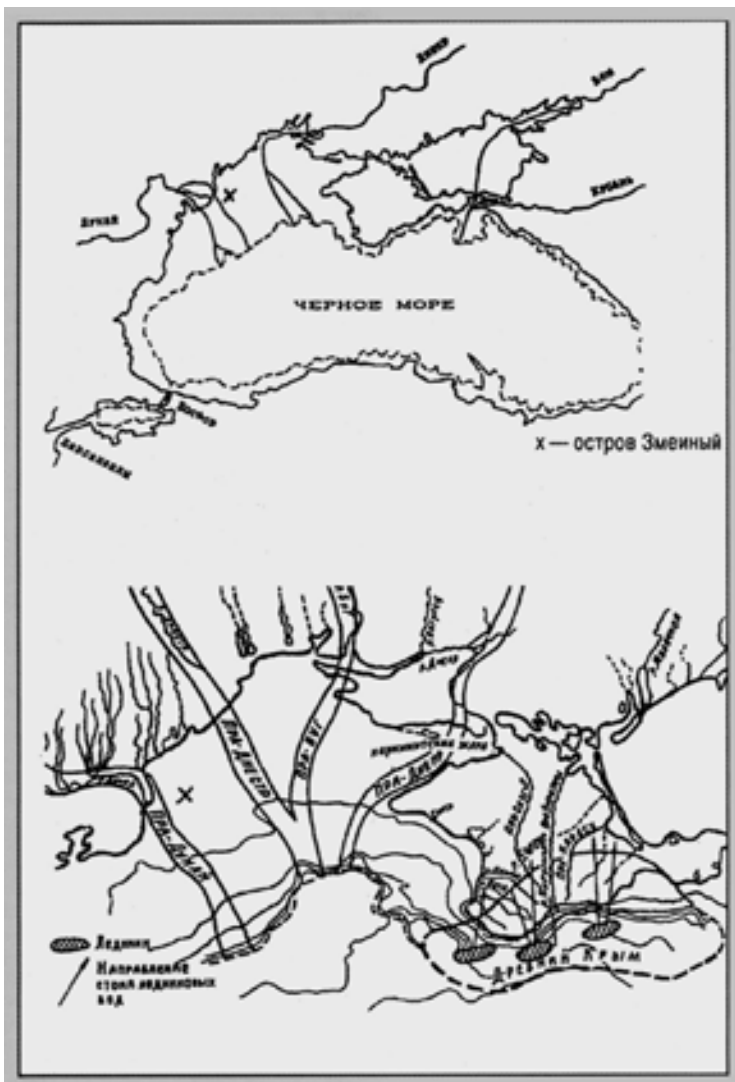
Иллюстрации
к главе 2. ТЕОРИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОТОПА
И МИГРАЦИИ ИНДОИРАНСКИХ НАРОДОВ,
или ОТ МЕРИДИОНАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ
К ШИРОТНОМУ

Клавдий Птолемей. Европейская Сарматия. Восьмая карта Европы (1584 г.), изд. Меркатор. Обозначены горы с севера на юг: Гиперборейские (Hurborei montes), Рифейские (Riphei montes), Алаунские (Alanius mons), Карпатские (Carpaty mons), Амадокские (Amadoci montes); алтари Александра и Цезаря; в устье Дона в Азовском море – о-в Алопека (Алопекий).

Черное море. Карты глубин

Древние русла рек на шельфе и пра-Крым

«Окаменелый корабль» на склонах Арарата

Ной выпускает голубя из ковчега.

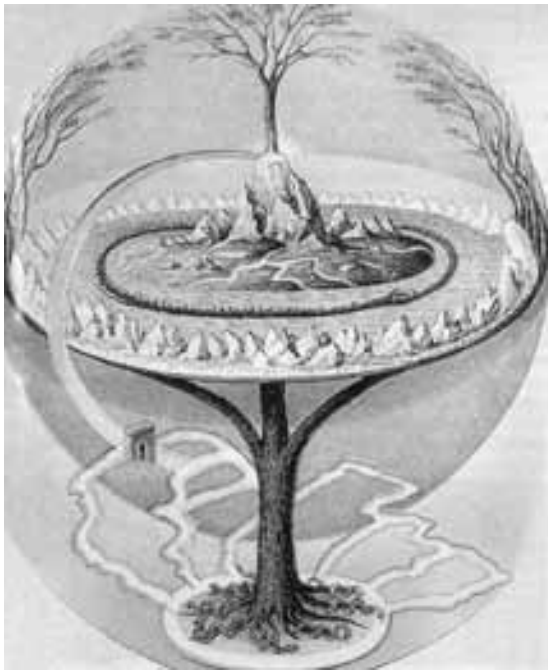
Мозаика

*И.К. Айвазовский. Всемирный потоп.
1864 г. Русский музей, Санкт-Петербург*

*И.К. Айвазовский. Сошествие Ноя с Арарата.
1889 г. Национальная галерея Армении, Ереван*

**Сцена взвешивания сердца
на суде Осириса.**

*Папирус Ани. XIX
династия. Лондон,
Британский музей.*

*На одной чаше весов
лежит сердце умершего,
а на другой — перо богини
истины и справедливости
Маат*

Ясень Иггдрозиль — древо
мировое

*Рогир ван дер Вейден. Страшный суд. 1446–1451.
Алтарь капеллы госпиталя. Фрагмент. Отель-Дье, Бон.
В центре архангел Михаил взвешивает души; праведные – по левую
(от зрителя) сторону, грешники – по правую*

Крым. Жилые пещеры в верхней кромке скальных обрывов

Каменное кольцо, «проушина»

Эски-Кермен. Лесенки.

*Серов В. Похищение Европы. 1910 г.
Государственная Третьяковская Галерея, Москва*

Готторпский глобус. Фрагмент. Кунсткамера, Санкт-Петербург

*Изображения херсонесской богини Девы на монетах.
IV в. до н.э. — первых веков н.э. Прорись.*

*Дева охотница с ланью.
Монета из Херсонеса*

*Справа:
Богиня Дева на монетах*

Монеты с изображением статуи богини, снятой с разных ракурсов

Справа:

Статуя греческой Артемиды – ближайшая аналогия херсонесской Девы, изображенной на монетах. II в. до н.э. Музеи Ватикана

Дева-Артемида с луком в левой руке правой рукой достает стрелу из колчана у нее за спиной. Вазопись

Артемида Таврическая. II–III вв. до н.э. Музеи Ватикана

*Артемида и гигант.
Пергамский алтарь. Берлинский музей*

Артемида кормит лебедя. Лекиф 490 г. до н.э. Государственный Эрмитаж. В образе Девы слились черты греческой Артемиды и более архаичные представления тавров о богине-матери, владычице людей и зверей

Глава 3

САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Атлантические острова — новые прочтения. Символика сакральной географии, или зачем Атланта отправили на Запад? Атланты, Эфиопы, Гипербореи. Допотопные города. Аргонавты и Одиссей на Боспоре Киммерийском. Столпы Геракла и другие как пределы обитаемой земли. Гадес, Эреб, Тартар и Елисейские поля. Странствия киммерийцев.

Потоп на Черном море возвращает нас к новым прочтениям древних текстов. В последние десятилетия, после бесплодных поисков Атлантиды на дне Атлантики, само это название употребляется для обозначения различных затонувших земель. Попытка приложить описание Платона и др. античных авторов к затонувшим черноморским землям предпринималась и в XIX веке. В свете черноморского потопа она обретает новый смысл, и об этом пойдет речь далее.

А как же с «атлантическим» адресом? И здесь наблюдается явление принципиальной, на наш взгляд, важности. Первичная гиперборейская традиция с ее основными символами — мировой осью, меридиональным направлением, короче — вертикалью, сменилась атлантической традицией, ориентированной на горизонтальное, широтное направление. И многие важные реалии сакральной географии оказались переориентированы с севера на запад. На запад отправили странствовать Одиссея, хотя еще в XIX веке и тем более сегодня большинство ученых считает, что ареной ряда его приключений было Черное море. На крайнем западе разместили Столпы Геракла, которые герой поставил как предел своих странствий, а за ними — Атлантиду. Но, следуя этой логике, ее, как и Одиссея, и Геракла, отца скифских царей, следовало бы вернуть обратно. Во всяком случае, возвращение Атлантиды в Черное море есть важное символическое и практическое

восстановление в правах изначальной гиперборейской традиции и роли меридионального направления в сакральной географии.

Источником разнообразных сведений о Черном море допотопных времен стал Египет с его архивами, позднее размещенными в Александрийской библиотеке. Архивариус библиотеки Аполлоний Родосский на основе имевшихся там материалов написал поэму «Аргонавтика», в которой сообщил, что в Черном море находится остров Атлантида: к его берегам пристали аргонавты, плывущие в Колхиду за Золотым руном.

Парадоксально, но адрес Атлантиды — «по ту сторону Геракловых столпов, один из которых стоит на берегу Европы, другой — в Ливии (Африке)» менять не приходится, его лишь следует приурочить к другой местности.

Указание на Ливию послужило основной причиной недоразумения с перенесением Геракловых столпов в Гибралтар. По словам Страбона, это сделали финикийцы, которым оракул велел выслать колонию к пределам обитаемой земли, где когда-то остановился Геракл: для финикийских мореплавателей таким пределом был Гибралтарский пролив. «Оракул приказал жителям г. Тир, — поясняет Страбон, — выслать колонию к столпам Геракла, расположенным на краю мира. Те, кто отправился на поиски, прибыли к горе Кальпа и вообразили, что оба мыса по сторонам пролива и были пределами обитаемой земли, и что здесь должен был остановиться Геракл. Они принесли жертвы, затем вернулись к себе... Потом в западной части там был основан храм Гераклу» (11, 170). От финикийцев традиция перешла к другим народам. Так как с этим связывалось убеждение, что столпы Геракла находились в проливе Гадес, греческие авторы перепутали этот отрывок с традицией, которая связывала их с проливом Боспор близ Еникале. Страбон, находясь в затруднительном положении, подчеркивает, что вопреки утверждениям Дикеарха, Эратосфена и Полибия иберы и ливийцы, живущие у пролива, заявляют, что здесь не существует ничего, похожего на колонны или столпы.

Географическое недоразумение объясняется тем обстоятельством, что, по словам многих авторов, столпы стояли на берегах Европы и Ливии, то есть речь шла об Африке. Но в старых надписях Боспора нередко упоминается о ливийцах и эфиопах. В те отдаленные времена по берегам Черного моря было немало колоний египтян, ливийцев и эфиопов. Предание связывает их появление с походом Озириса-Диониса, которых отождествляли также с фараоном Сезострисом (см. главу «Александрийский меридиан»). Не следует особенно удивляться, встречая упоминания этих народов на Черноморском побережье. Можно вспомнить о Ное и его трех сыновьях, от которых пошли семиты, хамиты и яфетиды: явно они жили поблизости друг от друга. Упоминания о «божественных эфиопах» содержатся в Илиаде. Колхиду считали египетской колонией: об этом подробно пишет Геродот; он также упоминает, что *ливийцы, живущие близ Меотиды*, приносят жертвы Минерве, Тритону и Нептуну. Это африканское население состояло, несомненно, из потомков египетской колонии, обосновавшейся здесь в отдаленную эпоху. Сверх того, северный Кавказ, по словам Паллафата, называли Ливией, «*Ливией выше Колхов*»¹. Таким образом, восточный берег Боспора носил название Ливии, а западный, занятый скифами, — Европы. Другие детали дополняют эти указания. Так, Скилакс говорит, что Ливия — это полуостров (Таманский?) и что между проливом Геракловых столпов и мысом Гермеум находится большой залив, в середине которого расположен город Понтиум на берегу большого озера, поросшего тростником и кипарисами.

Но вернемся к черноморской Атлантиде. Прокл в своем комментарии к «Тимею» Платона приводит более точные подробности: «Было семь Атлантических островов, из них два посвящены Прозерпине, три — Плутону, и один — Аммону. Седьмой, в центре, имеет тысячу стадий и принадлежит Нептуну». Архипелаг состоял из семи островов: четыре малых со временем образовали Таман-

ский полуостров, два больших — Керченский и Крымский. Перед проливом Еникале в Азовском море в доисторические времена располагался седьмой остров, погрузившийся на дно морское. Есть основания думать, что остатки его — Арабатская стрелка и Сиваш, Гнилое море, ставшее несудоходным из-за грязи, которую оставил осевший остров. Глубина его — от 3 до 1 м, остров занимал почти половину Азовского моря. «Кто следует прямо через Киммерийский Боспор, — пишет Присциан Грамматик, — тому представится на правой стороне обширной Меотиды стоящий тяжелой громадой остров Алопекия; за ним некогда населили Фенагору (Фанагорию) и Гермонассу потомки славного племени ионян»². Сохранилось немало упоминаний об острове с таким названием; его продолжали помещать и на переизданных картах Птолемея. Вероятно, причиной гибели его стал подводный вулкан. Вулканическая деятельность здесь продолжается вплоть до сегодняшнего дня в виде грязевых вулканов.

Паллас, наблюдая один из грязевых вулканов на Таманском полуострове, с удивлением увидел в грязевом кратере обломки керамики и ваз, принадлежащих глубокой древности. Он предположил, что вулкан проложил себе путь через какую-либо древнюю гробницу; однако вещество, выбрасываемое подземными газами на поверхность, идет из больших глубин. Так, Везувий выбрасывает вместе с лавой потоки воды, содержащие водоросли, раковины и рыбу, что доказывает сообщение жерла вулкана с морскими глубинами. Дюбуа де Монпере рассказывает о появлении и исчезновении целых островов на юге Азовского моря в 1799 и 1814 годах.

Прокл отмечает также, что отсюда легко перейти на твердую землю, которая расположена поблизости. Скилакс, Мела, и др. согласно утверждают, что столпы Геракла находятся на островах: «Острова Гадеса (пролива), — пишет Скилакс, — принадлежат Европе, на одном из них — город. Здесь находятся столпы Геракла; тот, что в Европе — высокий, тот, что в Ливии — пониже; они стоят напротив друг друга». Перед нами еще одно описание пролива,

в котором Европейской стороне противостоит Ливия, причем под ней подразумевается область северного Кавказа, расположенная выше Колхиды. Геродот называет Атлантическим или Эритрейским море, находившееся за пределами Геракловых столпов. Но греки тех времен в Атлантическом океане не плавали. Речь явно идет об Азовском море, в те времена гораздо более обширном и сообщавшемся с морем Каспийским. Не зря же его древнее название Темарунда переведено Плинием как «мать-питательница Черного моря», что подразумевает размеры гораздо более обширные, нежели сегодня.

Античные географы, за редкими исключениями, не посещали сами мест, о которых писали; они ограничивались пересказом древних сообщений, что неоднократно приводило к странным недоразумениям. Их нетрудно объяснить, если предположить, что они использовали сочинения, относящиеся к временам, когда конфигурация земли и моря была иной вследствие чередующихся явлений трансгрессии и регрессии, или же, если наступление моря носило характер катастрофический, — к допотопным или послепотопным временам. Вопрос весьма важный, поскольку речь идет о феномене переориентации с меридионального направления на широтное, о переносе событий с севера на Запад и т.д., то есть о факте, который сами географы, по-видимому, не сознавали. Впрочем, не всегда. Так, Страбон объясняет, почему ранние представления греков о Черном море и связанные с ним предания по мере освоения его берегов оказались перенесены на Запад: «Вообще люди тех времен представляли себе Понтийское море *как бы другим Океаном* и отплывавших туда воображали уехавшими столь же далеко, как и выплывших на большое расстояние за Геракловы столпы; оно считалось наибольшим из наших морей, и поэтому его специально называли “морем” по преимуществу, как Гомера — поэтом. Может быть, вследствие этого *поэт и перенес события из Понта в Океан*, так как это легко могло быть принято слушателями, и благодаря господствовавшему тогда представлению...

Может быть, и одноглазых циклопов поэт перенес из рассказов о Скифии: говорят, что именно таковы аримаспы, которых вывел Аристей Проконнеский в “Аримаспее” (1,2,9).

Проясним смысл слова Гадес, откуда произошло название Кадикс, как и эпитет *гадирические*, относимый поэтами к столпам Геракла (Пиндар). На пуническом языке *гадес* означает пролив. *Гад* имело смысл входа, узкого прохода – ущелья или морского пролива. Мы находим его в слове *Каттаро* (гавань в Иллирии); *Каттегат* – пролив); *Энгаддин* (дефиле в Альпах); *Энгадди* (ущелье в горах Иудеи). От первоначального *гад* произошли *Gatt* – дверь по-немецки, *gate* – дверь, ворота по-английски. Таким образом, слово *гадес* некогда прилагалось ко всем узким проходам.

Впрочем, термин этот у латинских географов, как более поздних, относился, как правило, именно к Гибралтару. Тем более удивительно читать у Плиния Старшего такую странную фразу: «Миновав Рифейские горы (Кавказ), сворачивают налево и, плывя по Северному Океану, прибывают в Гадес» (Плиний, I, IV, гл. 13). В этом регионе существует только один пролив, ведущий из Боспора Киммерийского в Азовское море.

Дамаст считает ширину пролива между Геракловыми столпами в 7 стадий; Скилакс – что Гадес по ширине не отличается от Босфора Фракийского: все это относится к самому узкому месту на Боспоре близ Еникале, где ширина – 2–3 км. Но это существенно отличается от размеров пролива между Испанией и Африкой, ширина которого – 14 км в самом узком месте.

Атланты, Эфиопы, Гипербореи

Один из островов в проливе Гадес – Эрифия. Дионисий Перизет так описывает этот остров: «Эфиопы, благородные сердцем, долго живущие, населяют остров Эрифия, богатый быками, расположенный близ Атлантики; перед ним выступает мыс Европы, который называют Священным мысом» (Дионисий Перизет,

558, 570.) Авиен помещает его в 5 стадиях от континента: «Там виден храм Венеры, пещера и оракул. Там находятся столпы Геракла». В другом месте этот же автор пишет: «Эрифия или Гадес – это гористый остров близ моря Атлантов» (Авиен, 740, 416). Климент Александрийский также упоминает «Эрифию атлантов». Страбон считает, что эта Эрифия была тем местом, откуда Геракл увел быков (или коров) Гериона³. На Гибралтаре такого острова нет. Посмотрим, нет ли такого острова на Боспоре. Но именно об этом сообщает нам почтенный Геродот, причем в таких ясных выражениях, что не остается места сомнениям:

«... живущие на Понте эллины повествуют так: Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну, которую теперь населяют скифы и которая тогда еще не была населена. Герион, по словам эллинов, живет вне Понта на острове, который эллины называют Эритий (Эрифия) и который лежит близ Гадеса за Геракловыми столбами на Океане. Относительно Океана они на словах говорят, что он, начинаясь с востока, обтекает всю землю, но на деле доказать этого не могут. Оттуда прибыл-де Геракл в страну, называемую ныне Скифией; и так как его застигла вьюга и мороз, то он закутался в львиную шкуру и заснул, а в это время его лошади каким-то чудом на пастбище исчезли из-под ярма. Проснувшись, Геракл стал искать их, и, исходив всю землю, пришел, наконец, в так наз. Полесье; тут он нашел в пещере смешанной породы существо, полудеву и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя – змеиная. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь заблудившихся кобылиц»⁴. (Далее следует рассказ о рождении от союза Змееды и Геракла трех скифских царей, который мы здесь опускаем.)

Страбон и другие авторы в своих описаниях Боспора Киммерийского согласно помещают на оконечности северо-восточного мыса Керченского полуострова место под названием *Гераклеум*. Последний, как и прочие античные названия селений и городов

воспроизводились на Птолемеевых картах на протяжении средневековья. Они получили название «Топонимы Птолемея» — сложившиеся к началу нашей эры обозначения географических объектов на территории будущей России и соседних стран. Они отражают традицию, сложившуюся со времен Геродота, но отчасти наследуют традиции времен шумеров и ранних египтян (ВДИ, 1947—194. Указатель 1950 г.). Опираясь на авторитет Птолемея, средневековые картографы вплоть до XVI века традиционно воспроизводили объекты, некогда реальные, но давно ставшие анахронизмами. Так, помечались Александровы алтари (63—57 градусов), Кесаревы алтари (68—56 градусов) как память о походах Александра Македонского или его легендарных предшественников. Примерно на этой широте располагались Гиперборейские и, как их продолжение, Рифейские горы. В Азовском море, в устье Танаиса (или пра-Дона) неизменно располагался остров Алопекия.

На месте Гераклеума либо имелся городок, основанный греками Гераклеи, прибывшими вместе с милетянами, либо этот мыс рассматривался как священный задолго до этой эпохи (псевдо-Орфей называет его *Священный мыс*). Ясно лишь, что это было место, посвященное Гераклу. Вот как Авиен Руф описывает его: «Есть два острова, где находятся храмы и алтари, посвященные Гераклу. Море там очень мелкое и тина, окружающая берег, мешает тяжело нагруженным кораблям приближаться к нему. Мореплаватели, желающие посетить храм, должны вначале причалить к острову Луны и там разгрузить свой корабль, прежде чем снова пуститься в море без груза»⁵. Именно это говорит Платон о море, ставшем несудоходным по причине грязи, которую оставил осевший остров. Такое описание вполне подходит к Сивашу. Мы завершим серию свидетельств античных авторов фрагментом поэмы «Аргонавтика».

Аргонавты, похитившие Золотое руно, желая избежать преследования Ээта, возвращаются не прежним путем, через Босфор фракийский, а направляются к северу Эвксина, и, пройдя пролив,

оказываются в «Океане Крона или Сатурна». Плиний поясняет, что океан Крона или Сатурна — это Азовское море, гораздо более обширное и соединявшееся с «рекой Океаном». Избирая этот маршрут, они руководствуются сведениями, хранящимися в Колхиде, то есть у потомков Египтян.

Эйя стоит и теперь еще твердо, и внуки живут в ней
Тех мужей, коих он (Сезострис ?) насадил поселенцами Эйи,
И хранят они от отцов столбы с письменами,
А на столбах начертаны тех пути и пределы
Моря и суши, пути для всех, кто вокруг света ездит⁶.

Колхи Эйи — потомки египтян — унаследовали от предков карты земных и морских путей, начертанные на каменных плитах. Согласно им река Истр (Дунай) расходится на два рукава, один из них впадает в Черное море, другой — в Тринакрийское (Адриатическое). Избрав этот путь, аргонавты оказываются поблизости от родных берегов. Но тут их настигает ураган, носит по морю девять дней и ночей и забрасывает на некую отмель, откуда кораблю нет выхода. Аполлоний размещает ее у берегов Африки — это заливы большой и малый Сирт с песчаными берегами, где песчаные бури порой засыпали людей и суда. Но это могли быть и отмели Азовского моря и Сиваша, к чему склоняет последующее описание. «Мель там всюду...по зарослям тихо колышется пена морская... Топкое море кругом. Вода, в него проникая, снова и снова вбирается здесь песками седыми... Влага плыть не дает и только мутится, чуть землю скрывая». Описание мало похоже на песчаные бури. Но зато сильно напоминает слова Платона о том, что кораблям там невозможно плавать из-за грязи, которую оставил осевший остров (Атлантида). О Боспорском адресе говорит то знаменательное обстоятельство, что где-то поблизости находится волшебный сад дочерей Атланта — Гесперид. Местные божества указывают аргонавтам выход; они несут свой корабль на плечах, утопая в пе-

ске, и наконец приходят до глубокой воды. После спуска на воду корабля они отправляются на поиски источника и попадают в сад Гесперид (ст. 1390 и сл.). Оказывается, здесь, незадолго до их появления побывал Геракл, которого Атлант попросил подержать небесный свод, покуда он принесет золотые яблоки.

Центр земли, где проходит мировая ось, или рай, не слишком отличался от библейского описания. Дерево мировое, оно же ось, вокруг него обвился змей-дракон, охраняющий сокровище: в библии — плоды познания, у греков — золотое руно, также символизирующее знание. Именно таково изображение на кратере из Апулии «Аргонавты и дракон, охраняющий Золотое руно», находящемся в Эрмитаже. В центре — дерево, вокруг которого обвился дракон (змей) — страж золотого руна, висящего на ветке. Над ним крылатый юноша — один из сыновей Борея (бореад) Калаис. Справа Медея держит шкатулку с волшебными зельями. Внизу слева атакует дракона Ясон, справа замахнулся палицей Геракл.

Сад Гесперид, дочерей титана Атланта, помещали различно — от страны гипербореев до крайнего Запада. Аполлоний разместил их неподалеку от Нила, на полпути до крайней точки — Геракловых столпов в районе Гибралтара. Однако он знал различные версии мифа и, видимо, поэтому включил миф о Геракле и Атланте, место действия которого — на Севере, а не на Западе, как указывает Аполлодор.

Диодор описывает народ Атлантов, достигших высокого уровня цивилизованности, когда на них напали амазонки, жившие по соседству, на острове Керон-несс — Керченском, по имени главного города Керон — отсюда Керчь. Они захватили их город Керкен на острове Этерия; такое название носит залив у Перекопа — Керкенида. На острове, посвященном Аммону и погибшем в Азовском море, проживал «народ почитателей неба, «небесное племя», *Etheria gens* по Плинию. Малый остаток спасшихся смешался с эфиопами соседних земель. Это объясняет слова Плиния: «Этерийцы вначале носили имя атлантов, потом назывались эфиопами».

В мифической и исторической традиции Греции под именем Гипербореев упоминается народ, современный Атлантам, который смешался с ними, пережил их и продолжил свое существование вплоть до исторических времен; сохранились упоминания о том, что он поддерживал отношения с эллинами после того, как они обосновались в Эгеиде и в Пелопоннесе. Сохраняя память о северной прародине гипербореев, все античные авторы к этому времени (до и после Черноморского потопа) размещают их в Скифии, в Северном Причерноморье. Страбон отмечает, что историки называют скифами все северные народы, но что древнейшие из них допускают различия. Так, скифы за Каспием называются даи, или саки, а те, кто живет над Эвксином, Истром и Адриатикой, зовутся гипербореями, савроматами и аримаспами.

Многочисленные связи греков с гипербореями указывают, что истоки их сакральных традиций — на Севере. От Пиндара узнаем, что венок из листьев оливы, которым увенчивали победителя на олимпийских играх, происходит из страны гипербореев, равно как и Додонский оракул. Согласно Павсанию, Дельфийский оракул основали гипербореи Пагасий и Агией. Различные авторы называли жителей Дельф потомками гипербореев. Жрецы Аполлона избирались из потомков семьи Девкалиона, царя Скифии. Характерная черта гипербореев — способность предсказывать будущее. Они называли себя потомками древних титанов. Периэтет добавляет, что гипербореи жили в «Эрифии атлантов». Завершает эти наблюдения замечание Геродота. Когда Камбиз вторгся в Египет, он отправил из Фив войска против народа Аммона (бог египтян Ра под именем Аммон-Ра стал служить обозначением верховного бога эллинистического мира) с приказом сжечь храм, где Юпитер Аммон давал свои пророчества. По-гречески оазис назывался «острова блаженных». Но назвать островом местность в Ливийской пустыне — явное недоразумение. Здесь, вероятно, подразумевается оракул Аммона на «островах блаженных», расположенных в Понте Эвксинском

(Fest Avienus, 720. — *Perieget Dionys.*, v.560). Диодор цитирует Эвгемера, который описывает некий остров, сильно напоминающий один из островов Меотиды: «Остров Панхайя священен. В нем только 200 стадий. Его обитатели, Бореады проводят жизнь, воздавая хвалу богам. Некогда там царил Аммон. У них в великолепном храме можно было видеть надписи священными египетскими иероглифами, в которых Гермесом была рассказана история Урана, Юпитера, Солнца и Луны»⁷. Из этих слов следует, что оракул Аммона в ливийской пустыне являлся преемником святилища, некогда учрежденного Бореадами (дети Борея) или Гипербореями на одном из островов в районе пролива Киммерийского, менявшего свои очертания.

Гипербореи были современниками эры олимпийских богов. Алкей в гимне Аполлону рассказывает, что Зевс отправил этого бога в колеснице, запряженной лебедями, в Дельфы, чтобы основать там оракул и учредить закон и правосудие, но Аполлон вначале отправился к своим дорогим гипербореям, где оставался целый год. Богу так нравилось гостить у них, что от весеннего равноденствия до восхода Плеяд он предавался вместе с ними танцам и играм. После жатвы он возвращался в Дельфы, нагруженный снопами, посылаемыми Гипербореями.

В изображении Гомера боги-олимпийцы, сам Зевс полны почтения к благочестивым гипербореям, упоминаемым под именем эфиопов. О них идет речь в словах богини Фетиды, обращенных к ее сыну Ахиллу: «Я сама отправлюсь на снежный Олимп молить громовержца; но до тех пор не пытайся выходить на битву, ибо Зевс вчера со всеми богами ушел на большой пир к добродетельным Эфиопам, живущим близ Океана и лишь через двенадцать дней возвратится на Олимп»⁸.

Имя народа, «любимого богами», сохранялось вплоть до христианской эры. Разрыв с тысячелетним прошлым знаменуется фактом, что в «Деяниях апостолов» в последний раз упоминается слово «Эфиопия», отнесенное к Колхиде.

Допотопные города

У античных авторов можно встретить не только рассказы о потопе, но и упоминания о городах, существовавших до потопа. Аполлоний Родосский в поэме «Аргонавтика», повествуя о походе «некоего мужа» – Осириса-Диониса, отмечает, что

... при этом обходе *без счета*
Он городов населил, из коих одни существуют,
Нет уж других, ибо много веков с той поры миновало⁹.

Афины – главный город местности Аттика; но допотопные Афины находились в другой земле, называемой Акта, и множество подробностей склоняют думать, что это была Таврида. По крайней мере здесь упоминается город Афинеон в районе Судака. И здесь особого внимания требуют так называемые «ошибки», а точнее – географические анахронизмы, содержащие ценные сведения о состоянии вещей в прадавние времена. Особенно богата ими «Библиотека» Диодора Сицилийского, представляющая собой едва ли не самую богатую компиляцию из не дошедших до нас сочинений.

Миф называет и допотопного первоцаря – Кекропса. «Кекропс был автохтоном (туземцем, первопоселенцем) с телом человека и дракона (вспомним змееногих гигантов в борьбе с поколением богов-олимпийцев, изваянных на стенах Пергамского алтаря). Он стал первым царем в Аттике, прежде называвшейся Актой. Потом произошел потоп, связанный с именем Девкалиона. После потопа земля была названа в честь его дочери Аттиды»¹⁰.

Эти сведения дополняет сообщение Павсания: «Говорят, что первым царем в Аттике был Актей (имя, производное от названия страны – Акты). После смерти Актея власть принял Кекропс, женившийся на дочери Актея. Далее власть принял Кранай... Говорят, что у Краная среди других дочерей была и Аттида, по ее имени

и стали называть эту страну Аттикой, а прежде она называлась Актеей (Побережьем)»¹¹.

Так мы узнаем, что Аттика (точнее, прежнее место обитания предков античных греков) прежде называлась Актой, Актеей. Это название определенным образом связано с Таврикой. Рассказывая о легендарных походах амазонок, Диодор пишет, что они «переправившись через Киммерийский Босфор», совершили поход в Аттику, где захватили *Афины* и основали святилище на высоком холме (не указывает ли это на античное название Судака — Афинеон, и на самую высокую вершину крепости — Кыз-Куле, то есть Девичья башня?). Гелланик Лесбосский говорит, что когда замерз Киммерийский Босфор, они перешли через него, явились в Аттику и после четырехмесячной войны возвратились»¹². Надо ли уточнять, что перейдя Киммерийский Босфор, можно оказаться в «Аттике, прежде называвшейся Актой», то есть в Таврике?

Вероятно, она хорошо была знакома древним в допотопные времена; верная примета — заселение ее мифологическими существами и предками. К глубокой доолимпийской архаике восходят змеиные культы, связанные с поклонением Земле. Змееногим было «буйное племя Гигантов»; змееногим, по образу божеств, представляют и первопредка — первоцаря Кекропса; змееногой была скифская богиня Апи, а также дева Эхидна, сочетавшаяся с Гераклом и породившая от него трех сыновей, один из которых стал родоначальником скифов (согласно Геродоту). Змеиные культы и почитавшие их народы отделяет от эпохи олимпийских богов разрыв преемственности, катастрофа: битва богов и титанов, потоп (и не один). Эта драматическая битва, с участием всех олимпийских богов изображена со всеми подробностями на фризе знаменитого Пергамского алтаря 2 в. до н.э. Гиганты, сыновья Геи и Урана, внушали ужас своим видом — нижняя часть тела у них была змеиной, а некоторые, вдобавок к этому, имели крылья. Согласно Аполлодору, гиганты смертны, и все они пали в битве с олимпийскими богами. Очевидно догреческое происхождение гигантов.

Змееногие существа (автохтоны, землей рожденные) олицетворяют хтонические, плодотворящие, производящие силы земли, природы. Архаическая Скифия дольше сохраняет пережитки древних верований, воспроизводя их на повседневных предметах в качестве оберега. Змееновость скифских божеств стилизуется под завитки растений и в этом виде продолжает воспроизводиться на украшениях – конском уборе, бляшках, нашиваемых на одежду.

Отныне змеиные существа и их культ отодвинуты не только во времени, но и в пространстве – на периферию: в сев. Причерноморье, в Скифию, где царит змееногая богиня, обитают еще женские существа со змеиными волосами (Форкиды, Горгоны и главная из них – Медуза), где в изображениях самой Афины (вспомним знаменитую феодосийскую серьгу) змейки вьются в волосах олимпийской богини. Поэтому не будет чересчур парадоксально звучать предположение, что после потопа предки греков переселились из Акты (то есть Таврики) в Аттику (Грецию), а не просто сменили название страны. Эту гипотезу впервые высказал французский исследователь древностей Причерноморья Моро де Жоннес в XIX веке на основе тщательного изучения источников. За спиной переселенцев остается море – отныне мертвое, загробное, Аксинское (Негостепримное) для жителей Аттики. Змееногий Кекропс, первоцарь-автохтон как будто скопирован со змееногой богини скифов, описанной еще Геродотом и многократно изображенной на вазах и барельефах их поздними потомками – цивилизованными греками времен античности.

Более того, Акта – это имя самой богини Гекаты, египетской Гекте, Хекте, то есть древнейшей ипостаси лунной богини, под чьим покровительством издревле находилась Таврида.

Поразительно, но если обратиться к древнеиндийскому ключу (чего до сих пор в данном конкретном случае не делали), то оказывается, что слово *aktu* на санскрите означает «лунное сияние». Это возвращает нас к изначальному значению – страна под покровительством Лунной богини, выступавшей под разными име-

нами: Геката, Артемида, Ифигения, Орсилоха (Горянка), Дева. Естественно, что по имени страны должны называться и ее обитатели. Самым древним и известным, вероятно, следует считать имя мифологического героя Актеона – дерзкого охотника, увидевшего Артемиду во время купания и затравленного за это собаками по велению богини. По смыслу Актеон – житель страны Акта; среди народов горных областей Кавказа, где можно обнаружить немало архаики, сохранились самоназвания «Акта», «Актин», «актинцы», относящиеся к лезгинам к юго-западу от Каспия, «аквак» – авары. Слово «Актио» выгравировано на монетах с изображением таврской богини Девы¹³. Этот корень звучит и в средневековом названии селения по соседству с Херсонесом (на месте нынешнего Севастополя) – Актиар. В этом же ряду стоит упоминание: «Актей – гора в Скифии»¹⁴. По характеру оно аналогично неоднократно встречающимся уточнениям античных авторов относительно горного Крыма: это «скифский Тавр», отличающийся от малоазийского Тавра. Любопытно, как с угасанием античных городов-колоний и их античных названий на поверхность вновь проступает доантичная архаика, прежде всего в языке и названиях, восходящих к местной таврской топонимике.

Афиняне называли себя пеласги краиаи (в память о царе Краиае). По утверждению Платона, они происходили от одного из племен, спасшихся от потопления Атлантиды. Если их предки обитали в Тавриде, то речь идет о Черноморском потоке. Один из ученейших отцов церкви Евсевий Кесарийский приводит сообщение автора, труды которого утрачены: «Предки афинян испытывали гнев Божий, который поразил их ужасным потопом с бурей и градом. Тогда они вместе с другими народами были частью колонии египтян» (Eusebe, preparation evangelica 1, 10). Цитируемый отрывок принадлежит Феопомпу, автору трактата «О Трикарене». Именно так называет Палефат остров, где царствовал Герийон; Геродот, в свою очередь, называет его Эрифия, помещая в Черном море близ столпов Геракла.

По словам Платона, Афины были построены за 1000 лет до Сиса, города в египетской дельте, а этот последний был построен царями-пастухами – гиксосами во 2 тысячелетии до н.э. Таким образом, речь идет не об Афинах в Греции. Название Афины – в греческой огласовке – Атена, Athena – не редкость на берегах Эвксина. На кавказском берегу и донныне можно найти на карте город Атени, то же и на болгарском. А в Тавриде встречаем город Афинеон, приуроченный к Сурожу, Сугдее, Судаку, к величественной Девичьей горе, овеянной легендой о царице Феодоре, героине-защитнице города. Целое скопление признаков, возводящих его к царству Девы, вооруженных богинь, амазонок!

Сурож – древнерусское название города, известного под названием Судак, Сугдея, Солдайя. Расшифровки последнего возводят это название к народу согдов, известных по названию Согдианы в Средней Азии. Эта цепочка названий указывает на скифский, иранский след. Но название Сурож к нему не восходит, с ним никак не связано. Русь вела издревле активную торговлю с Сурожем и, видимо, унаследовала другое древнее название. Более того, согласно старинным картам Сурож повторялся не один раз на северном Кавказе и в северном Причерноморье. На основании изложенного выше материала мы уже готовы к тому, чтобы обнаружить в качестве предшествующего иранскому названию древнеиндийское. Так и есть – Сур, Сурья – это Солнце. И здесь замечательное подтверждение дает Влесова книга: «Разбита была Русь греками и римлянами и пошли по морскому берегу до Сурожа, а тамо утвори Суренж край, бо тен есе сурен», то есть солнечный! Из дальнейшего видно, что речь идет о «Сурожской Руси», жившей в окрестностях¹⁵. Сам город, судя по названию, гораздо древнее.

Название «Солнечный город» и «Солнечная страна» – относятся к древнейшим сакральным названиям. Согласно древней традиции, главный город страны блаженных гипербореев на далеком острове назывался Гелиополис – город Солнца, в честь которого был назван город в Египте, известный также под именем Он;

продолжением традиции является идеальный «Город Солнца» в утопии Кампанеллы. «Всякий вторичный духовный центр является как бы образом высшего и первоначального центра, — пишет Рене Генон. — Последовательные переносы этих названий — и еще многих других было бы чрезвычайно интересно исследовать как в плане основания вторичных духовных центров в различные периоды, так и в плане тесной связи последнего со становлением самих языков, предназначенных служить “носителями” соответствующих традиционных форм»¹⁶. Отметим, что Сирия и Ассирия сохранили в своих названиях этот древнейший санскритский корень Сур, Сурья; Плиний старший упоминает (по соседству со знаменитым благодаря походу аргонавтов, но в его время уже не существовавшим городом Эйя, Эя) город Суриум на реке Суриус — притоке реки Фазис¹⁷. Итак, Солнечный город и Солнечная страна — это звено, указующее на преемственность с древними сакральными центрами.

Во «Влесовой книге» Суренж написан в его носовом произношении; Юс большой в древнерусском языке присутствовал как указание на носовое произношение, позднее утраченное, но сохраненное в польском языке. Это носовое произношение сохранено в других вариантах этого названия. Оно приводит нас к версии Суррент, Сорренто, также встречающееся неоднократно. О том, что речь идет о вариантах одного и того же названия, свидетельствует то, что в Четьях-Минях XVII века Сурож превращен в Суррент и Стефан Сурожский назван Суррентийским¹⁸. Суррент на Южном побережье Черного моря на средневековых картах превращается в Сорентион, переключаясь с названием области, в которой расположена Сормена близ Трапезунда.

Страбон пишет о городах до потопа, существовавших во времена Кекропса — Афины, Элевзис и Оигигия, которые были разрушены водами. Это повело к многочисленным миграциям, в ходе которых население уносило с собой названия прежних городов и селений и забывало о прежних местах обитания.

Кекропс, гласит легенда, был египетским царем, который, прибыв в страну Акте, построил город-крепость. Его имя стран-ным образом идентично имени народа *кекрофас*, который псевдо-Орфей помещает в Приазовье неподалеку от тавров. Этот вождь женился на Агравле, *дочери Акте*, другим словом, на царице-амазонке. Местное население признало его власть и разумность установленных им порядков. Акта, Актея, Орифия, Эрифия – названия-синонимы прекрасного побережья. Название Акте может быть возведено к Хекте, египетскому имени Изиды или Луны, из которого мифографы сделали Гекату, ночную богиню колдовства. «Весь край, вся белая скифская раса находились под покровительством Луны, как красная египетская раса – под покровительством Солнца. Примечательно, что слог Акте не исчез: его можно услышать в названии Актиар – селении, на месте которого возник Севастополь»¹⁹, размышляет Моро де Жоннес.

Среди древнейших племен Боспора были Асы. На одной из надписей находим: «Перисад, царь Асов, Меотов и Фатеев». Кре-пость Кекропса называлась *Асту* и была посвящена Крону-Са-турну. Египетское имя последнего – *Сев* или *Себ*. Название **Себа-сту** носили несколько древних городов. Не исключено, что один из них был на месте Севастополя. По Диодору, египтяне горди-лись тем, что афиняне долгое время подчинялись египетским князьям. Одним из них был Эрехтей, и греки обязаны ему посвя-щением в тайны Элевсинских мистерий. Они были посвящены «двум богиням» – Деметре и Персефоне. Их истории посвящена роспись знаменитого в Керчи Склепа Деметры (рубеж 1-х веков до н.э. и н.э. Великая богиня Деметра и ее дочь Персефона, чья благотворная сила дает плодородие земле, были окружены по-читанием, в их честь справлялись пышные празднества, им были посвящены Элевсинские мистерии. Зевс назначил Персефону в жены своему брату, мрачному Аиду, властителю подземного цар-ства, где обитают тени умерших. Однажды дочь Деметры гуляла с подругами по цветущему лугу, как вдруг разверзлась земля, поя-

вился Аид на золотой колеснице, запряженной черными конями, схватил Персефону и исчез с нею в глубинах подземного царства. Деметра услышала крик дочери, стала всюду искать ее, но никто не видел, куда она подевалась. Тогда богиня погрузилась в скорбь, а вместе с нею перестала плодоносить земля, наступил голод. Тогда в подземное царство был послан Гермес, передающий волю Зевса – Аид должен был отпустить Персефону, пусть две трети года она живет на земле с матерью, а одну треть проводит в царстве Аида. Сцены в Аиде – нередкий сюжет вазописи. Печальная Персефона подносит фиал Аиду, который держит в руке рог изобилия. Он не случайно именуется также Плутоном от слова «Плутос» – богатство, так как владеет всеми скрытыми в земле сокровищами. Есть и более подробные изображения жизни в подземном царстве, такова ваза из Апулии 4 в. до н.э. Роспись построена как театральная сцена со многими действующими лицами. Внизу Геракл укрощает трехглавого стража преисподней – пса Керберы. Вокруг – герои, побывавшие в Аиде живыми – Орфей, Тезей, Сизиф, Тантал и др. Об Элевсинских мистериях рассказывают и сцены, когда в обществе обеих богинь появляется царевич Триптолем. Обретя дочь, счастливая Деметра наделяет людей дарами земледелия. На чудесной колеснице, запряженной крылатыми змеями, Триптолем по повелению Деметры облетел все страны и всюду научил людей земледелию.

Триптолем с пучком колосьев на крылатой колеснице, порой в обществе Деметры с факелом и колосьями, порой – Персефоны с факелом и кувшином, из которого она наливает в чашу вино Триптолему. (Археологический музей, 4 в. до н.э.) Чтобы подчеркнуть разницу между старшей и младшей богинями, нередко прибегали к следующему приему: Деметра сидит, голова ее увенчана калафом; Персефона стоит. Обе обычно держат факелы. Участники мистерий также обычно с факелами в руках.

О распространенности мистерий в Пантикапее в античное время свидетельствует множество сакральных ваз, помещавшихся

в погребения: их роспись воспроизводила сцены мистерий, истолкование которых дано в труде Дюбуа де Монпере²⁰. Не находился ли упомянутый Страбоном допотопный Элевзис на месте Пантикапея? Афиняне восприняли от египтян обычай клясться Изидой. Согласно Геродоту, пеласги узнали от египтян имена 12 главных богов и 12 народов признавали тождественность большинства из них с теми, кого они почитали: Пан — Кем; Гефест — Птах; Гермес — Тот, Деметра — Изида, Аполлон — Гор; Афина — Нейт; Артемида Геката — Изида Хекте; Дионис — Озирис и т.д.

Огигия — остров, который посетил Одиссей. Покинув жилище Цирцеи на острове Эйя в Колхиде, он отправился в Гадес (пролив и острова, посвященные Аиду) поблизости от Океана и страны киммерийцев. Затем буря забросила его на остров Огигию, где жила Калипсо. Приблизившись, он увидел грот и сидящую там богиню, которая пряла на золотом веретене; «там виден грот нимф» (П. Мела). Гомер описывает «грот нимф» и называет Калипсо хитроумной дочерью Атланта. Не хранится ли память об этом месте в названии городка Нимфей близ Пантикапея? Второе название его — Диа, Дия (богиня Дева?), намекает, что основание его, вероятно, восходит к временам амазонок

Феодосия — название, данное древними греками и означавшее «Богоданная»; однако дошло и ее более древнее местное имя — Ардава, «Город семи богов» (не напоминает ли оно, как и семихолмие древних столиц (Рим, Константинополь, Москва), о Семизвездье Большой Медведицы?), вероятно, данное ираноязычными народами. Эти имена канули в вечность, и тогда-то на поверхность всплыло ее самое древнее, допотопное имя — *Кафа, Кефе, Каффа*: оно продолжало жить среди местного населения, и когда в XIII—XIV веках сюда явились генуэзцы, то застали здесь селение, которое местные рыбаки, ничего не помнившие о древнегреческой Феодосии, ни о еще более древней Ардаве, продолжали называть Кафой.

Древность города засвидетельствовал Плиний старший, упомянувший, что этот город существовал до потопа. Равнины счи-

тают, что праотец Ной жил в Кафе и что именно оттуда отплыл он в ковчеге. Еще в I веке исследователи отметили идентичность этого слова египетскому — *куфа*, *копты* — так называют современных потомков египтян. Таким образом, это имя восходит к временам египетской колонизации Причерноморья.

Автору этих строк удалось обнаружить редкое имя *Каффа* в неожиданном месте — в верховьях Нила. К востоку от Белого Нила австрийский путешественник Фридрих Бибер в конце XIX века обнаружил и описал Богом забытое архаичное царство, хранившее обычаи глубокой древности; изучение продолжил его сын Отто, издавший книгу. В своем описании он привел карту с местной топоимикой, очевидно, идентичной названиям племен. Было отчего ахнуть от изумления: это были названия хорошо известных, но очень древних народов: *Гофа* (Готфы, готы), *Гимирри* (Киммерийцы), *Шуро* (Ашшур, Ассирия), *Дауро* (Таврия, Даурия, страна Дори), *Гера* (Герры в Скифии, по Геродоту), город царских гробниц *Шоша* (Сосы, Сузы) и т.п... Все это созвездие племен, в то или иное время населявших Причерноморье, объединялось названием царства — Каффа!²¹ Итак, племена и народы переселялись вдоль Нила, следуя бессознательно, разумеется, направлению Александрийского меридиана! На беду жителей, в царстве произрастал кофе, очень ценный колонизаторами. Туземцы, храбрые воины, беспрекословно повиновавшиеся царю, власть которого почиталась священной, были истреблены. А название царства — Каффа — перешло на растение и напиток, столь любимый в западном мире, — кофе.

Столпы Геракла и другие — пределы обитаемой земли

Возникает вопрос: почему пролив был посвящен Гераклу, а не богу морей? Ведь Геракл — младшее божество, в греческой мифологии он принадлежит к героическому циклу: участвует в экспедиции аргонавтов, сопутствует Тезею. Он моложе двенадцати олимпийских богов. Но миф о Геракле, вначале рассказ

о подвигах героя, постепенно собрал вокруг себя и другие, более древние легенды, в том числе связанные с походами Озириса-Диониса. По словам римского историка Авиена Руфа, царь-путешественник, прибыв на берег Северного Океана, велел воздвигнуть две стелы как пределы своей империи (Авиен, с. 825, 1381). Эти памятники были разрушены землетрясением или наводнением. Согласно очень древней арабской традиции, Сет, сын Адама, воздвиг в стране Сер (Сирия, то есть Солнечная страна) две колонны, одну из камня, другую из кирпича, последняя была разрушена потоком. Возможно, милетские греки познакомились с этой традицией на Боспоре и воздвигли на мысу Еникале храм Гераклу, обожествленному типу своих предков, наследнику славы и деяний египетского обожествленного царя.

Примеру, поданному первым из властителей мира, последовали величайшие азиатские властители от ассирийца Нина до главы татаро-монголов Тимура. Они претендовали подчинить своей власти как можно больше земель и народов. И то обстоятельство, что многие из них стремились довести свои завоевания до «Столпов Геракла» как предела обитаемой земли, косвенно доказывает, что они претендовали сравниться с легендарным египетским монархом Сезострисом. Мегасфен, согласно Плинию, рассказывает, что Навуходоносор, царь халдейский, продвинулся до этого крайнего предела. То же сказано о Теархе-эфиопе. Согласно исследованиям, это царь Тарака, основатель эфиопской династии в Египте, который довел свои победоносные войска до Ливии и Месопотамии. Речь идет о Ливии на Кавказе, где были воздвигнуты стелы путешественника.

Дарий, царь персов, также велел воздвигнуть на берегах Фракийского Босфора две колонны, где были высечены имена народов его армии — греческими буквами и ассирийской клинописью. Наконец, Александр Македонский, поставивший целью пройти по следам Озириса-Диониса и вынужденный вернуться из-за ропота войска, велел воздвигнуть на берегах Инда 12 каменных ал-

тарей, посвященных богам. Доказательством этого древнейшего верования, помимо легенд, служат Птолемеевы карты: на них еще в XV веке продолжали воспроизводить пару колонн и алтари.

У Аммиана Марцелина есть упоминание об алтарях Александра на реке Борисфен (Днепр). Присутствует оно и у Макробия: их поставил полководец и наместник Александра Зопирион, который во время похода против европейских скифов дошел до Ольвии (в устье Днепра), но был отброшен от города и погиб.

Следуя античным традициям землеописания, средневековые картографы считали необходимым обозначить границу цивилизованного мира — края ойкумены — алтарями и колоннами (столпами). Колонны и алтари на границе со Скифией-Тартарией-Сарматией — это своего рода пограничные столбы, обозначавшие пределы цивилизованного мира; их воздвигали Озирис-Дионис, Геракл, царица Семирамида, цари Ксеркс и Дарий, Александр Македонский и Юлий Цезарь. С именем Александра связано наибольшее их число: две колонны — на востоке, три алтаря — на севере и три алтаря — на юге.

Александровские Столбы. На географических картах, созданных во втором веке нашей эры александрийским астрономом Клавдием Птолемеем, Северный Кавказ значитсся как «Азиатская Сарматия». На ней отмечены две колонны, называемые «Александровы Столпы». Из античных письменных источников можно узнать, что Александр во время своего завоевательного похода действительно воздвиг на одном из холмов два колоссальных камня. Легенда гласит, что он хотел добраться до полярных областей и побывать в полуночной стране гипербореев, где, как утверждал его учитель Аристотель, полгода стоит ночь, а в другую половину года царит лучезарный Аполлон. Но македонская армия была не в силах идти так далеко из-за непривычных для нее морозов, снегопадов и порывистого ветра. Александр направил войско на юг, к Индии, отметив крайний предел своего северного продвижения

и установив в этом месте каменные колонны. Если сопоставить координаты Птолемеевой карты с современными, то оказывается, что Александровы столпы должны находиться где-то на территории нынешнего Ставрополя. Здесь, на высоком холме близ села Александровского стоят столбы из желтого песчаника. Высота каждого из столбов 6 метров, а окружность в нижней части 10–12 метров. Они столь огромны, что люди воспринимают их как нечто из ряда вон выходящее, а исследователи до сих пор не прекращают спорить об их естественном или же искусственном происхождении. Сам холм вплоть до конца девятнадцатого столетия назывался горой Северной. Местные краеведы связывают с ними далекие отзвуки сказаний об Александре Великом, отметившем крайние северные пределы своего похода громадными каменными колоннами. Отметим, что Александр, избравший образцом Озириса-Диониса и сам ставший средоточием древних легенд, в этом плане идентичен Гераклу, как землепроходцу, воздвигавшему «пограничные столбы» обитаемого мира²².

«Столпы Геркулеса» в ратуше, Севилья. В 1492 году король Фердинанд II Арагонский принял символ «Столпы Геркулеса», обвитые лентой с латинской фразой *Non Plus Ultra*, означающей «не дальше». Это означало «здесь конец известной земли». Но когда Христофор Колумб открыл Америку, надпись была изменена на «*Plus Ultra*» – «Дальше». Около 2,5 тыс. лет тому назад знаменитый философ и ученый Платон, давая сведения об Атлантиде, упоминал (как ориентир) Геркулесовы столбы, за которыми находилась Атлантида. Стало традицией считать Геркулесовыми столбами скалы, расположенные по обеим сторонам Гибралтарского пролива. Однако они имеют высоту до 426 метров над уровнем моря и ничуть не напоминают столбы. Помимо этого по поводу местоположения Геркулесовых столпов есть вопросы. Действительно ли имеют они отношение к берегам нынешнего Гибралтарского пролива? Или это еще одно географическое недоразумение? Известно ведь, что герой древнегреческих мифов Геракл почти все

свои подвиги совершал на Пелопоннесе и в Скифии. Древние сказители, рассказывавшие о подвигах Геракла задолго до Платона, в то время могли и не знать дальних морей-океанов. Лишь по мере расселения греков на запад мифы приурочивались к новым местам обитания, и Геркулесовы столпы перекочевали на Гибралтар, обозначив новый предел обитаемой земли.

Испанский герб. «Столпы Геркулеса» стали частью герба Карла V, символизируя новые владения Испании в Америке. Символ чеканился на золотых и серебряных монетах: Столпы Геркулеса, обвитые лентой в виде буквы «S», изображались на фоне двух полушарий. Многие считают, что знак доллара — это видоизмененный герб испанской королевской семьи (Лента в виде буквы «S» изображена вертикально, ее пересекают две вертикальные черты, символизирующие Геркулесовы столбы, которыми герой отметил «край света»). Имеется, например, древняя испанская монета, названная «столбовым долларом», на которой изображены две колонны-близнеца и два полушария (Старый и Новый Свет).

В целом же знак был символом морской мощи Испании. Две знаменитые башни Центра мировой торговли в Нью-Йорке означали для многих две вертикальные линии в знаке доллара, наступление нового американского века, Pax Americana. Есть предположение, что именно поэтому они были избраны главной целью атаки террористов Аль Каиды 11 сентября 2011 года.

*Еще о символике сакральной географии,
или зачем Атланта отправили на Запад?*

В заключение поясним, почему острова в Боспорском проливе, упоминаемые античными географами, назывались Атлантическими. Здесь ясно прочитывается символика сакральной географии. Семь островов идентичны семи холмам священных городов Урука, Рима, Константинополя, Москвы, да и многих городов древности и Средневековья: это уподобление семизвездью

Большой Медведицы. Оно, в свою очередь, ориентирует нас на Полярную звезду и на вертикаль мировой оси, то есть указывает на гиперборейскую традицию во всей ее первозданности. Хранителем или олицетворением мировой оси являлся титан Атлант. Аполлодор, автор «Мифологической библиотеки», предостерегал от искажений в рассказе о встрече Геракла с Атлантом, посланным за яблоками Гесперид: «Эти яблоки находятся не в Ливии, а у Атланта, где обитают Гипербореи». Титан Атлант, сын Иапета и океаниды Климены, брат Прометея, после поражения в борьбе богов и титанов (титаномахия) осужден поддерживать небесный свод. Он является также отцом Гесперид, обитающих в саду с золотыми яблоками. Эти детали определяют древнюю роль Атланта — служить олицетворением мировой оси, вокруг которой и находится тот единственный остров спокойствия, блаженства, который символизирует сад Гесперид. Но ось по смыслу находится в центре мироздания, а не на краю, будь то Запад или Восток. Изображения, где Атлант поддерживает-олицетворяет столп-ось в центре неба — зодиакального круга, увенчанную фигурой верховного божества, ближе всего передают первоначальный смысл образа. Но переориентация мифологической истории на Запад уже произошла. Не потому ли гораздо более популярными стали последующие изображения Атланта, где он представлен в состоянии неравновесия, в неудобной согнутой позе под тяжестью огромной сферы? Да и сами греки к тому времени забыли первоначальную роль Атланта и предпочитали некий анекдот из подвигов хитроумного Геракла. Согласно ему, Атлант попросил Геракла подержать небесный свод, куда он ходит за яблоками. Богиня Афина помогает герою держать тяжесть неба — одному ему не справиться. Вернувшийся с яблоками Атлант не захотел взваливать на себя небесный свод, но Геракл прибег к хитрости: попросил титана подержать его временно, пока он сделает себе подушку на плечи, и был таков. Именно эта сцена изображена на мраморной метопах храма Зевса в Олимпии, ок. 460 г. до н.э.

Тем важнее для нас указание Аполлодора на правильный адрес: «Когда же Геракл пришел к Атланту, что в Гиперборейских пределах», и на истинную роль титана, которую он на несколько минут доверил герою, который «принял от Атланта северную ось мира (нацеленную на) Полярную звезду»²³. Этим уточнением, повторенным дважды, все становится на свои места. В самом деле, держать полусферу небесного свода где-то с краю, на дальнем Западе — нелепо. Напротив, поддерживать мировую ось, пронзающую землю и небо в самом центре, с юга на Север, подобно ручке зонтика — значит соблюдать равновесие. Добавим, что зонт, прежде чем стать утилитарным предметом, имел сакрально-символическое значение. Это особенно явно в культурах Востока, где зонт возносился над головой царя или правителя, обозначая его центральное место в мироздании: над ним — небесный свод, поддерживаемый мировой осью, которую изображает ручка зонтика.

Аргонавты и Одиссей на Боспоре Киммерийском

Черноморский потоп привлек внимание к палеографии региона. Вновь поставлен вопрос о так называемых «ошибках» древних географов, которые — как давно подозревали, или, скорее, прозревали некоторые ученые — были скорее описанием прежде бывшего положения вещей. Оно тем интереснее, что с ним связана самая ранняя сакральная география, и даже подробная топография местности. Общее положение сакральной географии гласит, что в ходе миграций народы учреждают вторичные сакральные центры в подобие некоему первичному сакральному центру на их прародине. Выявить ее тем важнее, что Северное Причерноморье явилось местом долгого обитания индоиранских народов, исходным местом их дальнейшего расселения после катастрофы в западном и восточном направлениях. Другими словами, здесь происходил переход от меридионального направления к широтному.

Сложилась традиция при описании Боспора Киммерийского вспоминать слова Гомера:

Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков; никогда не являет
Оку людей там лица лучезарного Гелиос...
Ночь безотрадная там искони окружает живущих.

— *Одиссея, XI, 10-15.*

И это о солнечной Тавриде! Однако смысл строк разъясняется тем, что именно сюда, в «Аидову мгlistую область», явился Одиссей за прорицанием, которое должно было определить его дальнейшую судьбу. Неуместно прилагать их к цветущей Тавриде — Эрифии (еще одно название Тавриды), где привольно паслись великолепные быки Гериона, которых должен был угнать Геракл. Оказывается, у Гомера вышеприведенные строки были описанием царства Аида, а его основой послужила реальная область — многочисленные вулканы Керченско-Таманского региона, извергающие потоки кипящей воды, смешанной с нефтью, грязью, воспламеняющихся газов.

Уже были высказаны предположения, что Гомер в своем описании плавания Одиссея с упоминанием его предшественников — аргонавтов — определенно указывает на то, что они проходили по Керченскому проливу в Азовское море. Огромное впечатление произвели на них «огнедышащие» грязевые вулканы Боспора.

Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обезжавший, корабль невредимо
Их миновал — посетитель Эета прославленный Арго;

— *Одиссея, Гл 12, 65-70.*

— предупреждает Одиссея Цирцея.

Далее прохождение между Скиллой и Харибдой описывает сам Улисс, причем на редкость реалистично, отмечая кипение воды и клочотание грязи:

В страхе великом тогда проходили мы тесным проливом;
Скилла грозила с одной стороны, а с другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды из чрева ее, как в котле, на огне раскаленном,
С свистом кипели они, клокоча и буровясь; и пена
Вихрем взлетала на обе вершины утесов; когда же
Волны соленого моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ее: перед зевом ужасно
Волны сшибались, а недре утробы открытом кипели
Тина и черный песок.

— *Одиссея, гл. 12, 235-244*

Нельзя не узнать в этом описании извержения грязевых вулканов!

Описание скал Харибды и Скиллы в «Аргонавтике» также дает соответствующую картину:

Скиллы крутая скала перед взорами их показалась,
Там же рев стоял от Харибды, взметающей воды.
Дальше средь вздыбленных волн грохотали бродячие скалы
Там, где недавно еще вырывалось палящее пламя,
Ввысь из утесов крутых над горой огнеметной вздымаясь.
Весь от дыма эфир почернел, и нельзя было видеть
Солнца лучей и, хотя труды Гефеста прервались,
Жгучий пар продолжало струить соленое море²⁴.

Палеогеография Таманского полуострова говорит о том, что еще в середине 1 тыс. до н. э. он представлял собой архипелаг из трех-четырех островов, разделенных несколькими рукавами Ку-

бани и Протокой. Такая картина согласуется с письменной традицией, зафиксированной в периплах и у Страбона. В большей части из них упоминается остров *Алопекий*, *Алопека*, ныне не существующий; предполагалось, что он находился в центре пролива, либо в устье Дона; но более серьезных попыток определить его местонахождение не предпринималось. Таким образом, Таманский архипелаг состоял из 4-х островов, «посвященных богам» Аиду, или Плутону и Персефоне, а один, «посвященный Аммону», то есть верховному божеству, ушел под воду.

Палеореконструкция Таманского региона свидетельствует о том, что древние мореплаватели предпочитали проходить из Понта в Меотиду, минуя Керченский пролив, затрудненный для прохода. Но отсюда следует очень важный для нашей темы вывод — древние мореплаватели шли меж островов, где извергались грязевые вулканы, кипели гейзеры, воспламенялись газы и т.п. Ужасы моряков вполне передают вышеприведенные строки; характерно и объяснение, согласно которому «Арго» удалось пройти благодаря тому, что «сама богиня Фетида сзади держалась за руль, чтоб корабль провlech меж скалами».

Возможность прохода в Меотиду, минуя Боспорский пролив, отмечалась современными учеными. Такое мнение высказал в 1933 году С.А.Ковалевский в книге «Лик Каспия. Палеогеография моря в четвертичное время».

«Нам кажется, если принимать во внимание рассказ Гомера о “бушующем губительном пламени” на пути аргонавтов, то маршрут Арго пролегал не по современной основной линии фарватера Керченского пролива, возможно, в то время перегороженного косой Чушка или обмелевшего, а по Таманскому заливу, рукаву Кубани, впадавшей в залив, Ахтанизовскому лиману и далее в Азовское море по выходу Кубани близ Темрюка, — пишут украинские ученые в коллективной монографии «Керченский пролив», Киев, 1981. — Именно в этом случае аргонавты двигались сквозь цепь таких взрывающихся грязевых вулканов, как

Горелая, Карабетова гора, Цимбалы, Бориса и Глеба, Ахтанизовская блевака и многие другие».

Сходное мнение высказал много раньше замечательный путешественник ученый-энциклопедист, один из первых исследователей Сев. Причерноморья Дюбуа де Монпере. Он тщательно осматривал эти места в 1832–1834 годах, когда они были еще пустынно и очертания архипелага островов на месте Таманского полуострова можно было проследить по высохшим протокам, старым руслам дельты Кубани. Ученый осуществил реконструкцию архипелага, создав карты его видоизменений в различные геологические и исторические эпохи. Его северную часть образует Фонталовский п-в; Дюбуа назвал его Киммерийским островом. Далее идет остров, где расположены Фанагория и Кепы (Сады); к югу – Гермонасса (Таматарха – Тамань); далее – Корокондама.

На Киммерийском острове Дюбуа осмотрел укрепление и земляной вал 10 футов высотой; его можно видеть и сегодня. «В прежнее время Киммерик, – пишет Страбон, – был городом на полуострове и запирал перешеек рвом и насыпью. некогда киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора. Киммерийцы – это племя, которое тревожило своими набегами жителей внутренней части страны на правой стороне Понта вплоть до Ионии»²⁵. Их памятниками были «стоячие камни» или дольмены. Особо примечательной чертой этих мест были грязевые вулканы, поразившие аргонавтов и Одиссея, а в новое время – Палласа и Дюбуа де Монпере, описавших извержение сопки Куку-оба в 1794 году – грохот, столб дыма, воспламенившиеся газы, сопровождавшиеся землетрясением. Паллас был очевидцем появления грязевого острова в море: 5 сентября 1799 года неподалеку от Темрюка в море произошел страшный взрыв, поднялся столб огня и черного дыма, увлекшие глину, камни, песок. Образовался остров диаметром 100 м и высотой 2 м, появление которого вызвало мистический ужас у недавно переселенных сюда запорожских казаков, назвавших

этот феномен словом *Пекло*: оба исследователя вписывают это слово в свои французский и немецкий тексты, поясняя его привычным Аид или ад...

«Описания странствий душ или теней в загробной жизни несут отпечаток реализма, оставляющего впечатление, что это не просто плод воображения мифографов и поэтов и что где-то на земле была местность, которая послужила сценой этого необычайного и впечатляющего мифа о Преисподней, — писал Моро де Жоннес. — Такая местность действительно существует, хотя и сильно видоизмененная действием вулканических сил и водой, но вполне узнаваемая, если следовать античным указаниям. Обратимся к дельте реки Кубань, разрезающей Таманский полуостров на несколько частей, неоднократно менявших очертания. Она впадает в Черное море через главное русло Богаз, а в Азовское море — через другое русло — Протока. Дельта между ними, длиной 70—100 км была разрезана внутренним озером и гаванью, через которое третье русло вело в пролив Боспор. Вся эта земля, сегодня полуостров Тамань, являлась вместе с окружающими ее болотистыми землями *Меотийским болотом* древних. Дюбуа воспроизвел очертания региона, состоявшего из четырех небольших островков, продуктов вулканической деятельности, и позднее, благодаря речным наносам объединенных в полуостров. Этот процесс продолжается: еще в 18 веке можно было перейти из Черного в Азовское море через Богаз и Протоку. Болотистые низины еще указывают места соединения»²⁶.

Гадес, Эреб, Тартар и Елисейские поля

С киммерийцами связана память об островах, посвященных Плутону. Плутарх напоминает, что кимбры (кимвры), с которыми воевал римский полководец Марий, происходили от киммеров Понта Эвксинского, где, по Гомеру, был вход в Аид. Юлий Цезарь подтвердил это мнение, указав, что Галлы верят, будто их раса порождена Плутоном. Имя Гадес, которым обозначали преиспод-

ную, то же, что и финикийское «гадес» — ворота, проход, перенесенное с пролива на близлежащую область. «Впрочем, близость Аида и острова Эрифия или Таврида подтверждается фактом, что стада Плутона и Гериона паслись вместе»²⁷. По Плутарху, Аид делился на 4 области: Гадес, Эреб, Тартар и Елисейские поля.

Мрачный вид всей этой области вполне совпадает с описаниями поэтов: не зря в народе дали имя «пекло» всем этим грязевым вулканчикам, извергающим кипящую смолу, нефть и грязь, издающую неприятный запах сероводорода, который и должен окружать жилище Плутона. Этот феномен поразил эллинов и завладел воображением поэтов; он свидетельствует, что самые фантастические рассказы связаны с наблюдением природы. Вслед за Гомером Паллас, путешествуя в конце XVIII века, отметил, что Таманский полуостров постоянно окружен испарениями, подобными густому туману.

Гесиод писал, что Аид расположен в холодной местности, а Плутарх отмечал, что бог Гадеса встречал души в отдаленной стране на севере. Боспор действительно замерзал зимой.

Античная топонимика, с одной стороны, и современная — с другой, рисуют топографию Аида — Гадеса. Геракл проник в Аид, царство Плутона, через пролив Ахерон.

Если вспомнить приводимое Диодором название главного города Керченского полуострова — Керон, Херон, то можно предположить, что Ахерон, поток, который следовало пересечь, чтобы вступить в царство Плутона — не что иное, как пролив Боспор Киммерийский, то есть Керченский. Согласно Ксенофону, Геракл проник в Гадес с полуострова Ахерусий, близ Гераклеи, города на южном побережье Понта. Однако на Боспоре также существовал Гераклеум, расположенный на краю мыса Еникале, где возвышались столпы Геракла. На монетах Гераклеи была изображена победа Геракла над Кербером. Герой пересек пролив, чтобы вступить в царство мертвых. При этом Посейдон-Нептун одолжил ему *скифиос*, что обычно переводят как «кубок», с помощью которого ге-

рой пересек пролив. Звучит нелепо, но если вспомнить, что слова: сосуд, судно – происходят от одного корня и что моряки в шутку называют корабль «посудиной», то сомнений не остается: речь шла о плавсредстве, корабле. Вероятно, греческое слово скифиос происходит от скифского; похоже, оно сохранилось в языках северных народов в слове skip, ship – корабль.

По Эсхилу, Прометей сообщает Ио, что она встретит всадников Аримаспов (один из народов Скифии) близ потока Плутон. Геродот и все географы помещают этот народ близ берегов Кубани.

Вероятно, на Киммерийском острове и располагалось селение под именем Гадес; здесь путешественниками XIX века отмечена рыбацкая деревня под названием Гада, некогда служившая причалом. Протяженность острова – около 30 км с востока на запад; некогда большую его часть занимал огромный город Киммерида, упомянутый Эфором, циклопические основания которого обнаружили в траве Паллас и Дюбуа де Монпере. Реконструируя картину на основе мифов и описаний Дюбуа де Монпере, Моро де Жоннес пишет: «Здесь обитал Плутон; на берегу прибывших ждал трехголовый пес Кербер, охранявший вход во дворец близ адского жерла под названием Тенар. Это кратер в 100 шагов диаметром, откуда беспрестанно изливаются в море потоки горячей грязи. Кербер считался порождением Тифона и Ехидны; последняя, согласно другой легенде, в облике Змееды в союзе с Гераклом породила трех скифских царей. Среди народов Приазовья античный писатель псевдо-Орфей упоминает народ *Ехиднеев*. В память об этой традиции Плиний Старший привел другое название Киммерийского острова – *Керберион*»²⁸. Геракл уводит Кербера из Аида. Аид милостиво разрешил ему увести Кербера, если герой сумеет укротить его. Трехглавый адский пес повиновался Гераклу, тот довел его до Микен, а затем вернул обратно.

Между этим островом и Таманским простирается гавань, на половину закрытая песчаной косой, под названием Авернская

(Северная), отграничивающей Авернское озеро, которое во всех рассказах связано с киммерийцами. В Греции, как и в Италии оба эти названия постоянно объединяются во всех случаях, когда речь идет о топографии Аида. Во времена Страбона Киммерийский остров с востока отделялся потоком под названием *Коцит* (произносился как *Кокут*). Об этом названии напоминает вулканическая горка с названием *Коку-оба*, где татарское слово *оба* — гора, холм — соединена со словом огромной древности. Это, несомненно, скала, которая, по словам Гомера, расположена у слияния Кокита и Флегетона или Пирифлегетона — «Пылающего». Это название следовало воспринимать не в переносном, а в буквальном смысле, так как благодаря присутствию в нем горючих газов и нефти он, вероятно, воспламенялся. Этот поток или морской рукав отделял Гадес от Эреба — сегодня острова Темрюк. Во времена Палласа и Дюбуа эти острова были покрыты прекрасными лугами, где цвели асфодели, упоминаемые во всех описаниях Аида.

К востоку Темрюк отделен от континента северным рукавом Кубани. Согласно мифологической топографии Эреб являлся областью, наиболее близко расположенной к обитаемой земле. Он омывался Стиксом — потоком и болотом — *Stigia Palus* — верно представленным лиманом Афтаниз, куда впадает Кубань, здесь замедляющая свое течение, и где соединяются все адские реки.

Мифографы собрали описания этого региона. Тени умерших, спускаясь в Аид, минуют рощу из черных тополей на берегу Океана. У каждого припасена монета в уплату Харону за перевоз «на тот свет» через адские реки. На противоположном берегу тени мертвых встречает трехглавый пес Кербер. Из живых туда проникли только Геракл, похитивший Кербера; аргонавты Ясон и Орфей; Одиссей; Эней. Тени бродят по лугам, поросшим асфоделями. За ними находится Эреб с дворцом Аида и Персефоны. Слева от дворца — белый кипарис, отбрасывающий тень в Лету; напившись воды, души теряют память. Души прошедших инициацию пьют воду Памяти там, где отбрасывает тень белый тополь, или

осина. Неподалеку у распутья трех дорог сидят Минос, Радаманф и Эак, которые судят тени умерших. Радаманф судит азиатов, Эак — европейцев, а в сложных случаях им на помощь приходит Минос. После вынесения приговора тени направляются по одной из трех дорог. Если жизнь их не отличалась ни праведностью, ни неправедностью, они отправляются назад по дороге, ведущей на асфodelевые луга. Если человек прожил жизнь неправедно, его ждет область мучений. Души праведников направляются в Элизиум. Он расположен по соседству с Гадесом, но ничего общего с ним не имеет. Это счастливая земля незаходящего солнца, где не бывает холодов; там правит Крон, постоянно звучит музыка, не прекращаются игры, танцы и пиры. Где-то здесь находятся Острова Блаженных, куда попадают только те, кто трижды испытал перевоплощение в обоих мирах. Таким пристанищем прославленных героев древности стал остров Левка на Черном море, поднятый со дна морского по просьбе Фетиды для своего безвременно погибшего сына — Ахилла-Понтарха, и куда была перенесена тень Елены Троянской, или Ифигении. Об этом подробно рассказано в главе «Ахилл-Понтарх и Ифигения. Античные и кельтские истоки двух сказок Пушкина».

Здесь был дворец ночи, дворец снов и грез, с дверями из рога и слоновой кости: из первых вылетали сны обманчивые, из вторых — вешие. По описанию Лукиана, он окружен очень высокими стенами, куда ведут ворота: внутри полно сов и летучих мышей, поток, текущий лишь ночью; храм петуху. Сны — единственные обитатели этих мест, они разного роста и вида, одни прекрасны, другие бесформенны, одни богато одеты, другие в лохмотьях. Владыка этих мест — Сон (Гипнос или Морфей). Овидий в «Метаморфозах» описывает пещеру в Киммерийской земле, где царят вечные сумерки и откуда вытекает родник забвения; там на прекрасном ложе покоится Гипнос, божество Сна, сын Ночи и брат Смерти.

Есть в стране киммериян пустая гора с каменистой
Мрачной пещерой: издавна там Сон обитает ленивый.
Феб не сияет; лишь тонкий туман, от земли поднимаясь,
Влажной стелется мглой и сумрак сомнительный светит.
Медленной струйкой Летейский ручей, по хрящу пробираясь,
Слабым, чуть слышным журчаньем сладко наводит дремоту...²⁹

По Гесиоду, на Сон и Смерть никогда не взирает Гелиос; эти слова перекликаются с Гомеровым «Киммериян печальная область... никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос»... Вероятно, эта устойчивая формула относится к области Аида: картина загробной жизни, восходящая к киммерийцам, отражала впечатления вполне конкретной местности. Старые названия не всегда подходили к новым местам обитания. Так, Стиксом («ненавистный») называли небольшой ручеек в области Аркадия в Греции. Ахерон («поток печали»), Кокит («стенающий»), Флегетон («пылающий»), не приуроченные к конкретной местности, стали восприниматься как вымышленные имена, призванные показать неприглядность смерти.

Переселенцы уносили священную топографию с собой, приурочивая к новым местам, вплоть до Италии. А сцены загробной жизни получили дальнейшее развитие. Представление о топографии Аида с течением времени усложнялось. Подробное описание царства мертвых со всеми градациями наказаний встречаем у Вергилия в «Энеиде», Песнь VI. Она, в свою очередь, опирается на диалог «Федон» Платона и на Гомера, где уже оформилась идея искупления земных проступков и преступлений. О судьбе души повествуется в 11 песне Одиссеи, говорится и о месте для праведников – Элизии. Об островах Блаженных упоминают Гесиод и Пиндар. Греческую, или киммерийскую топографию Аида воспроизводит Вергилий, описывая, как Эней, подобно Одиссею, спускается за прорицанием, встречая пса Цербера, переплывая на ладье Харона адские реки. В Средние века эти сцены завладели

воображением Данте, который, посещая загробный мир, берет в провожатые Вергилия.

Все эти картины загробного царства, расцвеченные фантазией поэтов, восходят к описанию Гомера. Цирцея отпускает Одиссея с условием, что он посетит Аид и получит там прорицание мудрого старца Тиресия о своей дальнейшей судьбе.

Смело пльви; твой корабль передам я Борю; когда же
Ты, Океан в корабле переплывши, достигнешь
Низкого брега, где дико растет Персефонин широкий
Лес из раkit, свой теряющих плод, и из тополей черных,
Вздвинув на брег, под которым шумит Океан водовратный,
Черный корабль свой, вступи ты в Аидову мгlistую область.
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвию Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки.

Одиссей высадился на берегу, затененном, как и сегодня, пирамидальными тополями и ивами. Возможно, описание четырех рек Аида воспроизводит ландшафт, существовавший 6000 лет назад. Во времена Эвксинского озера Дон и Кубань стекались в одно русло, подобно рекам Пирифлегетон (Пылающий) и Ахерон. Характерно, что в поэме Гомера и в поэме «Аргонавтика» описание Аида в общих чертах совпадает. Особенности местности и уцелевшая топонимика, тщательно воспроизведенная путешественниками XVIII–XIX веков, позволяют восстановить эту картину.

«Я стремлюсь доказать, — писал Дюбуа, — что за прорицанием Тиресия Одиссей явился именно к киммерийцам; Таманский остров, где они обитали, казался Гомеру оконечностью Нептунова царства. Здесь расположены врата преисподней; это представление подкрепляют грязевые вулканы и реки с примесью нефти, черные и зловонные — Коцит и Ахерон. Трудно найти более удачное объяснение Гомерова текста. Посещение этих мест убеждает,

что Гомер писал с природы или по рассказам мореплавателей; тексту поэта не менее соответствуют и грязевые вулканы окрестностей Еникале. В подкрепление моего комментария Гомера Плиний пишет, что Киммерикум назывался Керберион по имени трехглавого пса — стража Аида. Отметим также, что славяне называют грязевые вулканы *Пекло*³⁰.

Ученый путешественник начертил несколько карт с островами Керченского пролива в различные геологические и исторические эпохи.

Мы приведем часть его комментариев к ним. «После образования обоих Боспоров, когда равновесие вод было восстановлено, земли устья Кубани еще были далеки от того, чтобы принять их нынешнюю форму. Река впадала в залив, наполняя его наносами, составившими часть территории Тамани, а пока существовал лишь широкий морской рукав с небольшим островом, отделенным от Керченского, — Еникале.

Однако новый агент продолжил колебать эту почву, где Гомер помещает вход в Аид. Унылые грязевые вулканы, извергающие грязь и битум, продолжают действовать и сегодня; их извержения мало-помалу создали новые земли, заполнили морской рукав, перегородили реки и создали заливы и озера. Так острова Киммерийский или Фонтан, Тирамба, Темрюк, Фанагорийский, тогда еще разделенные проливами, постепенно сгруппировались в остров Таманский. Это были настоящие острова, и Кубань, постепенно заполняя своими наносами морской рукав, отделявший ее от архипелага, создавала новую землю. Так взаимодействие двух стихий — моря, превращающегося в сушу, вернее, в своеобразную почву, где вода, земля и огонь постоянно находятся в усиленном противоборстве, ежегодно подвергало топографию новым метаморфозам. Таким образом, древняя земля, где жили киммерийцы Гомера и Геродота, — это не земля Страбона, а земля Страбона — не та, что мы видим сегодня. Кубань, которая омывала тогда стены Фанагории и являлась ее портом, покинула эти места в поисках другого выхода.

То, что еще сотню лет назад было судоходным каналом, сегодня — лишь заболоченное место... Острова появляются и исчезают»³¹.

Дюбуа упоминает род болотистого канала, соединявшего озеро Афганиз с лиманом Темрюк. Согласно традиции, корабли, которые шли из Черного моря, проходили вначале через Бугаз лимана Кизильгаш, поднимались по Кубани, и по одному из рукавов, ныне высохших, вокруг форта Перевлянский, входили в озеро Афганиз, откуда попадали в Азовское море по каналу Темрюк³².

Киммерийцы

Дюбуа де Монпере подробно обсуждал план своего путешествия с научными светилами того времени Карлом Риттером, Александром Гумбольдтом, Леопольдом Бухом. Одной из основных идей был поиск следов киммерийцев на их предполагаемой прародине, в местах, с которыми связаны, как минимум, исторические названия местностей — Киммерик, Киммерий, Киммерийские валы и, собственно, сам Боспор Киммерийский. Интерес к этому народу, расселившемуся на севере и западе Европы и ставшему одним из родоначальников европейских народов, был велик.

Представление об этом дает отрывок из труда Дюбуа де Монпере, который мы приведем полностью. «Позднее киммерийцы Гомера стали яркими действующими лицами древних исторических переворотов, наиболее важных из тех, что изменили облик Европы и Азии. Киммерийцы в Малой Азии у границ Ионии, киммерийцы на берегах Днестра и Буга и, позднее, в датской Кимбрике, скифы в Египте, в Сирии, скифы в сердце древнего мира, господствующие во всей центральной Азии, — все они вышли отсюда. За этим укреплением была столица киммерийцев, центр тогдашней земли. Все взгляды обращены по эту сторону: здесь поднимаются великие вопросы, которые изменят будущее Европы и Азии. Разбуженные мидийцы обретут новую энергию и достойное место; знаменитая империя персов укрепитя и с этого времени взоры Азии обратятся

к Европе. Дарий, стремясь отомстить скифам, поведет свои армии на юг Европы, облик которой полностью изменится; устранные народы будут искать новое отечество; многие обратятся к северу, куда уже отправились киммерийцы, народ богато одаренный и развившийся ранее других, всегда шедший во главе цивилизации в Европе...» И далее путешественник несколько разочарованно добавляет: «И глядя на эти пустынные берега, эти реки и морские рукава без воды, эти безымянные курганы, эти руины, едва возвышающиеся над почвой и не сохранившие ни малейшего воспоминания, эти зеленые холмы, почти безлюдные... спрашиваешь себя, неужели это исходное место столь великих событий?» Увы, время археологических раскопок еще не наступило, и богатейшие сокровища курганов, фундаменты древних городов остались Дюбуа неизвестны.

Происхождение киммерийцев уходит в доисторию, как и в историю. Страбон в «Географии» связывает рассказ о потопах с одним из древнейших народов Сев. Причерноморья и Крыма — киммерийцами. Речь идет об их вынужденном переселении на север, в приазовские степи. Но просвещенный Страбон считает долгом не верить в то, что не поддается рациональному объяснению. «Что касается кимвров (как называет он киммерийцев), то одни рассказы о них неточны, а другие — совершенно невероятны. Ведь нельзя считать причиной превращения их в кочевников и разбойников то обстоятельство, что они были изгнаны из своих жилищ сильным наводнением, когда жили на полуострове... Похоже на выдумку и утверждение, что когда-то здесь произошло сильное наводнение...»

Покидая затопленные земли, люди уносили с собой не только имущество, но и богов. Так, тот же Страбон приводит замечательное свидетельство о миграции на Запад богини (разумеется, вслед за почитателями), культ которой происходил из Таврики! Это богиня Артемида, почитавшаяся таврами как Дева (просто Богиня — таков смысл ее имени на праиндоевропейском). Культ скифской Артемиды-Дианы-Девы отличался рядом особенностей, которые

подробно описал античный географ: «Налево от дороги, если идти из Арикии, находится святилище Артемиды, которое называют «рощей Артемиды». Святилище Арикийской Артемиды, как говорят, точное воспроизведение храма Артемиды Таврополос; действительно, в ее священных обрядах преобладают начала варварское и скифское. Так, например, жрецом ее выбирают только беглого раба, своей рукой убившего прежнего жреца. Поэтому жрец всегда опоясан мечом, ожидая нападения и готовый защищаться. Святилище стоит в священной роще, перед ним — озеро, похожее на море, а вокруг возвышается сплошной чрезвычайно высокий гребень гор, охватывающий святилище и водоем в полой и глубокой котловине»³³. Культ Артемиды Таврической сохранялся и на территории Малой Азии. Описание Страбона помогает представить, как он мог выглядеть в Таврике.

Согласно античным свидетельствам, изгнанные скифами остатки киммерийцев удалились в Малую Азию и обосновались на полуострове, где позднее был построен город Синоп. Страбон, которому они известны под именем энеты, указывает на их перемещение под водительством Антенора в Адриатику. Здесь они известны как венеты-мореплаватели, облюбовавшие архипелаг островов неподалеку от побережья, который не хуже, чем крепостные стены, обеспечивал защиту от вражеских нападений. Однако, думается, не только соображения безопасности руководили их выбором. Своеобразные прерывисто — круговые очертания островов, окруженных морскими рукавами-каналами, слабо и отдаленно напоминают описание трехкольцевой столицы Платоновой Атлантиды, и это также выдает память о прародине... «В этих трех предварительных этапах уже раскрывается будущая судьба народа, — замечает французский исследователь древних народов Причерноморья Моро де Жоннес. — Рожденные на небольшом архипелаге Меотиды, среди малых островков, разделенных узкими каналами, киммерийские переселенцы ищут подобное же месторасположение на противоположном берегу Черного моря.

Позднее эта ветвь, отделившаяся от скифо-ливийского массива, обустраивается на побережье Иллирии, на островках посреди лагуны, где однажды возникнет Венеция»³⁴.

Вероятно, многие народы (кимвры, кельты, галлы, галаты, галинды, гелоны, галичане, голядь) являются потомками киммерийцев. Античные авторы отождествляли с киммерийцами кимвров. Кимры и кимвры были одними из предков немцев, португальцев и англичан (валлийцев, жителей п-ва Уэльс). Самоназвание последних — кимри, языка — кимриж, страны — Кимру. Указывалось на множество случаев сходства языка валлийцев и древних египтян, что еще раз указывает на то, что киммерийцы были потомками египтян. По всей Европе, от Урала до Ирландии, имеются топонимы, связанные с киммерийцами. На русском и карельском севере это — г. Кимры на Волге, река и г. Кемь в Карелии, р. Кема в Вологодской обл., г. Кеми, р. Кемийоки, озеро Кемиярви в Финляндии и т. д. Продолжить этот список предлагаем любознательному читателю.

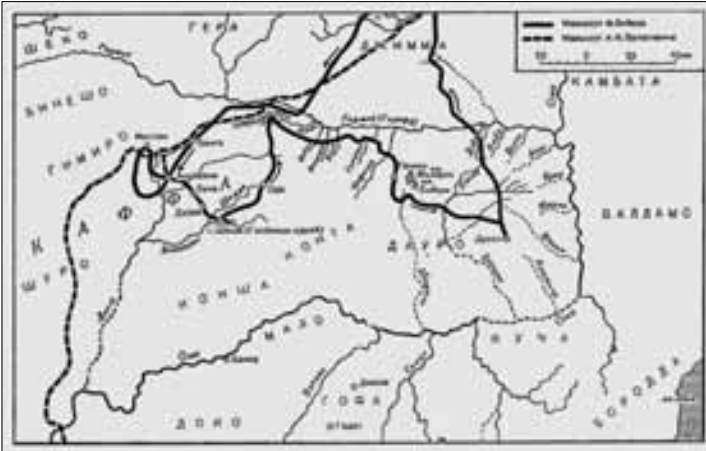
Примечания

- ¹ *Латышев В.В.* Известия писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947. С. 390.
- ² *Латышев В.В.* Известия...// ВДИ, 1948. С. 557–566.
- ³ Эта связь острова с быками поясняет его другое название — Таврика. Другими ее названиями были Гесперия, Трикарена, Огигия.
- ⁴ *Геродот.* История. Гл. 5–13, 5, 8 // ВДИ. С. 259–260).
- ⁵ *Руф Фест Авиен.* Описание морского берега (Avien Ruf. Ora maritima, v. 360). Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 2. С. 390.
- ⁶ *Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / Пер., введение и прим. Г.Ф. Церетели. Тбилиси, 1964. IV, 272–281.
- ⁷ Diodor, I, V, 29.
- ⁸ Илиада, 1, ст. 420.
- ⁹ Согласно традиции, сохраненной у Плиния, — 6 с лишним тысячелетий до н.э.

- ¹⁰ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Л., 1972. С. 6.
- ¹¹ *Павсаний*. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. СПб., 1996. I: II, 6.
- ¹² *Латышев В.В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 251–252; 254; (310–311; 313).
- ¹³ *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. 4 в. до н.э. – 12 в. р. э. Киев, 1977. С. 34.
- ¹⁴ *Латышев В.И.* Известия... // ВДИ. 1947. № 3. С. 270 (184).
- ¹⁵ *Лесной С.* Русь, откуда ты? Основные проблемы истории древней Руси. Виннипег, 1964. С. 270.
- ¹⁶ *Генон Р.* Основные символы священной науки. Пер с франц. М., 2002. С. 34.
- ¹⁷ *Плиний Старший*. VI, IV, 5.
- ¹⁸ *Васильевский В.Г.* Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды. Т. 3. П., 1915. С. СXLIII.
- ¹⁹ *Moreau de Jonnés A.-C.* L'océan des Ancients. P., 1875. P. 315.
- ²⁰ *Дюбуа де Монпере Фр.* Путешествие по Крыму. Пер. с франц. Т.М. Фадеевой. Бизнес-Информ, 2009. С. 33–39.
- ²¹ *Бибер Отто*. Таинственная Каффа. В стране царей-богов. Пер. с немец. АН СССР, изд. восточной литературы. М., 1961.
- ²² *Павел Захаров* в газете «Александровская жизнь», 2008 г. № 103; Р. Нутрихин в журнале «Тысяча дорог»
- ²³ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. Пер., предисловие, комментарий. А.К. Шапошникова. М., 2007. С. 146.
- ²⁴ *Аполлоний Родосский*. Аргонавтика. Песнь 4-я, 920–930.
- ²⁵ *Страбон*. География. Кн. XI, 2, 5.
- ²⁶ *Moreau de Jonnés A.-C.* L'océan des Ancients. P., 1875. P. 315.
- ²⁷ *Moreau de Jonnés A.-C.* Op.cit. P. 318.
- ²⁸ *Moreau de Jonnés A.-C.* Op.cit. P. 3....
- ²⁹ *Овидий*. Метаморфозы, XI, 592–620.
- ³⁰ *Dubois de Montpéreux*. Op.cit, vol. V. P. 40.
- ³¹ *Dubois de Montpéreux Fr.* Voyage au Caucase...et en Crimée. Vol. 1. P., 1843. P. 23.
- ³² *Ibid.* P. 27.
- ³³ *Страбон*. География. Указ. соч., 5.3.12.
- ³⁴ *Moreau de Jonnés*. Op. cit. P. 170.

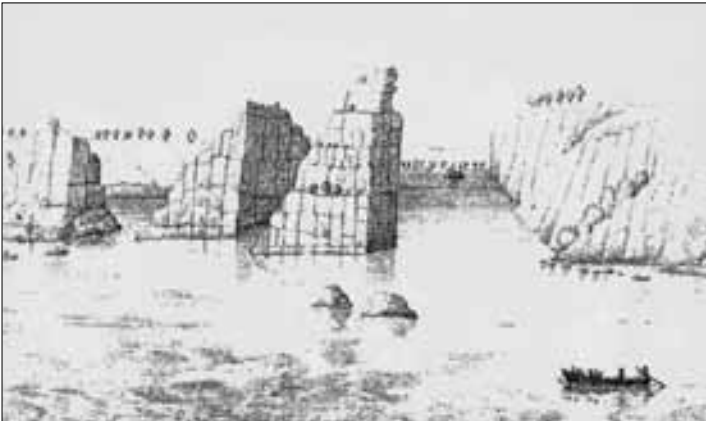
Иллюстрации

*к главе 3. «САКРАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ БОСПОРА
КИММЕРИЙСКОГО: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ»*

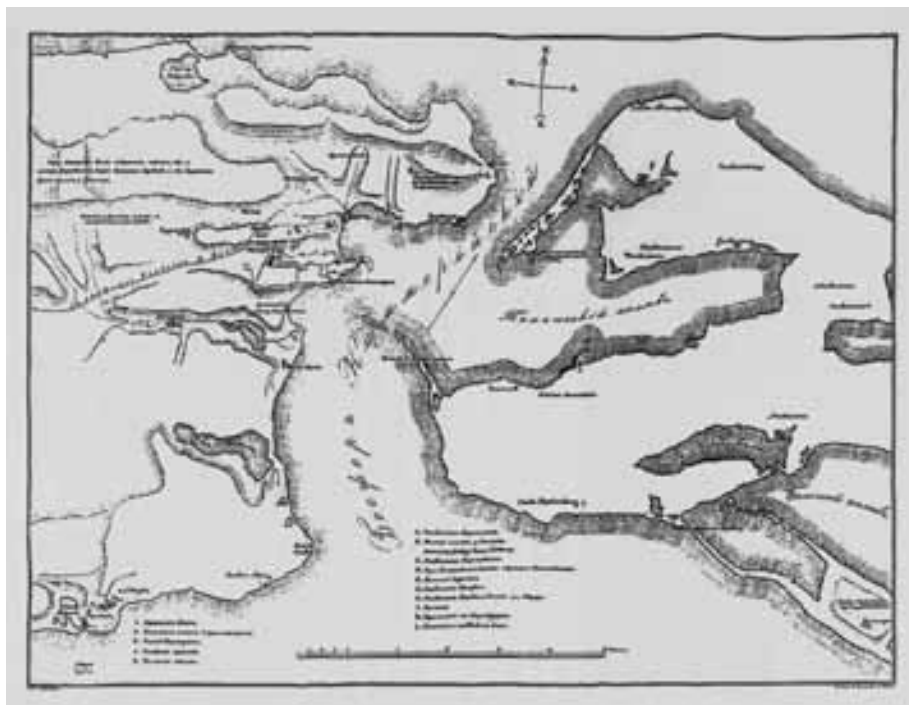
Южная оконечность Александрийского меридиана.

Каффа — страна у истоков Нила, Юго-западная Эфиопия, и имена проживавших там народов, аналогичные именам народов черноморья

Геркулесовы столбы на Днепре близ Кичкаса.

ЗООИД. Т. III, 1866

Боспор Киммерийский.

Карта, служащая пособием при описании развалин древних городов.

Составлена П. Дюбрюксом и И. Бларамбергом.

(ЗООИД). Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. 1862

С. 192–193:

Дюбуа де Монпере.

Этюды геологических переворотов в районе Керченского и Таманского проливов.

Слева, сверху вниз: Пролив в конце Третичной эпохи; Пролив после поднятия третичных почв и до грязевых вулканов; Пролив, сформированный грязевыми вулканами в доисторическую эпоху. Справа: Боспор Киммерийский в эпоху Страбона; Полуострова Керченский и Таманский в 1842 году

Etudes sur les Révolutions Géologiques
des Presqu'iles
DE KERTCHIE & DE TAMAN
Par FRÉDÉRIC DU BOIS 1842.

- Roches à Colonne
- Selon de base
- Contour extérieur
- Sources de Naphtes

*Аргонавты и дракон, охраняющий Золотое руно.
Кратер из Апулии, IV в. до н.э. Эрмитаж, Санкт-Петербург*

*Вход в Аид, мимо которого проплывает корабль аргонатов.
Фреска в Помпеях.*

*Геракл в львиной
шкуре с палицей,
Атлант
с золотыми яблоками.
Вазопись*

*Атлант приносит
Гераклу золотые
яблоки из сада
Гесперид.
Метона храма
Зевса в Олимпии.
Мрамор.
Ок. 460 г. до н.э.*

*Атлант держит на плечах
небесную сферу.
II в. до н.э.
Археол. музей. Неаполь*

*Атлант держит небесную
сферу в виде круга Зодиака.
Рим, вилла Альбани.
Атлант поддерживает-
олицетворяет столп-
ось в центре неба —
зодиакального круга,
увенчанную фигурой
верховного божества*

Атлант как стол, символ мировой оси. Атлас XVII в. Виньетка

Грязевой вулкан.

Подобные вулканы находятся по обе стороны Керченского пролива

Бахтов В. Гражданская война киммерийцев. Современная живопись

*Геката и змееногий гигант.
Пергамский алтарь, II в. до н.э. Берлин*

*Змееногие гиганты.
Пергамский алтарь, II в. до н.э. Берлин*

*Мойра и змееногий гигант.
Пергамский алтарь, II в. до н.э. Берлин*

*Змееногий крылатый гигант.
Пергамский алтарь, 2 в. до н.э. Берлин.
Змееногие существа (автохтоны, землей рожденные) олицетворяют
хтонические, плодотворящие силы земли, природы. Змееногим был Кекроп —
первый царь Аттики; змееногой была скифская богиня, в браке с Гераклом
ставшая прародительницей скифских царей*

*Скифская змееногая богиня.
Бляшка.*

*Скифская змееногая богиня.
Конский налобник*

Керчь. Склеп Деметры, общий вид

Керчь. Склеп Деметры. Аид похищает Персефону.

Деметра и Персефона.

IV в. до н.э.

Элевзис, Археологический музей.

Чтобы подчеркнуть разницу между старшей и младшей богинями, нередко прибегали к следующему приему: Деметра сидит, голова ее увенчана калафом; Персефона стоит. Обе обычно держат факелы

Триптолем с пучком колосьев на крылатой колеснице.

Слева — Деметра с факелом и колосьями, справа — Персефона с факелом и кувшином, из которого наливает в чашу Триптолему

*Деметра и Триптолем на колеснице.
Вазопись*

*Поклонение Деметре и Коре-Персефоне. IV в. до н.э. Пантикапей.
Государственный Эрмитаж, С.-Петербург.
Деметра сидит, Кора с факелом стоит: двум богиням поклоняются четыре
миста (участники мистерий) с факелами в руках. 4 в. до н.э., Пантикапей*

*Саркофаг со сценами мистерий.
Конец II – нач. III в. до н.э.*

*Голова иерофанта.
Фрагмент саркофага.
II–III в. до н.э.*

*Одиссей и листригоны.
Фреска, 1 в. до н.э. Фрагмент.
Музеи Ватикана*

*Плутон с рогом изобилия и Персефона с чашей вина. Амфора. V в. до н.э.
Лувр, Париж*

*Геракл уводит пса Кербера из Аида. IV в. до н.э.
Музеи Ватикана*

*Аид и Персефона – владыки подземного царства. Кратер. 330 г. до н.э.
Мюнхен*

*Весна. Деметра встречает Персефону.
С открытки XIX в.*

Столбы Геракла в ратуше. Севилья. XVI в.

*Испанский герб
с изображением столбов
Геракла*

Дон-лиман Меотийского болота
(Азовского моря)

Ореллий.

Фрагмент карты с Азовским морем, о-вом Алопекия и Таврикой

*Богоевский К.Ф. Берег моря. 1907.
Третьяковская галерея. Москва*

Глава 4

ЛЕГЕНДА ОБ АХИЛЛЕ-ПОНТАРХЕ, БЕЛОМ ОСТРОВЕ И ИФИГЕНИИ ТАВРИЧЕСКОЙ

Магический кристалл, или античные и кельтские истоки двух сказок А.С. Пушкина. Сказка о мертвой царевне. Сказка о царе Салтане и сыне его Гвидоне. Тайны рождения избранника. Леонардо да Винчи и его трактовка «Святого семейства». Имя «Гвидон» и кельтская друидическая традиция. Лунная или Белая богиня и сакральные короли. Посвящение и дар поэзии. Дева-Лебедь. Остров мистерий.

Магический кристалл и его варианты — просто кристалл, хрусталь — довольно подробно разобраны в пушкиноведении. Их трактовали как метафору и как вполне реальный предмет для гадания. Мы намерены показать, что существует еще и третий аспект этого образа пушкинской поэзии, а именно символический.

Как подсчитали пушкинисты, Поэт семь раз обращался к слову «кристалл». В хронологическом порядке это выглядит так. В еще лицейском «Воспоминании в Царском Селе»: *И отразилась в кристалле зыбких вод...* В «Руслане и Людмиле»: *прибор из яркого кристалла*, волшебная посуда. Затем, уже на Юге, в 1821 году в стихотворении «К моей чернильнице»: *заветный твой кристалл хранит огонь небесный* (исследователи справедливо видят здесь ассоциацию с «магическим кристаллом»). Там же: *кристаллом покрывал недвижимые струи*, то есть льдом. В Михайловском: *кристалл, поэтом обновленный* (вероятно, бокал, подаренный поэту Языковым). Там же, в «Онегине»: *Зизи, кристалл души моей...* И, наконец, главное — *и даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал*.

Наряду с этим употребляется и слово «хрусталь»: *...в дверях сеней твоих хрустальных... выстроил хрустальный дом... Гроб качается хрустальный ... Духи в граненом хрустале.*

Кстати, попытка различать кристалл и хрусталь едва ли оправдана: в западных языках это одно слово, восходящее к греческому кристаллос — лед.

Весь этот строй образов возглавлял «магический кристалл», заинтересовавший исследователей. Следовало ли подразумевать под ним «небольшой стеклянный шар, применявшийся для гадания», как сказано в примечании к десятитомному собранию сочинений Пушкина? Это упрощенное представление пошло от И.О. Лернера, который первым посвятил «магическому кристаллу» этуод 1935 года¹. Он отметил, что ему приходилось видеть в витринах лавок Петербурга массивные стеклянные шары для гадания. В духе времени, горячо отвергавшего «предрассудки», Лернер «защитил» честь Пушкина безапелляционным утверждением (которое Набоков назвал «наивным»), что поэт, творя «Онегина», конечно же, ни в какой шар не смотрел и упомянул его лишь как красивый образ, хотя и не чуждый бытовавшей в то время реалии. В конце 60-х годов М.Ф. Мурьянов в статье «Магический кристалл» отметил, что «настоящие кристаллы для прорицания изготавливались, как правило, из горного хрусталя, то есть кристаллического кварца, реже из берилла, а в единичных случаях из яшмы. Сферическая или полусферическая формы были отнюдь не обязательны — кристаллы для магии делались также цилиндрическими, призматическими, либо в виде гемм или камней, вправленных в перстни»².

Наконец, в 80-е годы, Б. Матвеевский в статье «Магический кристалл» обращается к самой реалии — предмету, случайно увиденному им у старинных знакомых и передававшемуся из поколения в поколение. Это был абсолютно прозрачный шар диаметром 5 см. и весом 150 грамм; как показали исследования, он был выточен из горного хрусталя в конце XVIII — нач. XIX века. В свое время «подобные вещи были предметом роскоши и стоили дорого... Именно таким дорогим хрустальным шаром во времена Пушкина пользовались для гадания состоятельные люди светского общества»³. В отличие от предыдущих авторов, Б. Матвеевский обратился к та-

индивидуальному предмету в эпоху, гораздо более благоприятствующую «стремлению человека заглянуть в скрытые возможности своего мозга, заглянуть за грань обыденного». Он пишет о «смутных снах воображенья», многократно упоминаемых самим поэтом, которые в свете современных представлений из области психологии и психиатрии могут быть описаны как «зрительные галлюцинации», как проникшие в подсознание впечатления, которые не исчезают безвозвратно, а воспроизводятся в минуты внезапной «рассеянности».

Все указанные авторы вспоминали историю гадания, где использование кристаллов имело давние традиции; поэтому совершенно неправомерно было бы акцентировать внимание на его модности в пушкинское время. В Библии, в древнеегипетских папирусах, в эллинистической литературе имеются упоминания об этом. Подробное руководство по использованию драгоценных камней в магии дано в псевдоорфической поэме «Литики» (конец 4 в. н.э.). Расцвет кристалломании приходится на эпоху Возрождения. Из многочисленных упоминаний в литературе приведем следующие примеры. Английский оккультист и математик XVI века Джон Ди с помощью кристалла, вставленного в кольцо, «показывал желающим все, что они желали знать». Насколько это было распространено, можно судить по сцене пасхального гулянья из «Фауста» Гете, когда девушки рассказывают, что колдунья показала им суженых, одной — при гадании, другой — в кристалле.

Самый древний способ дивинации состоял в том, что посредством пристального созерцания отражающей или прозрачной поверхности (зеркало, чаша с водой и т.д.) приводили себя в особое состояние, в котором можно было увидеть либо то, что происходит далеко, либо то, что произойдет в недалеком будущем. Гадание в зеркале, или зеркало, положенное под подушку, навели на Татьяну вещий сон, предсказавший гибель Ленского.

Был ли у Пушкина кристалл и какой формы, остается только гадать. Для нас важнее интерес поэта к «кристаллическо-хрустальному» и безошибочное употребление им этого термина.

Увлечшись конкретными подробностями предмета, служившего Пушкину, совершив даже небольшие экскурсии в область гадания, пушкинисты не увидели в образе кристалла, хрусталя связи с кругом магических представлений, дошедших от древних культур. Поэтические прозрения сродни дивинации, и неудивительно, что интуиция поэта сомкнулась с некими традиционными приемами познания мира.

По рассказу художника Тропинина, создавшего всем известный портрет поэта, он рисовал Пушкина таким, «как он бывал чаще... в домашнем его халате, растрепанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце одной руки, перстнем, которому поэт придавал особое значение». Об этом массивном золотом кольце с крупным изумрудом (то есть бериллом) квадратной формы со слегка закругленными углами и чуть выпуклой гладкой лицевой поверхностью В.И.Даль, присутствовавший при кончине поэта, пишет в своих воспоминаниях: «Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — «талисманом»...» В его же письме к В.Ф.Одоевскому от 5.04.1837 года читаем: «...Перстень Пушкина... для меня теперь настоящий талисман. Вам я это могу сказать. Вы меня поймете. Как гляну на него, так и пробежит по мне искорка с ног до головы, и хочется приняться за что-нибудь порядочное». (Цит. По: Матвеевский Б. Магический кристалл // Декоративное искусство СССР. М. 1988, №10, с.37.). Действительно, согласно старинным лапидариям — книгам о свойствах драгоценных камней — изумруд служит талисманом людей, посвятивших себя искусству. Добавим к этому, что «талисманом» его делало и то обстоятельство, что он был *подарен* Пушкину; это было в мае 1820 года, накануне отъезда на юг, и к нему относится стихотворение: «Храни меня, мой талисман... Ты в день печали был мне дан».

Между тем, по остроумному замечанию Н.Л. Бродского, «Пушкин не пытался объяснять странного соединения в своем миро-

воззрении элементов материализма с темными суевериями»⁴. Добавим, что Пушкин являлся представителем аристократической (в лучшем смысле этого слова) культуры, которая всегда хранила связи с Традицией. И именно это позволило ему увидеть «сквозь магический кристалл» в простых, казалось бы, русских сказках тот глубинный смысл, который позднейшими исследователями будет расшифрован как спрессованное наследие древних культур с их образами мироздания и ритуалами посвящения.

Но почему именно «кристалл» или «хрусталь»?

Замечательный отечественный исследователь В.Я. Пропп в своих работах (начиная с книги «Исторические корни волшебной сказки», 1948 г. и последующих) показал, что стекло или хрусталь есть волшебный предмет, связанный с потусторонним миром и дающий его обладателю магическую силу. Собственно, это символ, связанный, вероятно, с тем, что хрусталь наилучшим образом передает «невидимость», свойственную как тонким телам человека, так и миру духов, окружающему нас. В свою очередь, «сказка сохранила не только следы представлений о смерти, но и следы некогда широко распространенного обряда, тесно связанного с этими представлениями, а именно обряда посвящения юношества при наступлении половой зрелости (initiation, rites de passage, Pubertatsweihe, Reifezeremonien)»⁵.

«Сказка о мертвой царевне» перекликается со сказкой о «Спящей красавице» в пересказе Перро, но сюжет был, несомненно, бродячим и известен в других вариантах. Свою, живописную версию, предложил В.М. Васнецов в огромном полотне «Спящая царевна» (1900–1926. х., м.) – центральном из семи полотен, названных им «Поэмой семи сказок», хранящихся в мастерской его Дома-музея. Спит на высоком ложе царевна, заснули придворные, и все напоминает сюжет сказки Перро, но – все происходит среди русской деревянной архитектуры и все одеты в русские наряды. Где впервые возник этот сюжет? Особую значимость композиции придает трогательная фигурка девочки, у босых ножек которой улегся медведь.

Сон настиг ее, когда она читала, водя пальчиком, огромную книгу — Голубиную (или Глубинную), народную книгу о мироздании, и художник четко вывел буквы ее названия и первые строки.

«Сказка о мертвой царевне» обнаруживает один из источников таинственных познаний Пушкина. Всего замечательнее в ней описание погребения. Царевна пережила временную, ритуальную смерть, как важнейший элемент обряда инициации. Об этом свидетельствуют многозначительные детали символического свойства. Девица погребена в «высокой горе, глубокой норе (пещере)»: ее положили в «хрустальный гроб», знаменующий пребывание в ином мире. Гроб подвешен «на цепях между столбов», то есть находится между небом и землей, знаменуя состояние перехода. Но самое удивительное — цепи, прикрепленные к шести столбам, образуют шестилучевую фигуру, известную в многочисленных вариантах, — это руна северных народов, в одних вариантах трактуемая как древо мировое, в других как «звезда Давидова». В последнем случае это два взаимопереплетенных треугольника, означающих нисхождение небесного и восхождение земного начал.

Эти элементы находят созвучия в кельтской традиции. Кельты, ныне живущие на окраинах западного мира (Бретань, Уэльс, Корнуэльс, Ирландия), некогда занимали огромную территорию, от Атлантического океана до Карпатских гор, от Малой Азии до Днепра. Всюду в местах их обитания сохранились мегалитические сооружения — погребения в курганах, сложенные из огромных каменных плит дольмены, вертикально стоящие глыбы — менгиры. Мир представлений кельтов отчасти раскрывают их предания, легенды и сказки, записанные в VI—XIV веках. Этот мир с его сплетением элементов архаики и раннего Средневековья, множеством загадок и темных мест пока не поддается реконструкции в сколько-нибудь ясную и стройную систему. Однако это в известной мере оказалось под силу творческой интуиции исследователя — историка, филолога и поэта, ирландца по происхождению, — Роберта Грейвса, внимательно вникавшего в сами поэтические

тексты древних песен и легенд. Его книга «Белая богиня» представляет собой замечательное по глубине проникновение в мифопоэтический мир кельтов и его реликты в последующей средневековой культуре Британии, французской Бретани и вообще ареала древней Кельтики.

Одно из самых древних и почитаемых божеств кельтского мира — Богиня-Мать, выступающая в триедином облике, супруга весеннего и осеннего богов. Символическим ее обозначением была полная луна, тогда как два ее спутника изображались как убывающий и растущий полумесяцы.

Среди кельтов сохранялась архаическая традиция избрания «священного короля», который должен был ритуально стать супругом богини-матери или Белой Богини, как называет ее Роберт Грейвс, что означало — быть принесенным в жертву. В эпоху патриархата, доминирования мужчин в семье и обществе сохранились лишь слабые отголоски этих обрядов, однако без понимания последних многое кажется странным и загадочным. Памятники курганной и, шире, мегалитической культуры только сейчас начинают раскрывать перед исследователями свои тайны благодаря более широкому междисциплинарному подходу, в котором миф, легенда, ритуал играют ведущую роль в их интерпретации. Именно с этих позиций Грейвс в «Белой Богине» объясняет смысл выдающегося памятника мегалитической культуры — Нью Грейнджа. Это пологий круглый в плане холм около четверти мили в окружности и 50 футов высоты, в основе своей представляет гору камней, присыпанную землей. Десять огромных каменных глыб от 8 до 10 тонн весом стоят полукругом вдоль южного основания холма; ранее их было 12, и один из камней стоял на вершине. Ограда примерно из сотни плоских камней окружает холм по основанию. Внутри холма скрыта пещера-гробница, выложенная массивными каменными плитами и в плане воспроизводящая кельтский крест. Таким образом, это своего рода гора-крепость с гробницей внутри. Первоначально она была покрыта прозрачны-

ми пластинками кварца: этот погребальный обычай бронзового века объясняет легенды о королях, почивающих после смерти в стеклянных (или хрустальных) замках Белой богини. Второе его название «спиральный замок». Каменная плита входа и ряд других покрыты спиральным орнаментом. Вход в эти погребальные камеры держали открытыми в день «всех святых»(Хэллоуин) или день поминовения усопших, чтобы души героев могли вылететь на волю. На восточной, противоположной от входа стороне был обнаружен камень с изображением трех солнц и двух букв огамического алфавита В и I, что означает зачатие и смерть. Смысл целого представляется ясным, пишет Грейвс: «Ирландские короли Бронзового века, солнечные короли самого архаичного типа, судя по связывавшим их табу, поскольку от их поведения зависели результаты охоты и урожая, погребались под этими холмами; но души их уходили в “Спиральный (или хрустальный) Замок” Ариадны или Арианрод (одно из имен Белой Богини). Священный король, король-солнце, по смерти возвращается к Лунной богине, которая заточает его на севере, там, где никогда не сияет солнце. Солнечный бог рождается в разгар зимы, когда солнце светит слабо и мало, но с каждым днем набирает силу. Когда наступает день летнего солнцестояния, после которого день пойдет на убыль, представитель Солнца – священный король – приносится в жертву, чтобы затем возродиться вновь. Это свертывание и развертывание символизируется двойной спиралью... Древний ирландец мог назвать Нью Грейндж “Спиральным замком”: перед входом в гробницу лежит огромный камень, разрисованный двойной спиралью: если следовать пальцем вдоль ее извивов извне внутрь, то, достигнув центра, находишь начало другой спирали, которая развертывается в противоположном направлении, выводя из лабиринта. Узор такого типа символизирует смерть и возрождение»⁶.

В Британии традиция «Спирального замка» сохранилась в сельских танцах на Пасху в виде спирально закрученного хоровода: их называли «город Троя» по-английски и «Саер-дройя» по-

уэльски. Римляне назвали их «троянскими играми», лабиринтовым малоазийским танцем, исполнявшимся молодыми римлянами из знатных семей в память об их троянском происхождении (от Энея). На Делосе подобный же танец исполнялся в память о блужданиях Тезея в Лабиринте на острове Крит. В Британию этот танец принесен народами Восточного Средиземноморья; напоминанием о нем служат лабиринты, выложенные из камней прямо на земле и встречающиеся на огромном северо-европейском ареале — в Скандинавии, Северо-Восточной России и в Англии. Все они напоминают критский лабиринт, по преданию, построенный Дедалом и изображенный на критских монетах.

Захоронение в гробнице под курганом было еще почетнее, если оно находилось на острове, непременно «священном», отмечает Грейвс, перечисляя «такие, как Самофракия, Лемнос, Фарос близ Александрии, Ортигия близ Делоса, другая Ортигия близ Сицилии, *Левка (остров Белый) близ устья Дуная*, где находилось святилище Ахилла, остров Цирцеи Эйя (ныне Луссин в Адриатике), а также ныне не существующий в устье Риона, Елисейские острова в Атлантике, где поселился Менелай после смерти, и далекая Огигия, возможно, Торри Айленд близ западного побережья Ирландии»⁷. Нас в первую очередь интересует остров Левка (Белый), избранный местом действия не только в кельтской, но и в античной традиции, элементы которых нашли, в свою очередь, отражение в пушкинской «Сказке о царе Салтане».

Легенда об Ахилле-Понтархе, Белом острове и Ифигении Таврической

Для исследователей-антиковедов в свое время явился сенсацией факт, что Ахилл почитался в северном Причерноморье как божество под именем Ахилла -Понтарха — «владыки моря». Ведь тот же Ахилл благодаря «Илиаде» запечатлелся в сознании как

выдающийся герой, главный персонаж сражений за Трою, павший в боях в расцвете молодости.

Исследование выдающегося русского ученого, графа И.И. Толстого, основанное на греческой эпиграфике и свидетельствах античных писателей, посвящено культу двух античных божеств, почитавшихся в эллинских колониях северного побережья Понта. К сожалению, оно увидело свет в наименее благоприятные для спокойных академических трудов годы – 1917 (журнальный вариант) и 1918 (отдельной книжкой). Прошло полвека, прежде чем вопросы, поставленные в этом исследовании, вновь привлекли внимание на рубеже 70–80-х годов, когда немецкий ученый из Тюбингенского университета Хилдебреخت Хоммель в статье «Ахилл-Бог», опубликованной в ВДИ N 1, 1981 г., ознакомив коллег с этими изысканиями, предложил свое развитие поставленных в работе русского ученого вопросов. Мы, в свою очередь, предложим свое толкование этого интереснейшего материала.

Об Эвксинском Понте в древности рассказывалось много чудесного, но уединенный остров Ахилла был окружен особой таинственностью. Обычно греческие колонисты, осваивая новые земли, с благоговением относились к местным святилищам и их легендам, поскольку благополучное освоение чужих земель, по их представлениям, во многом зависело от благосклонности его божеств и духов. Но при этом они старались отождествить божества народов, окружавших Понт, со своими собственными, трактовать многих из них как местную ипостась знакомого бога или героя, наделить его греческим именем. Распознать под греческими покровами туземное начало достаточно сложно, тем более, что мы знаем его преимущественно в греческом пересказе. В этом плане недостаток и вместе с тем достоинство исследования И. Толстого, на наш взгляд, состоит в том, что он рассматривал их как мифы, прежде всего греческие, пренебрегая тем, что нередко они лишь передавали на свой лад туземные сказания. Достоинство же состоит в обстоятельности, тщательности и подробности рассмотрения источников: поэто-

му мы вкратце перескажем легенду об Ахилле-Понтархе, как она рисуется из античных текстов, вслед за И. Толстым. После своей смерти Ахилл не сошел в мрачную обитель Аида, но божественной волей был перенесен на Белый остров — Левка, где ведет блаженную жизнь. Рисунок на амфоре IV века до н.э., в Британском музее изображает его в виде крылатого воина, который мчится над морем, под ним плывет корабль и резвятся рыбы. Герой «Илиады», главный персонаж сражений за Троию, павший в бою в расцвете молодости, одновременно почитался в северном Причерноморье и Крыму как Ахилл-Понтарх, «владыка моря»; центром его культа был остров Левка или Белый (близ устья Дуная). Вероятно, греки переложили на свой лад легенду и культ, имевшие местные корни, и дали греческие имена ее героям.

Драматический эпизод принесения Ифигении в жертву, когда Артемида заменяет ее на алтаре ланью, а девушку переносит в Тавриду, известен во множестве изображений не только на вазах, но и в живописи нового времени. Ифигения в Тавриде, тоскующая по родине — излюбленный сюжет художников и поэтов. Согласно одной версии мифа, она становится жрицей, по другой — она выступает как супруга Ахилла-Понтарха. Так за парой богов с греческими именами различима иная пара, в иной версии мифа, сохраненного пушкинской сказкой.

Согласно рассказам античных писателей, людям, бывавшим на острове, случалось не раз видеть издали мощную, красивую фигуру героя, слышать его пение, а иным довелось и беседовать с ним. Все, посещавшие остров, оставляли на нем приношения, и спешили покинуть его берега до заката солнца. Во всяком случае, селиться на острове запрещалось, ибо он принадлежал Ахиллу. «Владеет Эант Саламином отцовским, а на Эвксинском Понте владеет Ахилл светлосияющим островом», — говорит Пиндар в IV Немейской оде. Ранее Пиндара Алкей называет Ахилла «владыкой Скифии». Таким образом, пишет И. Толстой, уже в начале VI века до н.э. имя Ахилла неразрывно связано с представлением

о далекой северной окраине, у берегов сурового моря. Множество кораблей ходило с незапамятных времен мимо Левки, и у греческих моряков сложились о ней рассказы один причудливее другого. Так, рассказывали, что Посейдон создал остров для Ахилла и Елены, здесь была отпразднована их свадьба, на которой присутствовали Посейдон, Амфитрита и все божества, владеющие Меотидой и Понтом. В других легендах супругой Ахилла становится Ифигения, в третьих – Медея. Легенды об Ифигении и волшебнице Меее принадлежали к числу наиболее популярных в Причерноморье и поэтому неизбежно должны были быть связаны с легендой Ахилла. Многим Ахилл показывался во сне, но иногда видели его и наяву: когда в море грозит морякам опасность, он появляется над мачтой корабля и дарует спасение⁸.

В 1823 году остров Фидониси (он же Змеиный), – древнюю Левку, посетил капитан-лейтенант Черноморского флота Критский, который снял подробный план острова с расположением руин, позднее изданный. В 1841 году экспедиция Н.Н. Мурзакевича, отправившаяся для изучения руин от имени Одесского императорского общества истории и древностей, нашла на месте остатков храма лишь груды камней. Оказывается, подрядчик, взявшийся за постройку маяка, попросту использовал древние камни. Остались лишь отдельные куски, как с грустью пишет Мурзакевич, «убедительно свидетельствующие об изяществе бывшего храма»⁹. Тем не менее последующие раскопки дали немало ценного: votивные дары (украшения, сосуды, надписи со славословиями Ахиллу), а также множество монет, свидетельствующих о популярности храма – из Афин, а также из всех колоний черноморского побережья.

Итак, спустя полстолетия к этому сюжету обращается немецкий исследователь Х. Хоммель. Развивая выдвинутую И. Толстым идею, он высказывает мысль, что Ахилл «первоначально был владыкой мертвых, поселенных в обители блаженных в далеком море, и только затем в традиции рапсодов превратился в героя Троянского цикла». Поскольку Ифигения на Левке является нам,

согласно одной версии, супругой Ахилла, постольку напрашивается вывод, что его спутница в более древнем пласте мифа сама царит там, подле Ахилла, как владычица мертвых»¹⁰.

Таким образом, И.И. Толстой и его продолжатель Х. Хоммель пересказали нам греческое восприятие легенды и культа. Однако миф, где Ахилл предстает владыкой моря и острова, явно не греческий, скорее всего, он имел местные, скифские корни. Именно на это обратил внимание известный антиковед М. Ростовцев; в своих критических замечаниях на книгу И. Толстого он подчеркивал, что необходимо исследовать местное начало этих культов, не ограничиваясь только греческим их переложением¹¹.

Сегодня усилиями многочисленных исследователей реконструирована картина мира Скифии и, шире, — индоевропейского культурно-языкового семейства. В ней выделяются устойчивые символические структуры, позднее облекшиеся мифологической тканью разного цвета и рисунка. Это символы полярной оси в образе Древа мирового, «острова», где оно «растет»; три мира — верхний средний и подземный — через которые оно проходит; три категории богов, царящие в каждом из миров, и, сообразно этому — общественное устройство с делением народа на три сословия — священнослужителей, воинство, земледельцев — каждому из которых присущи свои добродетели. Наиболее четко эта картина мира изложена выдающимся французским исследователем — академиком Ж. Дюмезилем¹². Вот почему греки, сталкиваясь на северопричерноморской периферии с более архаичным строем образов и представлений, более или менее смутно «узнавали» своих богов и древние верования. Однако к моменту этой встречи в менталитете греков мифологическое мышление все заметнее уступало место более рациональному восприятию мира: соответственно, и миф «облитературивался», утрачивая свою ясную и четкую структуру.

Итак, начнем с острова. Собственно остров есть место изначально сакральное, особенно в представлении северных народов. Эпитет «белый» усиливает и подтверждает это. В индоевро-

пейской триаде белый — цвет священнослужителей; далее идет красный — цвет воинства и черный — цвет земледельцев (оба последних соответствуют «скифам-царям» и «скифам-пахарям» по Геродоту). Блаженный остров, Элизий гипербореев, Зеленый или Стекланный остров кельтов, Белый остров древних ариев, русское Беловодье...

Всякий остров есть образ центра мира: это место, где проходит мировая ось. Ось невидима и неподвижна, и место, где она проходит, символически обозначено как «остров спокойствия». Это — прообраз всех «счастливых» и «блаженных» островов. Образом оси является растущее на нем дерево — Древо мировое, нередко стоящее на холме или кургане — еще один образ оси, «мировая гора». Сакральная пустынность этого острова — кажущаяся: на нем возможны любые чудеса. Это «чудный остров», по выражению А.С. Пушкина. Более того, место, где проходит «мировая ось», есть особое место общения с богами подземного и небесного миров по вертикали: какой-нибудь зверек, умеющий легко взбираться на дерево, с детской наглядностью нам это демонстрирует. Им может быть и «кот ученый», и белка, живущая в хрустальном домике во дворе князя Гвидона...

Старинные русские заговоры, сохранившие языческую картину мира, начинаются с обращения к острову: «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь... под ним сила великая и силе нет конца». «На море на Окияне, на острове на Буяне растет белая Береза вниз ветвями вверх корнями».

«Сказка о царе Салтане и сыне его Гвидоне»

А.С. Пушкина

«Чудный остров» знаком нам всем с детства — в гениальном описании А.С. Пушкина. Его «Сказка о царе Салтане» развертывает перед нами картину мироздания с ее архаичной простотой. Итак, остров, холм, дуб. Здесь-то и появляется герой. Все вме-

сте как-то удивительно легко складывается в знакомые с детства строки:

Видят: холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб высокий над холмом.

Однако это «чудный остров», и его пустынность завтра же обернется всеми сокровищами мира. Вот что рассказывают о нем корабельщики:

В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой.
Он лежал пустой равниной,
Рос на нем дубок единый,
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом....¹³

Но чудеса пересказанной поэтом с гениальной интуицией сказки только сейчас раскрываются перед нами во всей своей полноте. Особенность народной фольклорной традиции — хранить с удивительным постоянством и неизменностью на протяжении многих веков то, что стало непонятным и отнесено в область чудесного; к ним относятся черты обряда инициации. Это символические испытания, через которые должен пройти юноша, прежде чем попасть в мир взрослых; еще таинственнее были испытания для тех, кто стремился попасть в мир мудрых.

Герой сказки — «князь Гвидон» при посвящении должен пройти через символическую смерть. Его сажают в бочку и бросают в море. Сюда восходит и символически трактуемый образ Ноя, который входит в ковчег, запирается в нем и после потопа выходит из него родоначальником людей и народов. Аналогичным образом новорожденного Моисея, будущего вождя и спасителя своего народа, мать поместила в корзину и пустила по Нилу.

Приведем и знаменитую «автобиографию» царя Саргона (2600 г. до н.э.). Табличка в переводе Грессмана гласит: «Я, Саргон, могущественный царь, царь Аккада. Моя мать была бедна (весталка?), отца я не знал, брат моего отца живет в горах. Зачала меня моя бедная (?) мать, тайно родила она меня, посадила меня в корзину из тростника, запечатала крышку земляной смолой и предала ее реке...Тогда принесла меня река к Акки поливальщику. Он принял меня вместо сына, воспитал и сделал садовником. Пока я был садовником, полюбила меня богиня Иштар и четыре года я царствовал»¹⁴. Как видим, эти обстоятельства своего рождения и воспитания царь Саргон приводит как высшее доказательство своего избранничества.

Тайны рождения избранника

Происхождение «избранников», наделенных особыми качествами, будущих предводителей племен и народов, великих мудрецов, певцов-сказителей, становится главной ареной «боевых действий» между полами в период перехода от материнского рода к патриархальным нравам. В Библии рассказано о «сынах божиих», которые «входили к дочерям человеческим» и о появлении от их союза выдающегося потомства. По мере агрессивного наступления отцовского права и пут законного брака, требовавших «точного» знания об отце ребенка, прежние верования прошли через ряд искажений. Последние, однако, не могли заслонить факта: порой зачатие происходит до брака, но и в случае, когда их матери состоят в законном браке, отцом их является отнюдь не супруг, а некто вышестоящий в духовной или сословной иерархии.

Однако от прежних времен «женовластия» сохранилось представление о партеногенезе, или непорочном зачатии. В греческих мифах это превратилось в соития с любвеобильным Зевсом и другими богами-олимпийцами, и сакральное начало почти стер-

лось. Тем не менее, и здесь можно найти изначальное предание — о царевне Данае, заключенной в неприступной башне, куда Зевс проник в виде золотого дождя. Это не что иное, как вариант партеногенеза, или зачатия от солнечного луча, предания о котором сохранились на просторах Евразии. Северные черты предания о Данае обнаруживаются и дальше: родившийся от союза с богом сын Персей вместе с Данаей заключен в ящик и брошен в море (так в кельтских преданиях, Сказке о Царе Салтане); Персей, возмужав, отправляется в Гиперборею, где и совершает свои подвиги (убивает Медузу Горгону, освобождает Андромеду, которую обрекли в жертву чудовищу).

Подобные представления сохранились в Евразии как анахронизм, ибо на Западе ускоренное развитие стерло их почти полностью. В наиболее обобщенном виде мы находим их в труде генуэзца первой трети XVII в. Дортелли д'Асколи. Доминиканский монах, проживший 10 лет в Крыму, в своем «Описании Черного моря и Крыма», помимо географической информации, обращал внимание и на некоторые стороны духовной жизни населяющих Крым народов. Так просочилось на его страницы описание представлений о происхождении царской власти, которое восходит к временам тавров и удивительным образом сохранилось. «Царь (этот титул соответствовал слову «хан») и султаны (дети хана) страны — все из древнего рода Коркиз (Corchis). Сказывают, будто некая киз (по-турецки и по-татарски значит — дева) зачала от солнечного блеска и родила сына, от которого все они и происходят»¹⁵. Аналогия с Данаей настолько явная, что не требует особых разъяснений. Остановимся на следующем. Исследователи Тавриды XIX и XX веков, пытаясь расшифровать слово «кыз», «гез», читали его как «глаз», и в результате получали «глаз-крепость» или «сторожевая крепость», что порой еще имело какой-то смысл (Сторожевая крепость, Сторожевая башня, — хотя, если подумать, какая крепость не несет этих функций?). Однако в крымской топонимике и ономастике встречается слово «кыз» в сочетании

с «кирк» — «сорок». Гильом де Рубрук и Абульфеда написали о сорока крепостях горного Крыма как его наиболее характерной черте. Число сорок устойчиво связано с Таврикой. Оно возникает в названии города Кырккор, описанном как крепость округа, именуемой «Сорок крепостей»; воспроизводит древнее «Кырк кыз» в названии пещеры на городище Мангупа; приобретает новый нюанс в названии Кырк азислар — «сорок святых» (так назывались предместье Бахчисарая Эски-Юрт и местность близ Старого Крыма); уточняется в названии Кырк эклисе — сорок церквей (предместье Константинополя). Речь идет о названии страны, превратившемся со временем в столь устойчивое словосочетание, что его стало возможным относить к одному городу или селению. Не возник ли сам образ «страны сорока вершин» в те отдаленные времена, когда существовал лишь горный Крым-Остров, а наносы еще не стали равнинами, соединившими его с материком? Последнее нашло отражение в следующем примечательном сообщении римского историка Плиния Старшего: «Таврида некогда была окружена морем, которое занимало места, ныне являющиеся равнинами; далее она постепенно переходит к возвышенностям»¹⁶.

Существует чрезвычайно интересное исследование изобретений «амазомахии» на греческих вазах, осуществленное Скржинской. Росписи на вазах содержат бесценные и далеко еще не полностью расшифрованные сведения об утраченных мифах и сказаниях. Обычно поэты перелагали в стихи сказания, долго жившие до того в устной традиции. Это относится к Илиаде, Одиссее, Ифигении в Авлиде и Тавриде, Аргонавтике и т.д. Но не все они дошли до нас, и прежде всего «амазомахия». Устные греческие сказания и эпическая поэзия давали основную массу сюжетов для вазописцев. Само обилие имен героинь и даже их собак дает твердую основу для предположения о поэтическом источнике: только стихотворная форма может сохранить столько имен. Видимо, греки во время военных походов познакомились с некоторыми сказания-

ми киммерийцев и скифов. В греческой мифологии амазонки были известны еще в догомеровский период. И хотя до нас не дошло ни одного литературного произведения VII–VI веков о битвах греков с амазонками, вазовая живопись с массой имен амазонок (66 полных имен и 9 фрагментов)¹⁷ убеждает, что такие сочинения существовали. В битву с амазонками вступало 4 греческих героя – Беллерофонт, Геракл, Тесей, Ахилл. Древнейшие изображения амазонок относятся к началу VII века до н.э. С середины VI века амазономахия становится излюбленным сюжетом росписи античных ваз. Около изображений начертаны имена, среди них немало скифских – Скилейя (известен мужской вариант – скифский царь Скилур), Токсарис (народ тохары, Тохаристан), Томирис (Тамара). В скифской традиции существовали женские и мужские варианты имен от одного корня. Самая подробная амазономахия изображена на вазе из Лувра, где 23 амазонки ведут бой с 13 греками: в центре – Тезей и Геракл. Амазонки с VI века изображаются в узорчатых скифских одеяниях: кафтан с длинными рукавами, опоясанный в талии, длинные штаны, высокие остроконечные шапки-колпаки с наушниками. Скифские имена амазонок, считает Скржинская, вошли в греческую архаическую литературу, конечно, не в результате случайных заимствований из повседневной жизни, а из какого-то скифского предания, вероятно, эпоса, в котором участвовали женщины-воины¹⁸.

К этому ряду следует причислить эпическое сказание «Сорок девушек»¹⁹. Впервые опубликованное в 1951 году как «каракалпакский эпос» в переводе поэта Арсения Тарковского, оно содержит множество реалий «амазонского» круга. В предисловии анализ памятника отсутствует; сказано лишь, что это вариант поэмы, записанный со слов сказителя Курбанбая Тажибаева, «каракалпака из рода Мангыт».

По содержанию поэма, воспевающая сорок девушек-воительниц, насыщенная цифровой символикой, вообще стоит особня-

ком среди известных нам фольклорных сюжетов. Не менее замечательно имя, связанное со сказителем — из рода Мангыт. Таков один из вариантов названия Мангуп в средние века. Если сопоставить это с тем, что одна из трех ветвей Ногаев также называлась Мангыт, Мангкыт, и что на Алтае и сегодня одна из гор называется Мангуп, то можно сделать предположение, что перед нами — один из классических случаев миграции сакрального имени, который в свою очередь отмечает перемещение носителей определенной историко-культурно-языковой традиции. Этому имени сопутствует в ареале от Средней Азии до Крыма достаточно устойчивое словосочетание — Кырк кыз, «Сорок девушек».

Нередко встречается название Коккоз²⁰, которое явно представляет собой стяжку от Кырк кыз. Дортелли дает перевод слова кез, кыз — дева, и это, на наш взгляд, убедительный аргумент для устранения разночтений: да, это древний род, восходящий к легендарному отряду дев-воительниц. Это память о культуре таврской богини Девы и ее служительниц. На основе сообщения Дортелли д,Асколи приходится признать, что она не исчезла, хотя бы потому, что тавров никуда не депортировали, они растворились в местном населении Тавриды, передав ему свои представления о «чудесном рождении» времен матриархата.

Более конкретный случай применения такого представления находим в арабском средневековом источнике — Повести о предках Чингис-хана Рашид-эд-дина, — опубликованной в Журнале министерства народного просвещения (ЖМНП) в 1843 году.

«Повествование об Алан-Куве и трех ее сыновьях, родившихся после кончины ее супруга».

Хотя, как историки повествуют, Дубун-Баян, супруг Алан-Кувы, умер в юношестве, он сделался, однакож в весьма короткое время своей жизни, посредством душевных и умственных своих качеств, владетелем мира и предком великих государей и завоевателей. Многие водолазы погружаются в море с тем, дабы искать скрывающиеся в нем прелестные жемчужины; но никто из них не

знает, откуда они производятся. Так и жемчуг, вселившийся неизвестно откуда в чрево Алан-Кувы, но образовавшийся, по всей вероятности, из света, дал повод к основанию пресветлейшего рода Чингисханова...

Итак, рассказывают, что однажды в то время, когда Алан-Кува осталась без мужа и сидела в уединении, какой-то свет вошел через окно шатра и вселился в ее чрево...

...Братья и родственники покойного ее супруга, собравшиеся у нее, говорили: «как может женщина незамужняя, сидящая дома в уединении, сделаться беременною? Алан-Кува на то им отвечала: «так как я родила младенцев без содействия мужа, вы не должны предаваться разным, может быть вредным для меня размышлениям; ибо как я могла согласиться на непристойное дело, которое должно было осрамить меня? Да будет вам известно, что я видела во сне каждую ночь призрак с голубыми глазами и светлорусыми волосами, который приходил тихонько ко мне и возвращался опять от меня. Всякое другое мнение на счет меня ложно, и эти младенцы, которых я произвела, родились чудесным образом. Когда они возрастут и сделаются Государями и Ханами, тогда они будут свидетельствовать вам и другим народам справедливость моего отзыва». Вследствие того удостоверились все присутствующие в невинности Алан-Кувы и в истине того, что она утверждала»²¹.

Мы не будем доискиваться истины в этом конкретном случае; важно то, что подобное представление воспринималось совершенно всерьез. Согласно китайским летописям, отличившийся со временем муж или военачальник рождается под влиянием солнца или света. Во всяком случае, монгольские летописи назвали трех сыновей Алан-Кувы «детьми Солнца».

В свете подобных представлений новую интерпретацию получают мегалитические сооружения, ориентированные на уловление первого луча в знаменательный день зимнего солнцестояния

или весеннего равноденствия. Их обилие в древнем мире поражает, даже несмотря на планомерное уничтожение в последние два тысячелетия. В древней Греции существовало развитое производство герм, которые устанавливались на дорогах для указания расстояний и представляли собой закругленный столбовидный стержень с тщательно обработанной головой и подчеркнуто выраженным фаллосом. Так греки выразили свое понимание сути менгира. Ведь задолго до переселения прапредков эллинов на Балканы каменные столбы — менгиры устанавливались по всей территории Евразии. «Другие виды мегалитов — дольмены — имитировали женскую утробу и предназначались для ритуала магического соития. Особенно интересны дольмены западного Кавказа, где в торцовой боковой стенке сделано небольшое отверстие. Считалось, что оно было предназначено для проникновения солнечного или лунного луча, который символизировал «световой фаллос» и космическое зачатие (для имитации имелся и каменный аналог, как это практиковалось у адыгских и др. народов Кавказа. Все это — отголоски каменного века, когда мать-пещера, спасительница и охранительница многих поколений людей и самих богов (Зевс, Митра, Иисус), рождавшихся в пещере, ассоциировалась с женской утробой, куда после долгой зимней ночи проникали солнечные лучи»²².

Существует множество объяснений сути и назначения мегалитических сооружений во всем их разнообразии. В прошлом доминировали культовые истолкования северных комплексов: кромлехи именовались храмами, дольмены — гробницами, менгиры — кумирами. Ныне возобладал естественно-научный подход: в кромлехах усматривают древние обсерватории, в дольменах — астрономические и физические приспособления, геомагнитные и чуть ли не физиологические установки. Но идея «чудесного зачатия» или «священного брака», восходящая к матриархату, хотя и не чужда физиологии, отличается тонким пониманием участия светил в определении судьбы человека, впоследствии известном как астрология.

Леонардо да Винчи
и его трактовка «Святого семейства»

Война полов предполагает победивших и побежденных. Победившая сторона постаралась стереть следы прежних идей-представлений или исказить их. Отыскать уцелевшее, очистить от грубых наслоений, — не просто. Но в самую мрачную эпоху раннего Средневековья, совпавшую с подъемом гонений на женщину и породившую постыдную охоту на ведьм, развернулась настоящая война. Как еще можно назвать «геноцид женщин», уничтожение нескольких миллионов инквизицией. В эту эпоху наиболее просвещенные люди сохраняли интерес к остаткам наследия, в котором сочетались античность и следы эпохи женовластия. Отсюда Сионское приорство, в эпоху крестовых походов почерпнувшее на Востоке «тайные знания» и принявшее деятельное участие в распространении культа Девы Марии, легенды о Граале и др. К нему принадлежал и Леонардо да Винчи, многогранный гений которого вдохновлялся найденным им женским образом — своего рода Музой художника.

Об особенностях его трактовки картин на евангельские сюжеты написано достаточно.

Мы остановимся на сюжете «Святое семейство со св. Анной» и ее вариациях.

Выполненный углем, с пробелкой мелом, этот картон исследователи датируют 1499–1500 годами, временем завершения пребывания Леонардо в Милане. Ныне находится в Национальной галерее в Лондоне, куда поступил в 1966 году из Королевской Академии, где находился с 1791 года. Прием, примененный Леонардо, не имеет аналогий — маэстро «усадил» Марию на колени матери — св. Анны. Искусствоведы обычно подчеркивают усложненность композиции: Мария, сидящая на коленях св. Анны, на грани нарушения и вместе с тем удержания хрупкого равновесия; движение, сплетающее отдельные фигуры в единое групповое

построение, разнообразные эмоции, отраженные в позах персонажей и в выражениях их лиц, воплощает целую гамму внутренних состояний, перетекающих из одного в другое и подчиненное единому потоку чувств.

Энергия и убежденность святой Анны, чуть грустная нежность Марии, серьезность младенца и благоговейное внимание маленького Иоанна соединяются в компактной композиции.

«Нет сомнения, что дошедший до нас картон, находящийся в настоящее время в лондонской королевской Академии, представляет собой замечательное произведение. Фигуры на лондонском картоне — несколько менее натуральной величины, Богоматерь и св. Анна не просто сидят рядом: их головы почти соприкасаются, потому что Мария присела на колено матери, и в этой неустойчивой позе сохраняет равновесие благодаря тому, что удерживает младенца, который тянется из ее рук к маленькому Иоанну Крестителю. Взгляд Марии, нежный умиленный и грустный, устремлен на детей; она не замечает обращенного к ней лица матери, в котором выражена ее прозорливость, знание всего, что произойдет, подкрепленное твердым жестом руки с указательным пальцем, указующим в небо. Это мудрое знание неизбежного не мешает ей с восхищением и нежностью смотреть на дочь, переведя взгляд с детей, примостившихся у колен обеих.

Сам Леонардо повторил композицию девы Марии, сидящей на коленях у матери и пытающейся удержать младенца. Эта картина, исполненная в 1508 году во Флоренции, далека от эмоционального волнующего собеседования, представляющего в лондонском картоне.

Когда Леонардо делал свой знаменитый картон св. Анны и Богоматери, он одновременно писал Джоконду и набрасывал Леду.

В «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев» Дж. Вазари рассказывает, что работа на сюжет «Анна-втроём» изначально была заказана как верхний запрестольный образ для церкви Сантиссима-Аннунциата во Флоренции. Заключив сделку

с Леонардо, монахи-сервиты взяли его к себе в обитель, обеспечив содержанием и его, и всех его домашних, и вот он тянул долгое время, так ни к чему и не приступая. В конце концов он сделал картон с изображением Богоматери, св. Анны и Христа, который не только привел в изумление всех художников, но когда он был окончен и стоял в его комнате, то в течение двух дней напролет мужчины и женщины, молодежь и старики приходили, как ходят на торжественные праздники, посмотреть на чудеса, сотворенные Леонардо и ошеломлявшие весь этот народ.

Достоинства картона, изумившие чувствительную к искусству флорентийскую публику, Вазари объясняет так. В лице Мадонны было явлено все то простое и прекрасное, что и может придать ту прелесть, которой должно обладать изображение Богоматери, ибо Леонардо хотел показать скромность и смирение Девы, преисполненной величайшего радостного удовлетворения от созерцания красоты своего сына, которого она с нежностью держит на коленях, а также и то, как она пречистым своим взором замечает совсем еще маленького св. Иоанна, резвящегося у ее ног с ягненок, не забыв при этом и легкую улыбку св. Анны, которая едва сдерживает свое ликование при виде своего земного потомства, ставшего небесным, — находки поистине достойные ума и гения Леонардо.

Ломатцо сообщает, что картон одно время находился в Милане у живописца Аурелио Луини, сына знаменитого ученика Леонардо, Бернардино Луини.

Леонардо занимала композиция в виде Марии, сидящей на коленях у св. Анны, и он повторил и усилил ее в более поздней картине. Подобная композиция — его собственная находка, она больше никем не повторялась. Необычно и то, что, как правило, в композиции Святого семейства обязательно изображался Иосиф. Здесь же перед нами две женские фигуры и две детские фигуры. Все это странно и необычно, явно содержит в себе некое послание, обращенное к нам, — но какое? В самом деле, св. Анна,

мать девы Марии, имела прямое и непосредственное отношение к Св. семейству, в отличие от Иосифа — «обручника», хранителя Мадонны с младенцем. Леонардо демонстративно обошелся без св. Иосифа, Но этого не мог позволить себе его ученик Бернардино Луини.

Никто из художников Возрождения не обращался к подобной композиции. Только Б. Луини, миланский грек, воспроизвел работу мастера в живописи, добавив к ней еще и фигуру Иосифа и дав картине более привычное название — «Святое семейство».

Положим, сидение на коленях в неустойчивой позе занимало художника возможностью уловить и изобразить неустойчивое равновесие, застигнутое в тот самый момент, когда оно вот-вот будет нарушено, приведет к падению.

Художника явно занимала идея «вечной женственности» и процесс поиска ее образа, повторенный в многочисленных рисунках и в некоторых картинах, обрел завершение в знаменитой «Джоконде». Отнюдь не покажется невероятной мысль, что это — портрет самого мастера, примерившего на себя женский облик. Независимые исследователи даже проделали работу, сопоставив при помощи особых компьютерных программ Мону Лизу и автопортрет Леонардо, изобразившего себя в почтенном возрасте. Мона Лиза оказалась почти зеркальным отражением лица гениального мастера. Ее он писал одновременно с работой над лондонским картоном. В нем две ипостаси женственности — цветущая жизнь Марии и стареющая мудрая проницательность Анны, их одухотворенная красота и неуловимая полуулыбка дематериализованы, воспринимаются как душа самой природы, жизни на земле.

И, наконец, самое неожиданное: идею подобной композиции художник мог почерпнуть из античности. В Музее Элевсина хранится небольшая, 0,30 см, мраморная группа с изображением Деметры и Персефоны, причем дочь сидит на коленях матери, положив левую руку ей на плечо. Эта группа, предположительно,

является уменьшенной копией большой статуи конца VI или первой половины V века до н.э.

В описаниях известна мраморная группа Праксителя – Деметра, на коленях ее – Персефона и младенец Иакх. (Павсаний, «Описание Эллады» 1, 2, 4.).

Это говорит не только о глубоком интересе флорентийского гения к античности, вообще характерном для эпохи Возрождения. Интерес его простирался к запретному – догмат непорочного зачатия считал ересью любой намек на то, что все это уже было, причем во времена, когда господствовал культ женских божеств или «двух богинь» Элевсинских мистерий – Деметры и Персефоны. Идея участия космических сил в рождении избранника, обрела головокружительную глубину во времени и, вместе с тем, вечность, присущую самой природе.

Имя «Гвидон» и кельтские друидические мистерии

Но вернемся к пушкинской сказке. Бочку прибило к острову. В центре острова – холм; античные авторы описывают «тумулус», что означает курган, холм, считавшийся гробницей Ахилла. «Видят – холм в широком поле»... Могила – холм или «мировая гора» – в центре острова, где происходит посвящение. Это – не остров мертвых: это остров мистерий. Но каких? Весьма знаменательно имя героя – князь Гвидон. Это имя прямо указывает в направлении кельтской друидической традиции. Герои кельтских сказаний зовутся именами, где присутствует основа «Гви-, Гвид-» – Го-видд, Гвион, Гвиддно, Гвидион.

Повсеместно молодежь, достигнув известного возраста, проходила обряды инициаций – «посвящение во взрослые» (отгелосок – в названии – «аттестат зрелости»). Но для выдающихся умов, ищущих мудрости, существовали особые посвящения – мистерии: вступление в эти тайные братства сопровождалось таинственными и странными ритуалами, исполненными симво-

лических образов и переживаний; в целом они означали «смерть» прежнего тела и «второе рождение», сулящее всеведение и бессмертие.

Свидетельства относительно обычаев, верований и религии кельтов разнообразны и противоречивы. Во всяком случае, античных авторов поражал контраст между жестокими обрядами с человеческими жертвоприношениями и ночными вакханалиями и высоким учением друидов, изложенным в дошедших до нас «Триадах бардов». Барды были своего рода посредниками между друидами — хранителями тайного учения, и народом .

Многое в мистериях друидов напоминало Элевсинские и Вакхические, а также египетские мистерии. Возможно, все они черпали из единого источника. Орден друидов — хранителей и созерцателей вековых тайн — почитался за глубокие познания законов природы, астрологии, географии, медицины, лекарственных свойств трав и деревьев, биомагнетизма и т.д. Наряду с высоким и достаточно абстрактным учением о троичности единого божества и о трех кругах бытия пантеон друидов включал богов, во многом тождественных греко-римским. В свое время это изумило Цезаря, который и произвел соответствующие сопоставления, написав в «Записках о галльской войне», что местные племена поклоняются Меркурию, Аполлону, Марсу и Юпитеру точно так же, как это происходит и в других странах. Авторитет друидов был чрезвычайно высок, и ни одно дело не начиналось без благословения этих патриархов — хранителей вечной мудрости.

Происхождение слова «друид», вероятно, восходит к санскритскому «дру» — дуб, дерево, и означает нечто вроде «лесной мудрец». Примерно таков же его смысл и по-ирландски. Древесные и лесные божества древней Греции назывались дриадами; близко это и русскому слову древо, дерево. Подобное сходство объясняется общими индоевропейскими истоками.

Посвящение включало три уровня или ступени: члены первой назывались Оват или Овидд (древнее Го-видд, Гвидд). Ко вто-

рой ступени принадлежали собственно Барды (Бейрды). В течение долгого, примерно двадцатилетнего испытания они должны были запомнить наизусть двадцать тысяч стихов священной поэзии друидов. Их неизменным атрибутом была арфа: согласно преданию, ее струны были сделаны из человеческих волос, а их число совпадало с числом ребер у человека. Из Бардов выбирались те, кто желал быть посвященным в мистерии Друидов. Третья ступень состояла собственно из Друидов – священнослужителей. Друиды всегда были одеты в белое – цвет чистоты, света, солнца. Из их среды избирался главный Друид – глава Ордена, внутри которого существовал еще ряд степеней. Друиды учили переселению душ, которые, переходя из круга в круг, очищаются и в конце концов будут спасены. Как передавал это Цезарь, «Друиды доказывают, что души не погибают и после смерти они переходят из одного тела в другое. Они думают, что этот взгляд пробуждает в людях смелость, заставляя их презирать страх смерти». Обряды друидов воспроизводили смерть и рождение бога Солнца, что происходило 25 декабря. Посвящению неофита предшествовали различные испытания. Среди них самым серьезным было испытание водой: человека отправляли в лодке в открытое море. После этого он считался «возрожденным к жизни», и ему доверялись истины древней мудрости, хранившиеся среди друидов с древнейших времен.

Отметим попутно, что в Европе культ «лодки мертвых», погребение в лодке особенно развито среди скандинавских народов и вообще северных народов. В Греции такого обряда не было. Правда, согласно древнегреческим представлениям, покойник также переправлялся на тот свет на лодке; но это была река, а не море. Напротив, погребение в лодке было весьма торжественным среди многих северных европейских народов; широко известно подробное описание погребения «вождя русов» в ладье, принадлежащее арабскому путешественнику Ибн Фадлану. Вероятно, по мотивам этих представлений написана картина Арнольда Беклина «Остров

мертвых»: круто вздымающиеся среди морской глади скалы острова, в которых скрыты то ли храмы, то ли крипты, осененные высокими стройными кипарисами, готовы принять белую фигуру-призрак, которая выпрямилась в лодке перед монументальными воротами в вечное пристанище.

Посвящение и дар поэзии

Средневековый ирландский эпос повествует о знаменитом валлийском барде – Талиезине, которому приписываются две замечательные поэмы – «Битва деревьев» и «Сокровища Аннуна». О самом барде нам рассказывают две сказочно-эпические повести «Гвион Бах, или История о Керидвен и волшебных каплях» и собственно «История Талиезина». Эти легенды – драгоценные свидетельства отношения кельтов к мудрости и поэзии, любви и смерти. Согласно первой легенде, у колдуньи Керидвен был сын по имени Морвран («черный ворон»), «угрюмый и ужасный видом как сама тьма». Жили они на острове среди озера. Если мой сын так безобразен, то пусть он будет великим бардом, – решила колдунья. Она собрала нужные травы в тот день и час, когда под влиянием планет они обладали наибольшей силой, и принялась варить их в волшебном котле знания и вдохновения. «И должен был этот котел кипеть день и ночь в течение года и одного дня. В последний день выскочат из котла три капли, хранящие все силы многих трав, и тот, на кого эти капли попадут, станет тотчас искушен во многих искусствах и наполнен духом пророчества. А варево, оставшееся после того к котле, будет самым сильным ядом, какой только может быть на земле...» Чтобы помешивать варево, она поставила к котлу мальчика Гвиона. На исходе года «привела Керидвен своего сына Морврана к котлу и поставила его у огня, чтобы попали на него те волшебные капли. Однако случилось так, что попали они не на Морврана, а на Гвиона...

И тотчас понял Гвион, что знает обо всем, что здесь произошло: и о том, что за травы варила Керидвен, и о волшебных свойствах попавших на него капель. И о том, что ужасна будет месть волшебницы за то, что отнял мальчик дар, предназначенный ее сыну...» Далее описывается бегство и преследование: Гвион благодаря полученным знаниям превращается поочередно в зайца, птицу, рыбу, наконец, в зерно. Этому сопутствует ряд превращений Керидвен, которая в виде курицы склевала зерно. Девять месяцев она носила его в себе, а затем родила мальчика «обратно». На этот раз она не стала его убивать, так как «он был очень красив», а посадила его в коракль (плетеную из ветвей и обтянутую кожей лодку) и пустила по морю. Это произошло за двое суток до Майского праздника²³.

Дальнейшее излагается в «Истории Талиезина»: волны выбросили Гвиона во владения Гвиддно, где его сын Эльфин, отправившись рыбачить, нашел коракль с мальчиком и, увидев яркое сияние вокруг его головы, назвал его Талиезин, что значит «Сияющее чело». Позднее, когда Эльфин был заточен своим дядей-королем в его столице Гвинедд, Талиезин вызволил его, отправившись на поэтическое состязание, где загадал загадки, которые никто не мог разгадать. Традиция приписывает Талиезину знаменитую поэму «Битва деревьев». Считалось, что друиды обладают магической властью превращать деревья в воинов и отправлять их в битву. Однако, замечает Грейвс, в кельтских языках деревья означают буквы; друидические школы находились в рощах и лесах; древнейший ирландский алфавит «Бет-Луис-Нион» (береза-рябина-ясень) назван по имени трех деревьев, первые буквы которых производят буквенный ряд.

В предшествующих легендах инициация в лодке как «второе рождение» символизировалось младенческим состоянием Талиезина. Другая легенда повествует, как Талиезин, уже взрослый, оказался в море; плывя по воле волн, его лодка наконец причалила к берегам владений Гвиддно. Последний принял его как

барда и наставника своего сына Эльфина и наделил его землей. Талиезин, сын Керидвен, считался самым замечательным поэтом своего времени.

Статус поэта у древних кельтов был чрезвычайно высок: это был священнослужитель и судья, его моральному авторитету подчинялись короли. Когда две армии вступали в сражение, поэты обеих сторон с высокого холма выносили суждение о сражающихся, от них зависела слава или порицание, та или иная версия битвы. Уэльское название поэта — «Дервидд», буквально «ясновидец из дубравы», непосредственно восходит к слову «друид». Соответственно, Гвидд, Го-Видд — древнее, первоначальное название неопита, того, кто проходит посвящение. Отправление юного Гвидона, героя пушкинской сказки, в бочке по морю тождественно вышеописанному испытанию в лодке Гвиона-Талиезина в кожаной лодке (вероятно, нечто вроде современной байдарки). Вообще все они относятся к испытанию водой (что, вероятно, аналогично блужданиям в лесу в «Сказке о мертвой царевне»). Бочка, кроме того, символизирует «мировое яйцо», из которого герой выйдет возрожденным. Знаменательно, что лишь на острове герой «нарекся князь Гвидон»: возможно предположить, что это не столько имя собственное, сколько титул посвященного.

Образ Древа мирового является в сказочной поэзии Пушкина трижды: это уже упомянутый дуб на острове; затем в знаменитом стихотворении, через которое поколения российских детей приобщаются к поэзии, — «У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том, и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом». Древо мировое проходит через все три зоны мироздания; его возможности образно-символически могут быть продемонстрированы через посредство зверька, который может взбираться по стволу вверх и спускаться вниз — горноста, белки, кота и т.д. Сказочный Кот — это символический зверек, который, взбравшись по Древу, может побывать во всех трех мирах: поэтому-то он — «кот уче-

ный», знающий множество сказок и песен. И, наконец, одно из чудес, которым гордится князь Гвидон, счастливо царствующий на острове: «Ель растет перед дворцом, а под ней – хрустальный дом: белка там живет ручная, да чудесница какая! Белка песенки поет, да орешки все грызет, а орешки не простые, в них скорлупки золотые, ядра – чистый изумруд». Белка – тот же зверек, который может взбираться по дереву, – «древу мировому», попадая при этом во все три мира: поэтому она – «чудесница», живущая в «хрустальном доме» и разгрызающая золотые орехи с изумрудом внутри (образ мудрости).

Дева-Лебедь

Но кто же Царевна-Лебедь? Этот образ может быть разобран символически на нескольких уровнях. Сказка, сказочные образы, согласно исследованиям Проппа, «сохранили не только следы представлений о смерти, но и следы некогда распространенного обряда посвящения юношества до наступления половой зрелости»²⁴. В простых «возрастных» инициациях герой, пройдя ряд испытаний, получает право жениться, находит невесту. Но на высшем, мистериальном уровне, это – мистериальный брак, олицетворяемый союзом с «божественной» женщиной.

Это брак с Иштар, о котором упоминается в вавилонских сказаниях о Гильгамеше и Саргоне, это брак с «Белой богиней» кельтов, некогда означавший жертвоприношение героя, а в средние века перелившийся в культ «прекрасной дамы», недоступной возлюбленной. Так и Ахилл получает в жены обожествленных Ифигению, Елену или Медею (отметим, что каждая из них была богиней в догреческих культах). В древней Индии это – божественная Шакти, женская ипостась или «сила» бога.

Символический брак – это восстановление целостной природы неопита. Согласно мифу, изложенному Платоном, человеческое существо, изначально андрогинное, было «рассечено» по

воле Зевса на две половинки, и с тех пор поиск родственной половины, родной души, стал поэтическим символом любви и брака. В эзотерических учениях существовала более усложненная точка зрения. Согласно ей, в человеке потенциально присутствуют оба начала — мужское и женское. Однако одно из них подавлено, и потому человек предстает односторонним существом, соответственно — представителем того или иного пола. Мистериальное посвящение пробуждает и восстанавливает в неоплите изначальную целостность, символизируемую мистическим браком обеих его половин — мужской и женской. Один из известных образов — «Химическая свадьба», алхимический трактат розенкрейцеров. Это означает также обретение божественной мудрости, невиданных возможностей и способностей.

Божественной супругой князя Гвидона становится прекрасная Царевна-Лебедь. Образ Лебеда устойчиво связан с северными странами — легендарной Гипербореей и Скифией. Аполлон Гиперборейский появлялся из северных стран на лебединой упряжке. Вергилий в «Энеиде» описывает вождя славянского племени венетов Купавона, шлем которого украшен лебедиными перьями в честь отца его Кикна — Лебеда. Герой древнегерманских сказаний — «король-лебедь» Лоэнгрин — прибывает из неведомых стран в Германию верхом на лебеде. Эсхил упоминает мифических северных дев-горгон с «лебедиными шеями». Он называет амазонок «лебеди». «Лебединые девы» в славянской мифологии — дочери Океан-моря. Отец братьев-основателей Киева Кия, Щека и Хорива звался Орий, Арий, а сестра — Лыбедь, давшая свое имя реке. Танец, подражающий движению плывущего лебеда, сохранился до наших дней.

Во «Влесовой книге», во многом раскрывающей смысл древних названий, часто упоминается «Птица-мать Сва». Простейшее сопоставление со словами, обозначающими лебеда в ирландском, английском и немецком языках (swan, schwan)

подтверждает, что это не что иное, как лебедь (учтем такую особенность русского языка, как отсечение последнего согласного — «Дажьбо» «вместо «Дажьбог», «спасибо» вместо «спасибог» и т.д.). У женского божества естественно предположить служительниц, которые могли именоваться дева-лебедь, лебедушка. Подобные союзы сохранялись у древних греков: группы участников религиозного культа носили имя какого-либо животного, связанного с божеством. Само по себе это является пережитком отдаленного прошлого, когда само божество мыслилось в зверином или птичьем образе, позднее же животное стало его спутником или атрибутом — змея и сова Афины, кони Посейдона, быки Диониса и т.д. Участницы праздника Артемиды Бравронской рядились медведицами, и т.д. «Такого рода сакральные прозвища зооморфического характера, — замечает И.Толстой,— часто, но не всегда могут служить указанием на старинные представления о божестве, мыслившемся в зверином образе. Элемент ряжения необходимо сопутствовал культу таких божеств; рядясь определенным животным, верующий уподоблялся богу, принимая на себя личину его: в момент священного маскарада поклонники бога становились сами подобиями его, принимая вместе с обликом божества его звериное имя»²⁵.

Наконец, существовали инициации не только юношей, но и девушек. Давно высказано мнение, что амазонки составляли некий «орден», служивший Лунной богине. Греки, сохранившие множество преданий об амазонках, дали свой перевод этого слова, окончательно запутав вопрос. Они считали, что воинственные амазонки, обучаясь стрельбе из лука, прижигали грудь, чтобы она не мешала натягивать тетиву: отсюда якобы и пошло слово «а-мазос, амазонки», то есть безгрудые. О бессмысленности и неправдоподобности такой трактовки косвенно свидетельствует то, что в изобразительном искусстве амазонки неизменно прекрасны, грудь их не изувечена, а согласно легендам они вступали в брачные союзы и привлекали сердца

греческих героев — Тезея, Геракла, Ахилла. Наконец, техника натягивания лука у варваров предполагала иные точки упора, нежели грудь, — в том числе на уровне уха. Важное свидетельство на этот счет мы находим у Прокопия Кесарийского — историографа времени Юстиниана (VI в. н.э.). В сочинении «Война с персами» он пишет, что описанные еще Гомером лучники составляли низший разряд войска; они шли в бой пешими и не имели щита, чтобы укрыться; но главное — «они нерадиво владели своим искусством; притянув тетиву к груди, они пускали стрелу слабую и совершенно безопасную для того, в кого она попадала»²⁶.

Нынешние же лучники, — продолжает он, — прекрасные наездники, пускающие стрелы на полном скаку, и искусство стрельбы иное: «Лук они поднимают до лба, а тетиву натягивают до правого уха, отчего стрела пускается с такой мощью, что всегда поражает того, в кого попадает, и ни щит, ни панцырь не могут отворотить ее стремительного удара»²⁷. Но эта техника стрельбы из лука привнесена в византийское войско северными варварами, составившими его ядро и ударную силу. Следовательно, можно сказать, что древние греки погрешили против истины, как минимум, дважды: мало того, что они объяснили неясное для них слово «амазонка» из греческого языка, сделав их «безгрудыми»; они еще и приписали им собственную малоэффективную технику стрельбы из лука, при которой тетива натягивается на уровне груди. Среди северных скифских народов, к которым принадлежали амазонки, грудь отнюдь не оказывалась помехой стрельбе из лука согласно способу, описанному Прокопием.

Существует иная версия, высказанная впервые французским исследователем древнейших народов и культур северного Причерноморья и Крыма Моро де Жоннесом в XIX веке. Он указывает, что слово «альма» — дева, вполне могло проникнуть сюда вместе с финикийскими мореплавателями задолго до греков. Правда, здесь возникает проблема сочетания двух корней, одного

из индоиранского, другого — из семитского языкового семейства. Однако дальнейшие исследования показали, что некогда носители этих языков жили поблизости, и в их языках осталось немало заимствований. Лишь впоследствии, после распада первоначально единой культурно-языковой общности и долгого раздельного проживания, сформировались отдельные грамматики и различия стали весьма глубокими. Но с тех пор как наука предположила, что предки финикийцев, халдеев, евреев и арабов некогда проживали в близком соседстве с предками эллинов, латинян, кельтов и скандинавов, нет ничего удивительного в том, что значительное число терминов и обозначений перешло из одного языка в другой или было первоначально заимствовано из праязыка. В книге Олава Рудбека «Атлантика» содержится немало примеров любопытных совпадений между семитскими и североευропейскими языками. Слово «Альма» в пуническом языке означало «дева»; видимо, оно перешло к скифам и пелазгам и сохранено ими по причине его сакрального значения, полагает Моро де Жоннес²⁸. Добавим, что «альма» в значении «благая», божественная, сохранилось как эпитет в латыни — «альма матер», «Альма Венус». Действительно, это название сохранилось в нескольких местах в Крыму — это Алма-Кермен, река Альма, долина Алмалык и пр.; в других же оно было заменено переводом «девы» на греческий — Партенит, Партениум и т.д. На утесах и вершинах Тавриды находились святилища, посвященные Лунной богине, которой служили жрицы-девственницы.

Дюбуа де Монпере, желая пролить свет на вопрос — где именно помещали Криуметопон — Бараний лоб — древние, дает разбор скупых фрагментов текста о побережье Крыма между Феодосией и портом Символов — Балаклавой. Античной географии, подчеркивает он, были известны здесь лишь две горы и два города — Афинеон и гора Трапезус, Ламбада (Ламбат) и гора Криуметопон. Он обращается к тексту Скимна Хиосского, писавшего за столетие до н.э., и к тексту Арриана,

писавшего через 100 лет н.э. Первый упоминает город Лампады (селения Биук и Кучук-Ламбат). Арриан употребляет это название в следующем тексте: «От пустынного порта Тавроскифов до Альмитис Таврического – 600 стадий, и от Лампас до порта Символов 520 стадий». Отсюда видно, заключает Дюбуа, что эти два места, Альмитис и Лампас либо составляют одно, либо расположены достаточно близко, поскольку одно название употребляется вместо другого»²⁹. По-видимому, продолжает он, Аю-Даг или Медведь-гора, или Биук Кафель и есть «Бараний лоб или Криуметопон древних, и что этот мыс и есть место действия рассказов Геродота и Скимна об Ифигении; именно сюда прибыла она после жертвоприношения в Авлиде.

Так Альмитис Таврический, упомянутый Аррианом – вероятно, местное название Святилища, которое греки называли Партеит, то есть Девичий. Это подтверждает высказанное выше предположение о том, что его догреческое, местное название, подчеркнутое эпитетом «Таврический» восходит к слову Альма – Дева. Тогда и крепость Алма-Кермен в устье реки Альмы обретет смысл – не «крепость-яблоко» или «река-яблоко», а Девичья крепость, которых мы уже насчитали немало в этом краю. Рискнем высказать и еще одно предположение. Выше упомянуто, что селение Лампады и Альмитис, возможно, составляют одно. Выводя смысл слова Лампас, Лампада из греческого, обычно связывают это с факелом или маяком. Но если здесь жили тавры и скифотавры, то и название это бессмысленно выводить из греческого. Вот как звучало оно у арабского географа XII столетия Эдризидина: Лебеда, *urbs Lebedah*. В свете всего, что уже было сказано выше о Деве и о Лебеде, соседство этих двух названий дает словосочетание, о котором, наверное, проницательный читатель уже догадался – Дева-Лебедь!

После этих предположений не будет слишком дерзким расшифровать «амазонка» как «альма-сван», дева-лебедь, белая дева –

название, относимое оракулом к служительницам Афины и Артемиды. И это тем более убедительно, что еще не слишком далеко разошедшиеся славянские и германские языки в древности сохраняли понятное для обоих название лебедя — «птица-мать Сва» Влесовой книги. Подобное сближение мы находим и в «Эдде», где «Swanhit» имеет смысл «Девы-лебедя». Созвездие с этим именем могло представлять божественного предка, помещенного на небо в древности.

Представляет интерес еще одно соображение, выдвинутое Моро де Жоннесом. В иероглифике знак орт означал лебедя. Если воспользоваться этим переводом Шампольона, то оно дает точное объяснение частоты слога «оп» в именах нимф: Антиопа, Астеропа, Халкиопа, Мериопа, Европа и т.д. Первая — королева амазонок, четыре остальные — дочери Атласа, ставшие супругами богов и родоначальницами народов Греции.

Лебеди изобилуют в озерах Крыма и полуострова Таманского, пишет Моро де Жоннес, и это нередко отмечалось путешественниками. Известный исследователь Дюбуа де Монпере поэтически описывал их стаи, взлетающие над зарослями тростника.

Итак, может быть выстроена цепочка в духе «логики мифа», прихотливой и своенравной. Дева-лебедь — алма-суон — служительница Лунной богини — Девы, Артемиды, трехликой Гекаты, а возможно, малоазийской Кибелы. Ифигения, оказавшись в Таврике, претерпела существенное изменение: Артемиды, согласно античному автору Никандру, превратила ее в вечно юное и бессмертное существо, с переименованием в Орсилохию (вероятно, одно из имен богини Девы). Согласно другим версиям, Ифигения по решению Артемиды становится божеством — Гекатой (вероятно, ипостась той же таврской Девы). Главное божество выступает в мужской и женской ипостаси: вот почему в греческом «переводе» перед нами оказалась пара богов с греческими именами — Ахилл-Понтарх — Ифигения. Другая традиция избирает в подруги владыки острова самое Лебедь, превращая ее в «Царевну-Лебедь».

Однако Лебедь, приняв женский облик, несет на себе божественные знаки — «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит», благодаря которым мы безошибочно узнаем в ней «Лунную богиню», являвшуюся под именами Артемиды, Ифигении, таврской Девы, Царевны-Лебедь...

Остров мистерий

В пушкинской сказке дана и топография острова: «А теперь нам вышел срок, едем прямо на восток, мимо острова Буяна в царство славного Салтана». Остров Белый — единственный крупный остров Черного моря, следуя мимо которого в восточном направлении, можно попасть в Таврику, в Боспорское царство, в Тамань и раннесредневековое Тьмутараканское княжество и т.д.

Приведенная реконструкция мифа-сказки раскрывает «чудный остров» как остров мистерий, где растет Древо мировое; посвящаемый, пройдя символическую смерть, обретает «второе рождение». Разумеется, только по мере угасания обряда складывалось повествование о нем — миф, сказка — которая, воспроизводя многие детали ритуала и то, что при этом рассказывалось посвящаемым как величайшая тайна, — уже многое в самом обряде не понимала. Распад общественного института инициации, подобно фейерверку, рассыпал по миру волшебство сказочных сюжетов и образов. Им суждена была долгая жизнь в мире человеческой фантазии. Сами же мистерии перешли на иную ступень, уйдя в тень и сохраняя свои сокровища для немногих избранных; но это уже другая история.

Словоохотливость греков в своем роде прямо пропорциональна забвению первоначального сакрального символического смысла ритуалов, угасанию мистерий. Поэтому неслучайно «чудный остров» превращался в царство мертвых, который непременно должен был посетить посвящаемый; вторая же половина обряда — возрождение — отсекалась. И это понимание, более близкое секу-

ляризованной «светской» науке, постарались закрепить ее предшественники, хотя скрупулезный и тщательный анализ материала, безусловно, является их большим достоинством.

Каким образом в русскую волшебную сказку попала кельтская друидическая традиция? О следах присутствия кельтов в Малой Азии и северном Причерноморье в античную эпоху говорилось выше. Для начала нашей эры таких следов сохранилось больше. Исследователями отмечены свидетельства соседства готов и кельтов в языке в период миграции готов на юг во II–III веках н.э. Ф. Браун в труде «Розыскания в области гото-славянских отношений» (Спб., 1899) констатирует «присутствие более или менее значительных поселений кельтских в соседстве с готическим районом, то есть в южнорусских степях»³⁰. Наконец, известный исследователь Крымской Готии Васильев приводит многочисленные свидетельства того, что «кельтский элемент проникал в той или иной степени на Крымский полуостров»³¹.

Итак, легенда о чудесном Белом острове сложилась на основе культурных традиций различных народов, обитавших в то или иное время вокруг Черного моря. Продолжение этих изысканий может обнаружить и другие не замеченные нами подробности, видоизменить трактовки. На эту легенду могли бы претендовать вместе с греками и потомки готов, кельтов, славян. Но, пожалуй, вернее было бы отнести ее первоначальный вариант к их общему наследию, которое некогда входило в Мистерии и только в них может обрести свою подлинную расшифровку, смысл которой мы постарались прояснить в самых общих, доступных нам чертах.

Примечания

- ¹ Лернер Н.О. Пушкинологические этюды / Звенья. Т. 5. Academia, М.Л., 1935. С. 105–108.
- ² Мурьянов М.Ф. Магический кристалл // Пушкинский временник. 1967–1968. М., 1970. С. 92–95

- 3 *Матвеевский Б.* Магический кристалл // Декоративное искусство СССР. М., 1988. № 10. С. 35–37.
- 4 *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина. Изд. 5-е. М., 1964. С. 232.
- 5 *Пропн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1948. С. 148.
- 6 *Graves R.* The White Goddess. L., 1972. P.16.
- 7 Ibid. P. 66.
- 8 *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 11.
- 9 *Мурзакевич Н.Н.* Поездка на остров Левку или Фидониси, в 1841 г. // ЗООИД. 1844. № 1. С. 552–554.
- 10 *Хоммель Х.* Ахилл – бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 112–121.
- 11 *Ростовцев М.* Новая книга об острове Белом и Таврике // Имп. Археологическая Комиссия. Вып. 8, 1916.
- 12 *Dumezil G.* Ideologie indoeuropeenne. P., 1964
- 13 *Пушкин А.С.* Сказка о царе Салтане... // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. Изд. 4-е. Л., 1977. С. 320
- 14 *Пропн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1948. С. 245.
- 15 *Дортелли д,Асколи.* Описание Черного моря и Крыма // ЗООИД, 1902. Т. 24. С. 75.
- 16 *Плиний Старший.* Естественная история. Кн. IV, XXVI, 7 / Histoire Naturelle de Pline. Avec la trad. en francais par M.E. Littré. T. I. 1848.
- 17 *Скржинская Т.Н.* Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи 7–6 вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 93.
- 18 Там же. С. 95.
- 19 Сорок девушек / Пер. А.Тарковского. М., 1951.
- 20 Неверное прочтение «коз» как «гез» или глаз, в сочетании с «кок» – синий – дало «синий глаз»; именно эту трактовку воспринял известный придворный архитектор Краснов, используя ее качестве символа дворца в Коккозе: таков пристенный фонтан, где из огромного майоликового синего глаза струилась вода.
- 21 Предки Чингис-хана // ЖМНП, 1843. Отд. II. С. 29–31.
- 22 *Демин В.* Прародина Руси. С. 183.
- 23 The Mabinogi and other Medieval Welsh Tales. Transl. By P.K. Fard. Berkely, Los Angeles. London, 1977.
- 24 *Пропн В.Я.* Указ. соч. С. 59.

- ²⁵ Толстой И.И. Указ соч. С. 96.
- ²⁶ Прокопий Кесарийский. Война с персами, война с вандалами; тайная история. М., 1993. С. 12.
- ²⁷ Прокопий Кесарийский. Указ. соч. С. 16.
- ²⁸ Moreau de Jonnes. L'Océan des anciens. P. 1873. P. 207–298.
- ²⁹ Dubois de Montpereux Fr. Op. cit. P. 7.
- ³⁰ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899. С. 34.
- ³¹ Vassilieff M. The Goths in Crimea. Cambridge (Mass.), 1936. P. 54.

Иллюстрации

*к главе 4. ЛЕГЕНДА ОБ АХИЛЛЕ-ПОНТАРХЕ,
БЕЛОМ ОСТРОВЕ И ИФИГЕНИИ ТАВРИЧЕСКОЙ*

*Ахилл, покровительствуемый Афиной, наступает на Гектора.
Кратер, 490 г. до н.э. Британский музей, Лондон*

*Приам (слева) молит Ахилла отдать ему тело Гектора.
Гидрия, 510 г. до н.э., Мюнхен*

*Нереиды оплакивают Ахилла. Гидрия. 5 в. до н.э.
Лувр, Париж*

*Ахилл мчится над морем на остров Левка.
Амфора. 540 г. до н.э. Британский музей, Лондон.
Герой "Илиады" одновременно почитался в северном Причерноморье и Крыму
как Ахилл-Понтарх, "владыка моря"; центром его культа был остров Левка
или Белый (близ устья Дуная)*

Ифигения ведет Ореста и Пилада к алтарю. Вазопись, прорись

Античная композиция Артемиды заменяет Ифигению на алтаре ланью, а девушку переносит в Тавриду, где она становится ее жрицей. Согласно другой версии мифа она становится супругой Ахилла-Понтарха

*Жертвоприношение
Ифигении. 1632–1633.
Ж.-Ф. Перье.*

*Артемида спасает Ифигению. 1757.
Худ. Карл ван Лоо,*

*Ифигения – жрица в Тавриде.
Фреска в Помпеях*

Ифигения в Тавриде. 1893.

Худ. В. Серов.

*Государственный музей
изобразительных искусств
Республики Татарстан*

Ифигения в Тавриде. 1871.

Худ. А. Фейербах.

*Государственная галерея,
Штуттгарт.*

*Ифигения, тоскующая
по родине — излюбленный
сюжет художников и поэтов*

Портрет Пушкина. 1827.

Худ. В.А. Тропинин. Музей А.С. Пушкина, Москва.

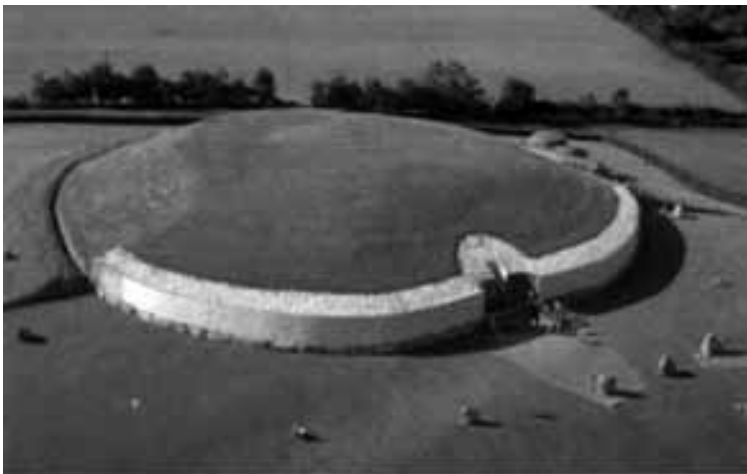
По рассказу художника, он рисовал Пушкина таким, «как он бывал чаще...», в домашнем его халате, расстеганного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце одной руки, перстнем, которому поэт придавал особое значение».

Пушкинский перстень с изумрудом

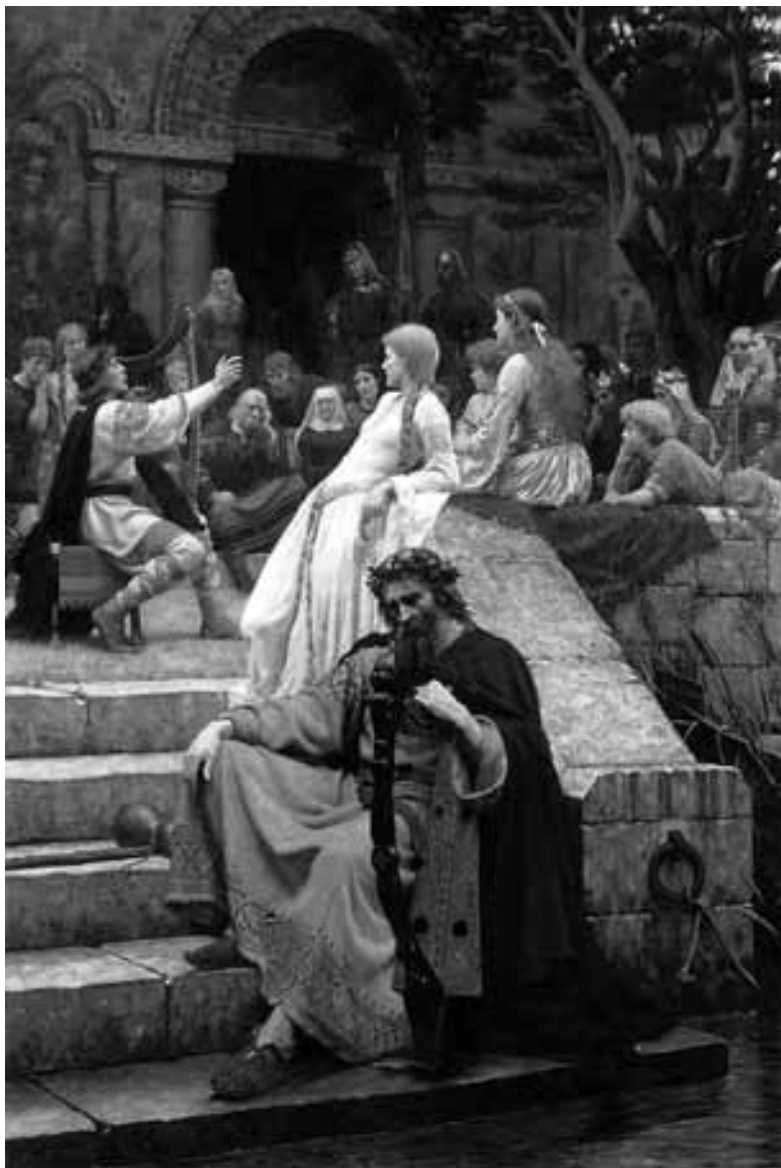
Магический кристалл

Ньюгрейндж — современный вид. Холм-курган в Ирландии, неподалеку от Дублина, с погребальной камерой и ведущим туда коридором воздвигнут около 5 тыс. лет назад. Сегодня его окружили бетонной стеной, чтобы предохранить от разрушения земляную насыпь, а камни, которыми он был обложен по основанию, разместили вдоль стены

Нью Грейндж. Коридор во внутреннюю камеру, освещенный солнцем в дни зимнего солнцестояния

*Бард в замке (Увядающие лавры). 1889.
Худ. Эдмонд Блэр-Лейтон*

*Праздник в Стоунхендже.
Литография XVIII века*

*Современные друиды.
Праздник в Стоунхендже. Фото*

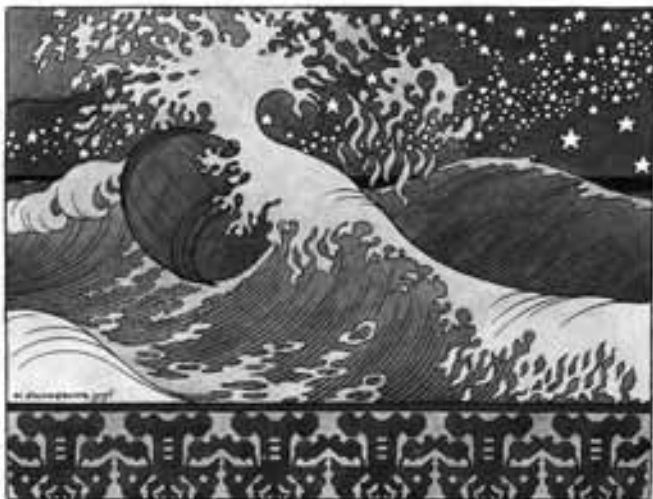
*Друиды.
Прорисовка древнего барельефа*

*Мегалитическое святилище
Эвбери близ Стоунхенджа.
III-е тыс. до н.э.
Реконструкция*

*Бретань. Менгир —
вместилище энергии,
в силу которого и сегодня верят
бесплодные женщины*

Бочка по морю плывет. 1905 г. Худ. И. Билибин.

Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане».

Государственный Русский музей, С.-Петербург.

Фольклорная традиция с удивительным постоянством хранит черты обрядов инициации с прохождением через символическую смерть: сюда относится плавание в бочке, лодке и т. п., по морю, в особенности характерное для кельтских народов

Акрисий велит заключить свою дочь Данаю с сыном Персеем в ящик и бросить в море. Вазопись

*Богоматерь с младенцем, со св. Анной и Иоанном Крестителем. 1499–1500.
Худ. Леонардо да Винчи.
Национальная галерея, Лондон*

*Мадонна с младенцем и св. Анной. 1509–1510.
Худ. Леонардо да Винчи.
Лувр, Париж*

Остров мертвых. Худ. А. Беклин. 1880 г.

Художественный музей, Базель.

Зеленый, Стекланный остров, остров Авалон - таковы кельтские представления о загробном мире. Поэтому обряд погребения в лодке, образ "лодки мертвых", плывущей по морю к острову, особенно характерны для североευропейских народов

Остров Св. Георгия с монастырем близ берегов Черногории

Чудный остров.

Худ. И. Билибин, 1905 г.

Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане». Государственный Русский музей, С.-Петербург.

Глава 5

ТАВРИЧЕСКО-ТРАПЕЗУНДСКИЕ ИСТОКИ ГЕРАЛЬДИКИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

*Российский герб и обстоятельства его принятия в конце XV века.
Двуглавый орел в Трапезундской империи и в княжестве Феодоро.
Сакральные истоки геральдики двуглавого орла. Геральдика двуглавого орла
в западноевропейской традиции.*

Российский герб и обстоятельства его принятия в конце XV века

С символами, этим древнейшим языком культур, нередко приходится наблюдать характерное явление: на первый взгляд кажется, что большая часть их сложилась на территории Западной Европы, однако при внимательном изучении выясняется, что истоки их, как и первоначальный смысл приводят нас на земли, входившие в состав Византии. Более того, разграбление ее богатств и в особенности Константинополя во время недоброй памяти 4-го крестового похода в 1204 году, приведшее к перенесению многих реликвий на Запад, способствовало тому, что вторичное место их бытования во многих случаях принималось за исходное. В полной мере это проявилось в истории становления символа двуглавого орла, ставшего гербом, впервые употребленным в качестве такового именно на Западе.

Существует общепринятая точка зрения относительно появления в России нынешнего герба. Это произошло после женитьбы Ивана III на Софии Палеолог, племяннице последнего византийского императора. В действительности дело обстояло сложнее.

Византия употребляла в качестве герба крестообразно разделенный щит с четырьмя буквами «В» меж ветвей креста. Двуглавый орел, избранный Палеологами в качестве фамильного, на закате Византии приобрел значение государственного герба. Его

унесли Палеологи в изгнание; его восприняла Русь как символ духовного наследования «странствующего царства».

Иван III употребил его в качестве государственной печати только спустя два десятилетия после брака с Софией.

Так возникла точка зрения, согласно которой принятие двуглавого орла в качестве государственной печати имело в качестве непосредственной причины реакцию на дипломатические шаги Габсбургов и их посланцев в отношении Москвы. Другими словами, великий князь московский обнаружил, что император Священной Римской империи использует на государственной печати двуглавого орла, причем его сын и наследник имеет право лишь на одноглавого; в ответ на это он также стал использовать аналогичный герб. Этим способом Иван III подтвердил свое равенство с Фридрихом III. Неявно это подразумевало также, что Иван III принял византийское наследство, хотя эти претензии он не обнаружил ни словом, ни делом.

К этому времени Россия, освободившаяся от татаро-монгольской зависимости, привлекала внимание Запада, который был заинтересован в ней как в союзнике. В 1486 году знатный рыцарь по имени Николай Поппель приехал в Москву с письмом Фридриха III без всякого особенного поручения, единственно с познавательной целью. «Я видел, — говорил он, — все земли христианские и всех королей; желаю узнать Россию и Великого князя». Встречен он был с недоверием. Однако Поппель, благополучно выехав из России, через два года вернулся уже в качестве императорского посла с грамотой от Фридриха III и сына его, короля римского Максимилиана.

В ходе визита Поппель допустил ряд неверных шагов, настроивших против него московский двор. Он начал с того, что попросил частной аудиенции с великим князем, на что получил ответ, что бояре должны присутствовать. Следующим неловким шагом Поппеля было предложение выдать одну из дочерей Ивана III за племянника Фридриха III — маркграфа Баденского; он даже высказал желание увидеть ее, чтобы сообщить об этом в своем от-

чете. Это было сочтено унижительным московской стороной, вызвало немало толков и привело к серьезным последствиям. После брака великого князя с Софьей Палеолог, возвысившего его статус, вспомнили и другие прецеденты. В 1483 году старший сын князя Иван Молодой женился на дочери Стефана Великого, господаря Молдавии. В 1495 году дочь князя Елена вышла замуж за великого князя Литвы Александра. Поэтому великий князь Иван считал, что только сын и наследник императора — «кесаря римского» достоин руки великой княжны московской и что не подобает ему соглашаться на другого жениха — маркграфа или принца. В этом также проявлялось стремление подчеркнуть равенство статусов с Фридрихом III. Впоследствии было принято решение, что только царствующие монархи или их наследники могут претендовать на руку великокняжеской дочери.

В истории осталась третья аудиенция, в ходе которой посол сказал: «Мы слышали, что ты, Государь, требовал себе от Папы королевского достоинства; но знай, что не папа, а только император жалует в короли, принцы и в рыцари. Если желаешь быть королем, то предлагаю тебе свои услуги». Ответ Иоанна исполнен благородного достоинства:

«Государь, Великий князь, Божию милостью наследовал державу русскую от своих предков и поставление имеет от Бога, и молит Бога, да сохранит оную ему и детям его вовеки; а поставления от иной власти никогда не хотел и не хочет»¹.

Стремление московского князя подчеркнуть свое равенство с императором Священной Римской империи проявилось и в вопросе о статусе жениха, предлагаемого его дочери. В инструкциях послу ко двору Фридриха III накануне его отбытия в марте 1489 года Иван III говорил: если заговорят о браке его дочери с маркграфом, племянником императора, то следует отвечать, что это не годится, так как наш господин — великий государь над многими землями. Если Габсбург будет упорствовать, то следует выдвинуть решающий аргумент: Московские правители — потомки

древнего рода. (Этим Иван давал понять, что его род древнее, чем у Габсбургов.) Более того, русские князья на протяжении многих поколений жили в дружбе и любви с прежними императорами, которые «отдали Рим папам, а сами жили в Византии». И в последние дни существования империи отец Ивана III Василий II «жил в братстве, дружбе и любви» с императорами. Тетка Ивана III Анна была супругой императора Иоанна VIII Палеолога. «Может ли такой великий государь выдать свою дочь за маркграфа?» Если же Габсбург согласится на брак своего сына, пусть вышлет посольство для дальнейших переговоров.

Может показаться странным, что в инструкциях послу, греку Тарханиоту Иван III не упомянул о своем брачном союзе с Софьей Палеолог. Возможно, это и так было всем известно; возможно и другое — ведь Софья не была дочерью императора или хотя бы царствующего монарха. Она, по сути, была сиротой, нашедшей покровительство у Папы Римского.

После победы над ханом Ахматом в 1480 году и освобождения от власти Орды можно было ставить вопрос о равенстве статуса с европейскими государствами, и прежде всего с Габсбургским двором. Усложнился княжеский титул, в котором все чаще употребляется формула «великий государь, царь всея Руси»; по возвращении Юрия Тарханиота вместе с послом от Габсбурга Делатором великий князь проявил особую заботу о церемониале его приема и ввел новую государственную печать — двуглавого орла — в 1490 году. Возможно, дополнительным стимулом для него было то, что Фридрих III уже ввел имперскую печать с изображением двуглавого орла в 1442 году. Но здесь Иван III отнюдь не копировал Габсбурга. Он стремился показать, что имеет больше прав на эту эмблему, чем австрийский император. Нельзя отрицать, что это соперничество ускорило принятие эмблемы в качестве государственной печати. Но изображение на ней отнюдь не копировало габсбургское. Образцом для нее послужили именно византийские изображения.

*Двуглавый Орел
в Трапезундской империи
и в княжестве Феодоро*

Проследивая историю изображений двуглавого орла, древнего священного символа, мы встречаем его на самых различных предметах — на тканях, в камне, в металле и т.д. Западноевропейские рыцари в своих походах на Восток познакомились с ним: некоторые стали употреблять его в качестве фамильного герба. В самой Византии он был особо избран в качестве фамильной эмблемы последней царствующей династией Византии — Палеологами. В ходе их почти двухсотлетнего царствования он только проделывал путь превращения в герб; парадоксально, но это превращение двуглавлца в государственную эмблему гораздо раньше произошло в южнославянских странах (Болгария, Сербия, Румыния), а также в княжестве Феодоро в Крыму.

Начнем с малоизвестных изображений, иллюстрирующих этот процесс. Среди относительно недавно опубликованных в Болгарии карт Черного моря из архивов Ватикана оказалась Венецианская карта-портюлан 1321 года. В соответствии с вкусами времени, она была украшена флагами-штанدارтами с изображением гербов и эмблем государств, окружавших Черное море. В целом она дает любопытную картину расстановки политических сил на начало XIV века. В Северном Причерноморье, включая Крым, господствуют флаги с тамгой Золотой Орды; кроме того, в Крыму — штандарт Генуэзской республики с крестом; в западной части Южного Причерноморья — штандарт Венецианской республики. И, наконец, самое интересное: в Трапезундской империи главенствует штандарт с двуглавым орлом, тогда как Палеологовская Византия, точнее Константинополь, представлен эмблемой с крестом и четырьмя буквами В (Василевс). Итак, в собственно Византийской империи двуглавец — эмблема еще фамильная, а в осколке этой империи — Трапезунде — уже государственная.

Имелся двуглавый орел и на монетах трапезундских императоров Алексея III (1349-1390) и Мануила III (1390–1416).

В свою очередь, правители Трапезундской империи из династии Великих Комнинов считали своими «заморские владения» («параталассия») – Юго-Западный горный Крым, бывшую фему «Херсон и Климаты», на землях которой в XIV–XV веках образовалось княжество Феодоро. Правители княжества из знатного армянского рода Гаврасов, выходцев из области Халдия в Малой Азии, гордились родственными отношениями с Комнинами, Кантакузинами, Палеологами. Из них наиболее известен по византийским и гегуэским документам и эпиграфическим памятникам князь Алексей. Его имя увековечено в нескольких сохранившихся каменных плитах со строительными надписями и обломках плит, где читается его монограмма. Две лучше других сохранившиеся надписи – в честь восстановления дворца на горе Мангуп 1425 года и храма с крепостью в Инкермане (Каламита) 1427 года – украшены монограммой Алексея и Палеологовским двуглавлем. Характерно, что обе головы орла увенчаны коронами. Из надписей следует и его титул: «Господин Алексей, владетель (ауфент) Феодоро и Поморья».

Княжество Феодоро занимало видное место в Восточной Европе, и княжеский дом заботился об укреплении династических связей. Согласно документам, дочь князя Алексея – Мария в 1426 (1429?) году была выдана замуж за деспота Давида, позже ставшего последним императором Трапезундской империи, завоеванной в 1461 году турками. Женой сына Алексея Иоанна в 1434 (?) году стала Мария Палеологиня Асана, брак состоялся в Трапезунде. Появление двуглавца, сообразно обычаям того времени, трактовалось как указание на династические браки между Мангупским домом и домом Палеологов. Однако с уверенностью можно назвать уже упоминавшийся брак Марии, дочери Алексея, с Давидом Комнином в 1426 году. Дом Великих Комнинов находился в родстве с домом Палеологов, но этот брак еще не оправдывает

присвоение мангупскими династами родового герба Палеологов. Кроме того, «василисса Кира Мария» «прибыла из Готии и была повенчана с деспотом Давидом» спустя год или три после того, как двуглавый орел появился на надписях в первой четверти XV века. Основанием для помещения герба мог быть, скорее всего, личный брак с Палеологиней самого Алексея, однако сведения об этом отсутствуют.

Сравнительно недавно в крепости Фуна близ Алушты была найдена еще одна плита 1459 года с греческой надписью, монограммами и интересующим нас гербом с двуглавым орлом, принадлежавшая последнему князю Феодоро — Александру. На плите помещены монограммы владетелей княжества — предположительно, слева направо идет монограмма князя Алексея, в центре — правящего князя Олубея, в конце — монограмма Александра как владетеля крепости и наследника Феодоро. Особый интерес представляют два геральдически оформленных щита по краям плиты — справа изображен уже хорошо известный нам двуглавый орел в его мангупской версии — с соединяющей две главы орла сердцевидной фигурой, а слева, в начале, — крест в круге с надписями в четырех отделениях IC XC и NI KA (побеждай). Этот знак отсутствовал в геральдике Алексея старшего; вместе с тем в поздней Византии он чаще употребляется на правах печати или герба. Появление такого изображения спустя шесть лет после падения Константинополя (1453) может рассматриваться как подчеркнутый символ духовной преемственности византийского наследия.

Укрепление династических связей княжеского дома продолжалось. Дочь князя Исаака — Мария стала женой Стефана III Великого воеводы, господаря Молдавского, который оказывал упорное сопротивление турецкой экспансии. Посредством брака с Марией, чья семья была в родстве с Палеологами и Трапезундскими Комнинами, Стефан Великий, как считают румынские историки, мог претендовать на византийский трон в случае, если бы ему удалось нанести туркам поражение и изгнать их из Евро-

пы². Энергичные усилия молдавского князя по созданию антитурецкой коалиции подогревались не только надеждами на то, что он сможет сыграть в ней ведущую роль. Согласно представлениям того времени, династический брак с Марией Мангупской — «Палеологиней», как ее величали, — в особенности после падения Константинополя обеспечивал ему особые права на византийский престол как защитнику православия.

Торжественный приезд Марии в Молдавию в сопровождении брата Александра в сентябре 1472 года отмечен в хрониках. Судьба ее сложилась печально. На третий год ее замужества обрушилось, как гром, страшное известие о падении Каффы, о захвате турками после жестокой осады Феодоро-Мангупа и гибели ее родных. После этого Стефан утратил надежду на то, что он когда-нибудь станет владеть Феодоро. Несчастливая Мария, княжна Мангупская, скончалась в 1477 году в возрасте 27 лет. Перед смертью она одарила свою новую родину замечательным шедевром, который сохранился до наших дней в монастыре Путна, где находится ее гробница: это собственноручно вышитая ею шелковой нитью и жемчугом по красному шелку погребальная пелена. На ней в фас представлен портрет княгини в византийском парадном одеянии, в окружении символических знаков царственного достоинства. Самыми важными являются размещенные по углам пелены монограммы Палеологов и Асанов и дважды — двуглавого орла³. Сохранился и другой дар благочестивой Марии — икона Божией Матери, подаренная монастырю Григориат на Афоне и сохранившаяся до наших дней. Особый интерес для нас представляет надпись на прикрепленной к иконе серебряной пластине с молитвой и титулатурой дарительницы — «господарыни Молдовлахии Марии Палеологини, супруги господаря Стефана Великого». Эта чтимая икона прославилась тем, что она дважды во время разрушительных пожаров, находясь в страшном пламени, осталась невредимой⁴.

Так сохранились за пределами Таврики два шедевра, свидетельствующие как о высоком искусстве, процветавшем в княже-

стве Феодоро, так и о его тесных династических связях. Согласно сохранившимся русским документам, в 1472–1473 годах велись переговоры о женитьбе сына Ивана III на мангупской княжне, дочери князя Исаака. Это было время активных союзнических отношений с крымским ханом Менгли-Гиреем и начало контактов с княжеством Феодоро. В свете рассуждений того времени династический брак сына Ивана III с феодоритской княжной закреплял бы право претендовать на еще реально сохранявшийся независимость осколок византийского наследства. Подобными же рассуждениями руководствовался и молдавский господарь, воевода Стефан Великий, беря в жены феодоритку Марию Мангупскую — «Палеологию». Волею судеб они оказались в союзе и родстве через дочь Стефана Елену Стефановну Молдавскую, ставшую женой сына Ивана III.

Родство с византийскими принцессами символизировало преемственность Византийской империи и «святой Руси», отныне становившейся хранительницей православия и империи. Невесту Ивана III Софью Палеолог, племянницу последнего византийского императора, советники князя и он сам рассматривали как «отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда все христианство православное, неразделенное»; говорили, «что сей благословенный союз, напоминая Владимиров (брак князя Владимира с царевной Анной, сестрой византийских императоров, и крещение Руси в 988 г.) сделает Москву как бы новою Византиею, и даст монархам нашим права императоров греческих»⁵. Историк В.О. Ключевский назвал этот брак «политической демонстрацией», которой заявляли всему свету, что царевна и наследница павшего византийского дома перенесла его державные права в Москву как в новый Царьград, где и разделяет их со своим законным супругом»⁶. Великий князь Московский отныне стал царем всех православных христиан. Любопытно, что папа призывал преемника Ивана III защищать свои права на наследие Константинополя⁷. Таким образом, заключает византинист А. Васильев, «падение

Византийской империи и брак Ивана III с Палеологиней лежат в основе вопроса о правах московских государей, представителей и защитников восточного православия, на трон византийских василевсов, попавший в руки османов в 1453 г.»⁸

Итак, в свете норм и обычаев того времени династический брак символически означал принятие наследства византийских императоров и их фамильного герба. Слово «герб» неслучайно происходит от немецкого Erbe, что значит «наследство». Это свидетельство родственных связей. Но превращение фамильного герба в герб Московского государства оказалось более сложным процессом.

Сакральные истоки геральдики двуглавого орла

Таковы внешние факты. Не менее важны вопросы происхождения и внутреннего смысла символа двуглавого орла. Какое содержание было вложено в эту, уже не понятную многим фигуру, некогда избранную одним из знатнейших семейств Византии, озаренную славой царствования и трагическим закатом ее династии Палеологов и, после падения Византии, унаследованную в России?

Орел был почитаем в Месопотамии еще в III тыс. до н.э. как символ верховного божества, полдневного солнца, победы и царственности, воплощение духовного начала. Двуглавый орел извештен в державе хеттов (II тыс. до н.э.). Он изображен на цилиндрических печатях Халдеи (Южная Месопотамия, VI в. до н.э.), барельефам IV–III веков до н.э. в Каппадокии (Центральной Турции). В VI веке этот символ распространяется в Сасанидском Иране. На Востоке его часто изображают в виде птицы Гаруды – вестника, посланца богов.

Двуглавый орел изображен на шелковой ткани из коллекции музея искусств в Кливленде⁹. Ткань обнаружена в 1925 году на кладбище близ Тегерана. Место находки позволяет заключить,

что драгоценная материя предназначалась для обертывания тела покойного и относится к XI веку. Интересно, что мотив в стиле Сасанидов нанесен на ткань, изготовленную в период расцвета Ислама.

Изображен сюжет вознесения на небеса: юношу, увенчанного волосами как нимбом, уносит в пространство огромная фантастическая птица, скрывая его на своей груди. Некоторые стилизованные детали изображения позволяют предположить, что птица является не просто двуглавым орлом, но анка (фениксом) или Симугом. Начиная с Авесты во всех мистических эпопеях Персии Симург выполняет множество символических функций, выступая даже в качестве эмблемы Св. Духа. Хадис... упоминает зеленую Птицу, грудь которой дает приют в мире ином душам «свидетелей истины». В интерпретации суфия Симнани, это аллюзия на возникновение и рождение «тела воскресения»¹⁰.

Далее он становится элементом восточного орнамента, в особенности на тканях. Великолепные образцы мы видим на одеяниях византийских царей и вельмож.

Непосредственно на Востоке как глубоко чтимую эмблему его заимствовали ордынские ханы. В XIV веке двуглавый орел встречается на медных монетах хана Джанибека (1341–1357), однако государственным гербом в государстве Джучидов двуглавый орел не стал.

Со времени крестовых походов двуглавый орел распространяется и по Европе, причем используется первоначально на печатях территориальных княжеств и имперских городов. Со времен германских королей и императоров Священной Римской империи Штауфенов (1138–1254) двуглавый орел стал королевским гербом, широко распространившись по всему христианскому миру.

Двуглавый орел являлся не только светской, но и религиозной эмблемой. В Византии он был помещен на патриаршем знамени и знамени Патмосского монастыря XII века. Как светский символ он употреблялся императорами латинской империи. Однако

на византийских монетах, как и на печатях, его не было. При последних Комнинах, династия которых правила в 1081—1185 годах, двуглавый орел превратился в признак принадлежности к императорскому двору; одежда, украшенная этим изображением, свидетельствовала о высшем положении в византийской иерархии. Однако на печатях Византии двуглавый орел не использовался. С 1327 года там утвердился иной герб — с четырьмя буквами В (Василевс) между концами креста. На печатях палеологовского времени изображен император с регалиями, иногда с нимбом. Двуглавый орел был семейным, родовым гербом, и, вероятно, по мере укрепления династии как царствующей все более воспринимался не как фамильный, а как государственный. Этот процесс можно проследить по участвовавшим его изображениям в различной иконографии. Так, на миниатюрах при Мануиле II (1391—1425) орел был увенчан двумя коронами, а при Иоанне VIII (1425—1448) — одной короной. Над Дмитрием Палеологом был изображен золотой орел под тремя коронами на красном фоне. Двуглавый орел украшал и трон византийского императора Андроника III Палеолога (1325—1341) на миниатюре из жития Сергия Радонежского (2-я пол. XVI в.).

На барельефах бронзовых врат базилики Св. Петра в Риме, изготовленных не позднее 1445 года, есть изображение сцены отплытия Иоанна VIII в 1439 году из Царьграда в Феррару к папе Евгению IV на двухмачтовой галере. Император сидит в шатре, на полог которого виден огромный двуглавый орел; на носу галеры укреплено треугольное знамя с тем же изображением. Оба орла без корон, державы и скипетра. Имеются сведения и о красном с золотым орлом знамени императора Андроника II (1282—1328).

Пурпурная обувь — отличительный знак византийских императоров. Последнего императора Византии Константина XII, который пренебрег возможностью спастись и пал в битве на стенах Константинополя, опознали в горе трупов по пурпурным сапожкам, украшенным маленькими золотыми двуглавыми ор-

лами. Эта героическая смерть, как и падение великой державы, образно говоря, вливало свежую кровь, укрепляло символ, насыщая его более емким значением, которое далеко выходило за пределы фамильного.

Двуглавый орел встречается на монетах трапезундских императоров Алексея III (1349–1390) и Мануила III (1390–1416); почти одновременно он появляется и на геральдически оформленных плитах со строительными надписями Феодоро. Но, памятуя о нормах и обычаях того времени, не следует видеть в этом произвольный выбор понравившейся эмблемы. Слово «герб» неслучайно происходит от немецкого Erbe, что значит «наследство». Это свидетельство родственных связей. Императоры Трапезунда, этого осколка временно распавшейся Византийской империи, происходившие из династии Великих Комнинов, были в родстве с Палеологами, а князья Феодоро, этой византийской провинции, избравшие эту эмблему, подчеркивали свое родство с Комнинами, Кантакузинами и Палеологами.

Итак, двуглавый орел прошел тысячелетний путь превращения из символа в государственную эмблему. Символы, выражавшие отвлеченные понятия высшего порядка, стали основой формирования государственной символики в период средневековья. В этот период самосознание и общение народов и поколений, равно как и «осознание и тем самым создание своей государственности... осуществлялось вообще и, прежде всего, посредством символов»¹¹. Частным случаем символа является эмблема — символ, значение которого сужено ради акцентирования определенных его аспектов. Согласно определению А.Ф.Лосева, «эмблемы государства... являются в смысле соотношения в них общего и единичного не чем иным, как именно символами, но только — более специального назначения». Двуглавого орла Лосев относит, «строго говоря», к эмблемам¹².

Неизбежная политизация эмблемы, отныне выступающей в форме герба, заслонила вопросы происхождения и бытования

этого почтенного символа на протяжении почти четырех тысячелетий. Его непонятность внушает, с одной стороны, почтение; с другой — попытки «оскорбления величества», свидетельствующие о крайней ограниченности кругозора («птица-мутант»). Относительно последних напомним о том, что термин «скифский звериный стиль» является сегодня общепринятым. Никто не говорит о нарушениях в реалистическом изображении животных на скифском золоте или о «мутанте-грифоне»; напротив, образы последних и подразумеваемые под ними качества служат выражению отвлеченных понятий и структурированию картины мира.

Язык древней символики составил тот фонд, из которого государственная власть позднее почерпнула свои эмблемы. Однако каждый символ — дитя своей эпохи, он расцветает и умирает вместе с ней, оставляя массу загадок, непонятных для человека другого поколения и иных представлений. Современному человеку особенно трудно разобраться в символах и эмблемах, которыми широко пользовалась знаковая система минувшего времени. Впрочем, эта трудность отчасти аналогична освоению иностранного языка. Краткость, емкость и художественная выразительность языка символов издревле делают его неоценимым средством выражения отвлеченных понятий.

Как ни парадоксально это звучит, истоки двуглавой птицы обнаруживаются на нашем Севере. Проложив долгий путь на Юг, она проявила себя во всей красе в Малой Азии, а именно там, где ее изображение, высеченное в камне, во 2-м тыс. до н.э. увековечили хетты. Истоки, как водится, имеют свойство теряться в неизвестности; народы, мигрируя к югу, уносили имущество и святыни, оставляя весьма слабые их следы в прежних местах обитания. Но следы эти не затерялись, хотя они не столь монументальны. Это, прежде всего, изделия «пермского звериного стиля», двуглавцы курганов в окрестностях Смоленска и такая эфемерная вещь, как русские вышивки, где птица была парной, либо, сокращенно — двуглавой.

Смысл фигуры двуглавой птицы очень древен: его истоки восходят к «парам оппозиций», важному способу структурирования архаической картины мира. Год делится на зиму и лето, сутки – на день и ночь, время – на сон и бодрствование и др. Идея единства противоположностей находила выражение в образах – близнецы, кони или птицы влекут солнце, изображенное в виде розетки, головы их обращены в противоположные стороны, но тело едино. Декоративный мотив в виде двух птичьих голов, обращенных в разные стороны, помещенной между ними солнечной розетки или головы богини был широко распространен в древности¹³.

Следы общего индоевропейского культа Близнецов отчетливо прослеживаются в древнеиндийской и древнегреческой мифологиях: в Индии они всадники – Ашвины, а в Греции – всадники Диоскуры, один – смертный, другой – бессмертный. Поэтому они попеременно в виде утренней и вечерней звезды появляются на небе в созвездии Близнецов. Иногда они изображались спутниками богини, помещавшейся в центре.

Семантически близок этой символической композиции и традиционный персонаж русского народного искусства – богиня, Мать Сыра Земля (отголосок неолитической Великой Небесной богини) с парными птицами в руках, либо с птицами по обеим сторонам.

Архаическую картину мироздания донесли до наших дней крестьянские вышивки русского Севера. Выдающийся художественный критик В. В. Стасов первым высказал мысль о том, что двуглавый орел в народном искусстве намного старше своего геральдического собрата. По его данным, мотив двуглавой птицы в русской орнаментации встречается «гораздо ранее учреждения царского достоинства и принятия двуглавого орла»¹⁴.

Во второй половине XX века русские этнографы, искусствоведы и историки во главе с академиком Б. А. Рыбаковым подтвердили необычайную глубину исторической памяти, лежащей в основе культурной традиции жителей русского Севера. Были расшифрованы сохраненные в вышивках символы и образы ми-

фолого-религиозных представлений. Они уходят корнями в эпоху матриархата с его устойчивой традицией парных божеств: архаичных Рожаниц, Лады и Лели, отразившихся в образах Деметры и Персефоны¹⁵. Отлитые в металле изображения двуглавой птицы, несущей человеческую фигурку или просто лицо, встречаются среди предметов «пермского звериного стиля» I тыс. до н.э. — XII в.н.э.¹⁶. Подобные изображения обнаружались сравнительно неподалеку, в Балтийском субрегионе. Это подвески со стилизованным изображением двуглавой птицы.

В VI веке этот символ распространяется в Сасанидском Иране, а в XI веке изображается на тканях, причем порой птица держит в лапах львов, а на груди человека — явное наследие как хеттской, так и иранской традиций. Но ткани эти особого назначения: либо это парадный наряд государей, но в особенности государынь, либо погребальный саван. Поэтому едва ли верно называть его орнаментом в нашем понимании: скорее, это символ-оберег. В XIV веке двуглавый орел встречается на медных монетах золотоордынского хана Джанибека (1341—1357).

Знаменательно, что двуглавая птица перемещается по пути Север — Юг, «из варяг в греки», или вдоль Александрийского меридиана; в дальнейшем ее распространение на запад, в том числе и в Византию, и обратно на север происходит, судя по всему, из некоего источника в Малой Азии.

Генезис двуглавой птицы можно проследить на примере двух крымских памятников, несомненно несущих следы влияния малоазийского, сельджукского искусства. Это резное обрамление колодца (Ялтинский музей) и резная купель (Алуштинский музей). Оба артефакта изготовлены из крымского мраморовидного известняка; первый был обнаружен в парке Гаспры и, предположительно, принадлежал коллекции вел.князя Александра Михайловича, владельца имения Ай-Тодор¹⁷. Второй был найден во время земляных работ в имении Гагариных (Санаторий «Утес», мыс Плака). Их поверхность, сплошь покрытая резьбой, развертывает

строй образов, интересных еще и тем, что они перекликаются с аналогичными образами раннесредневековой пластики, хранящимися в музеях Центральной и Западной Европы.

Сложная семантика изображений подробно разобрана в статье В.А. Сидоренко, причем автор справедливо указал на недостаточность чисто искусствоведческого анализа и на важность «идейно-символического аспекта, которому при исследовании памятников уделяется недостаточное внимание»¹⁸. Именно символический смысл изображений интересует нас в первую очередь, поскольку мы увидели в них весьма интересные моменты, связанные с нашей темой.

Оба ряда изображений развертывают перед зрителем космогонический миф, образ мира, центром которого является «мировое древо» северных народов, оно же библейское «древо жизни» и «древо познания добра и зла». Его верхняя часть, крона, традиционно связана с небом, раем и маркируется парой птиц, сидящих на ветвях, клюющих плоды и т. д. У основания древа расположены фигуры символических зверей, маркирующих нижнюю зону мироздания.

Рассмотрим вначале сценки, изображенные на четырех гранях резного обрамления колодца. На одной стороне в центре стилизованное древо, увенчанное шишкой, к плодам которого тянутся длинными клювами две птицы. В основании древа — лев в обычной позе. На двух следующих по обеим сторонам ствола те же птицы, а внизу стоят на задних лапах два зверя (медведи?) — прототипы геральдических львов, леопардов, медведей. Причем даны они в двух вариантах — в первом случае они обращены к стволу, во втором — отвернувшись от ствола «древа», смотрят в разные стороны. Оба зверя стоят на задних лапах, опираясь передними о ствол «древа». Эта, казалось бы, неестественная поза объясняется тем, что звери эти — символические, их назначение — маркировать низшую зону мироздания. Она имеет свой далекий отголосок в геральдике, где лев, леопард, медведь — все изображаются стоящими на задних лапах. Кстати, медведь у древа встречается в геральдике от Ярославля

до Мадрида. На последней стороне в основании дерева изображена чрезвычайно любопытная фигура: сверху та же длинноклювая птица, чей хвост превратился в змеиный завиток. Его схватил зубами зверь, находящийся под птицей, а последняя, в свою очередь, держит в клюве хвост зверя. Все вместе представляется не столько сценической «терзания», сколько идеей круговорота вещей в природе. Это выглядит как вариант средневекового уробороса, — змея, закусившего свой хвост — основополагающий символ средневековой натурфилософии вообще и алхимии в частности.

По сторонам дерева, обращенные к нему, сидят две длинноклювые птицы. На другой стороне — те же птицы, но их головы повернуты в стороны от дерева, образуя симметричную фигуру. Если убрать разделяющий их ствол, то фигура становится двуглавой птицей.

Развитие темы можно проследить по изображениям резной каменной купели.

1. На одной ее стороне изображена уже знакомая композиция — две птицы сидят по сторонам «дерева жизни» среди кустов аканфа. Они сидят спиной к центральному кусту, обратив к нему круто изогнутые головы. 2. В медальоне изображен зверь, поднимающийся на задние лапы с раздвоенным хвостом, в геральдической позе шагающего льва. 3. Пара птиц в медальоне — они соприкасаются спинами и, круто изогнув шеи, касаются клювами, образуя симметричную фигуру. По сторонам, спиной к медальону — два зверя на задних лапах, тянутся к плодам. Эта сценка имеет самую близкую аналогию в изображении медведей на вышеописанном обрамлении колодца. 4. На другой, более узкой стороне в центральный медальон вписаны те же птицы, обратившие головы в разные стороны, но их туловище слилось — совместились, образовав фигуру двуглавой птицы.

Связь парных изображений животных с космогоническим сюжетом «дерева» прослеживается в искусстве Евразии на протяжении ряда эпох. Затем птицы и звери «отделяются» от «дерева», начинают, так сказать, жить самостоятельно. Постепенно они превращаются

в геральдические фигуры. Более того, в вышеописанных сценах они даны, так сказать, в динамике: как птицы, так и звери то обращены к древу и друг к другу, то повернуты в разные стороны. Это напоминает наглядную иллюстрацию принципа «единства» и «борьбы» противоположностей. Слегка упрощая, можно представить дело следующим образом. В процессе «геральдизации» из контекста вырван тот или иной вариант: Византия и ее соседи-наследники выбрали двуглавую птицу-небожителя, европейцы же предпочли символических зверей земной зоны мироздания.

За тысячелетие своего существования монограммы базилевсов традиционно оставались вписанными в круг начальными буквами собственного имени порфириносца и его династии. И только последние императоры из династии Палеологов стали помещать медальон с монограммой на груди двуглавого орла, сделав шаг на пути превращения его в византийский герб.

Внимательный осмотр ранних греческих церквей на окраинах Византии свидетельствует о раннем вхождении этого образа в церковное пространство.

О геральдических судьбах двуглавого орла написано немало книг и научных статей, однако многие грани его загадочной формы и многозначного содержания предстоит еще открыть и заново переосмыслить.

Двуглавый орёл выглядит как своего рода фигура умолчания — символ, о котором все знают, не требующий слов, но высоко чтимый, быть может, столь высоко, что для превращения его в герб в западном восприятии его ореол должен быть пригашен, а смысл — сужен. К тому же он являлся не только светской, но и религиозной эмблемой. Так, в Византии он был помещен на патриаршем знамени и знамени Патмосского монастыря XII века. Мы полагаем, что для византийского аристократического менталитета этот процесс низведения священного символа в династическо-государственную эмблему был мучителен и отнюдь не так прост, как казалось извне. Во всяком случае, только это объясняет, почему

процесс превращения его в герб так и не был доведен до конца в самой Византии. Ведь ни на одном из атрибутов государства (корона-диадема, мантия, монеты, печати, флаг империи и личный герб императора) он так и не появился.

В геральдике орел знаменует связь с небом, духовный принцип: в трехчастной картине мироздания, где каждая зона маркируется животными, птицы вообще относятся к миру горнему. Орел, спутник и символ верховных божеств на древнем Востоке и в Греции, отчасти разделял их солнечную природу. Орлу приписывались такие способности, как смотреть на солнце широко открытыми глазами (в чем усматривалась причастность солнцу). Две головы на одном туловище означали продвинутый процесс абстрагирования, символизации, превращение его в священную идеограмму. В христианстве это интерпретировалось как двойная победа над врагами внешними и внутренними, но при этом «внутренние враги» означали зло и нравственные пороки (а вовсе не борьбу с оппозицией). Символизация образа, отход его от прототипа, каковым являлся реальный орел, выразилась и в том, что в основу изображения была положена схема шестилучевой звезды, имеющей самое широкое распространение начиная с глубокой древности. Эту же схему воспроизводит лилия, точнее ирис с его естественной и весьма прозрачной символикой: действительно, три лепестка этого цветка тянутся вверх, к небу, а три отогнуты вниз, к земле. Это означало союз небесного и земного, взаимопроникновение духа и материи, гармонию противоположностей. Условное изображение лилии-ириса (кстати, встречаемого на монетах Палеологов) было избрано в качестве герба Флоренции, а затем стало эмблемой королевской династии Бурбонов во Франции. В христианстве шестилучевая звезда была осмыслена как монограмма имени Иисуса Христа — хризма. Две головы и две лапы орла воспроизводят букву Х; вертикальная черта (I) проходит через хвост, но, чтобы прочесть ее вверх, понадобилось от основания шей обеих голов вывести сердцевидную фигуру, соединившую их: таков геральдический

орел Феодоро. В поздних византийских изображениях (в церкви города Мистра, Морея и др.) роль такого «соединителя» играла корона, касавшаяся обеих голов орла. Именно эта форма возобладала и в России, но не сразу, а при Иване Грозном.

Итак, в Византии мы застаем двуглавого орла Палеологов еще на стадии перехода от символа к государственной эмблеме. Но окружающие страны с преимущественно славянским населением и православным вероисповеданием уловили этот переход.

В Сербии, Болгарии, Черногории, Румынии двуглавый орел служил именно гербом. Вероятно, таковым он был и в княжестве Феодоро. Стремление правителей этих стран породниться с Палеологами на языке того времени означало принятие византийского наследства — в смысле утверждения и защиты православия, противостояния мусульманству, а также католицизму и униатству. С этим утверждением, казалось бы, вступает в противоречие факт принятия в 1442 году аналогичной печати императором Священной Римской империи Фридрихом III. На ее лицевой стороне был изображен император на троне с регалиями, а на оборотной — двуглавый орел. Не это ли решительно повлияло на принятие двуглавого орла в качестве государственной печати в 1490 году Иваном III? В самом деле, после брака с Софьей Палеолог Иван III уже именуется в государственных документах «царем всея Руси», но до принятия печати с двуглавым орлом воздерживается чуть ли не два десятилетия, употребляя печати старого типа. Разумеется, не лишено основания мнение, согласно которому побудительной причиной послужили переговоры с императорами Священной Римской империи — Габсбургами и стремление выразить идею равенства Московского великого князя и государя с императором Священной Римской империи¹⁹. Однако важнее другое. Иван III отнюдь не копировал этот герб, а воспроизвел византийский образец. Исследователь А. В. Соловьев указывает на церковь в Мистре, «где сохранилось несколько прекрасных изображений орлов, должно быть, относящихся к деспотам Фоме и Димитрию.

Эти увенчанные коронами орлы уже носят геральдический характер, и их следует рассматривать как гербы последних властителей Мореи»²⁰. В особенности он отмечает изображение орла с двумя коронами на головах и третьей сверху на мозаичной плитке в полу центрального нефа церкви. Наконец, Софья, дочь последнего деспота Мореи, привезла с собой в Москву трон из слоновой кости с изображением двуглавого орла на спинке. Хотя изображение двуглавого орла отнюдь не сразу обрело свое место на государственной печати, у русского государя были гораздо более веские права на этот герб. И речь идет не только о браке с Палеологиней. Подобный союз служил внешней формой, закреплявшей то, что уже осознали окраины византийского мира, куда входили южнославянские страны. Среди этих православных народов Русь считалась преемником Византийской империи. С конца XV века великий князь, государь и самодержец Иван III именовался в церковных текстах «новым царем Константином», а Москва — новым Константинополем²¹. Именно эта преемственность в сознании того времени служила гарантией защиты православия, национальной самобытности, противостояния мусульманству. И первостепенную роль здесь предстояло сыграть государству Российскому.

*Геральдика двуглавого орла
в западноевропейской традиции*

Со времени крестовых походов изображение двуглавого орла распространяется и по Европе, причем используется первоначально на печатях небольших княжеств и имперских городов. Все говорит о том, что ее узурпировали те, кто хотел, а не те, кто имел на это право. Вместе с тем заимствовали и понимание того, что двуглавец является символом империи, одноглавый — королевства или княжества. Императоры «Священной Римской империи германской нации», прежде всего, из династии Штауфенов (1138—1254 гг.) избрали своим гербом двуглавого орла; соответственно,

одноглавый орел широко распространился среди глав отдельных государств. При этом ссылались на авторитет основателя империи Карла Великого. Во всяком случае его «задним числом» изображали с этим атрибутом имперской власти.

Однако в древнем Риме (то есть до 324 г. н.э.) известен лишь орел одноглавый, двуглавого орла римские императоры не использовали. Не сделал своим символом двуглавого орла и франкский император Карл I Великий. Присутствовал ли он на раннем этапе византийской истории? Ответ затруднителен еще и потому, что Константинополь до такой степени был разграблен крестоносцами в 1204 году и турками в 1453 году, что предметы материальной культуры Византии проще обнаружить в музеях Центральной Европы, а символику изучать по более поздним гербам и по их влиянию на геральдику европейских государств. Во всяком случае, двуглавый орел изображен как элемент оформления некоторых церквей X–XIII веков в Сербии, Болгарии, Армении и Сирии (в пределах византийских владений), то есть, по крайней мере, на ее окраинах, но не в центральных областях. Судя по всему, там двуглавному орлу места не нашлось, точнее, он не получил истолкования в рамках христианской религии, хотя и оставался чтимой эмблемой.

Только в XII веке германский император Фридрих I Барбаросса, скончавшийся в 1190 году во время крестового похода после посещения Византии делает двуглавого орла своей эмблемой. Косвенно это свидетельствует о ее значимости, хотя и неофициальной: как уже неоднократно отмечалось исследователями, на монетах и печатях ромейских василевсов (императоров Византии) двуглавый орел не изображался. Официальное употребление его василевсами наблюдается не раньше XIII века, а то и после 1459 года. Превращению почтенного символа с не очень ясным значением в герб ромейских василевсов способствовали их поездки в Европу за помощью против турецкой экспансии. Важным условием такой помощи василевсам и их советникам представлялась уния между православной и католической церквями. Такая уния была

подписана в 1439 году. Следствием долгого пребывания Иоанна VIII в Италии стало первое и, пожалуй, единственное изображение орла на печатях правящего рода Палеологов, появившееся после 1439 года. На этот же период приходится упоминание об изображении двуглавого орла на пологие палатки и на одежде императора.

На гербы германских кайзеров, сербских и болгарских царей этот символ явно попал из Византии, и распространение начинается не позднее XII века. Составители европейских гербовников XIII—XV веков, потомки и наследники правящих династий Византии, переселившиеся в Центральную и Восточную Европу, отождествляли двуглавого орла с символом императорской власти, с символом императора ромеев, но источники молчат об этом. Потомки византийских правителей использовали двуглавого орла, но какими гербами пользовались сами императоры и их соседи?

В тех случаях, когда латиняне вступают в непосредственный контакт с ромейскими василевсами и изображают их гербы, то в качестве родовых символов фигурируют короны, дракон, крест с буквами В, монограммы; во время стычки войск императора Алексея V Дуки Мурзуфула и Генриха Фландрского латиняне захватили палладиум Византии — древнее знамя с изображением Богоматери.

Интересно остановиться на этапах соперничества между Востоком и Западом за эмблему двуглавого орла. Они вводят нас в круг средневековых представлений о двух уровнях иерархии власти — имперской и королевской.

Строгие правила геральдики, как и кодекс чести и каноны рыцарского поведения, как водится, опирались на авторитет традиции, каковой являлись предания о рыцарях Круглого Стола. Последние были наделены гербами, выстроенными в строгом соответствии с законами геральдики. Приблизительно в середины XV века был составлен перечень гербов «Имена, гербы и блазоны рыцарей Круглого Стола» (*Les noms, Arms et Blasons des Chevaliers et Compaigne de la Table Ronde*) как приложение к знаменитой «Книге турниров» короля Рене Анжуйского (ок. 1455 г.), где при-

водятся рисунки и описания 175 гербов рыцарей Круглого стола. В книге содержались подробные указания по устройению турниров «согласно правилам, установленным во времена короля Утера Пендрагона и короля Артура и его рыцарей Круглого Стола»²².

Автор «Книги Турниров», король Рене Анжуйский — одна из самых значительных фигур в европейской культуре. Исключительно образованный, Рене написал немало книг: среди них стихи, мистические аллегории, своды турнирных правил. Некоторое время на него работал Христофор Колумб. Велик вклад короля Рене в развитие эзотерической традиции. При его дворе находился еврейский астролог, каббалист и лекарь Жан де Сен-Реми, дед Нострадамуса. Рене интересовался также историей рыцарства и романами об Артуре и Граале. Предметом его особой гордости была чаша из красного порфира, которая, по его утверждению, использовалась на свадьбе в Кане Галилейской. Рене заявлял, что приобрел ее в Марселе, где, согласно традиции, остановилась Мария Магдалина с Граалем. Другие хронисты рассказывают о чаше (возможно, той самой), по ободку которой шла надпись: «Тот, кто хорошо пьет, увидит Бога; тот, кто осушит одним глотком, увидит Бога и Магдалину».

Из этой книги следует, что двуглавый орел являлся гербом Гавейна и его братьев — Гарета и Мордреда. Согласно Гальфриду Монмутскому, Гавейн получил посвящение в рыцари от папы Сульпиция, который пожаловал ему также и герб. В романе «Перлесво» этот герб назван шитом Иуды Маккавея — золотой орел в червленом поле. По некоторым версиям, все три рыцаря — внебрачные сыновья короля Артура, поскольку от брака с Гвиневерой детей не было. Мордред — сын Артура от Морганы-Моргаузы, его сводной сестры, зачатый по неведению. Гавейн Оркнейский — племянник короля Артура, сын короля Лота и Моргаузы, имел шотландские корни. Согласно обычаю, на сына сестры смотрели как на собственного.

Артур назван императором в официальной биографии Гальфрида Монмутского. Здесь он оказывается верховным королем,

подчинившим себе не только всю Британию, но и всю Европу. Его герб — 13 корон на щите, шлем, увенчанный драконом, девиз — Пендрагон и две гончие по сторонам.

Вероятно, поэтому за его отпрысками признали право на герб с двуглавым орлом. Но это персонажи из легенды. А вот Карл Великий, получивший имперскую корону из рук папы Римского, и тем самым ставший в 800 году первым императором в Западной Европе, во всех позднейших изображениях имеет в качестве герба двуглава. Другими словами, в раннесредневековом сознании двуглавый орел воспринимался как эмблема имперская, одноглавый — как королевская. А империей, не дававшей покоя западноевропейским королям, вчерашним варварам, была Византия, чья цивилизация на тысячу лет пережила Рим. Ее презирали и ей завидовали. Об этом свидетельствует раннесредневековый эпос, в котором имперское достоинство узурпируется то Артуром, то Карлом. В этом плане присвоение герба императорами Священной Римской империи Габсбургами в 1440 году было вполне логичным шагом, означавшим исполнение мечты раннесредневековых королей Западной Европы. Но наследниками Византии ни в духовном, ни в культурном отношении они не являлись. После Тридцатилетней войны, распада империи Габсбургов в XVII веке и возникновения на ее месте множества малых суверенных государств, двуглавый орел в Западной Европе выходит из употребления. Так в геральдическом споре между Западом и Востоком Европы сама история присудила эмблему с тысячелетней историей государству Российскому.

Примечания

- ¹ *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1988. С. 484.
- ² *Tafrafi O.* Le tresor byzantin et roumain du Monastere de Poutna. Paris, 1925. P. 54.
- ³ *Vassilief A.* Op.cit. P. 242.

- ⁴ Путеводитель по св. Афонской горе. Одесса, 1902. С. 106.
- ⁵ *Карамзин Н.М.* Предания веков. М., 1988. С. 457.
- ⁶ Цит. по: *Васильев А.А.* История Византии. В 2 т. Т. 2. СПб., 1998. С. 284.
- ⁷ *Pierling L.P.* La Russie et le Saint-Siege. P. 1896. Vol. 1. P. 221—239.
- ⁸ *Васильев А.А.* История Византии. В 2 т. СПб., 1998. С. 284—285.
- ⁹ Опубликовано Гастоном Уайетом в книге *Soiries persanes/ memoires de l'Institut d'Egypte* 52, Cairo 1947. P. 55—63.
- ¹⁰ *Манн Т.* Волшебная гора. М., 2002. № 8. С.212.
- ¹¹ *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 24.
- ¹² *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 65.
- ¹³ *Голан А.* Миф и символ. Иерусалим — Москва. 1994. С. 135.
- ¹⁴ *Стасов В.В.* Русский народный орнамент. СПб., 1872. С. 123.
- ¹⁵ *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1982. С. 235.
- ¹⁶ *Спицын А.А.* Древности камской чуды // Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 26. С.136.
- ¹⁷ Резное обрамление колодца, по словам старожилов, было установлено в парке им. Розы Люксембург (Гаспра) со времени устройства санатория в 20-е годы. Как достопримечательность парка, он упомянут в путеводителе 1976 г. Еще ранее, в нач. 70-х гг. его обнаружила в парке автор этих строк и была настолько поражена и восхищена им, что зарисовала памятник в свой альбом.
- ¹⁸ *Сидоренко В.А.* Памятники каменной пластики средневековой Таврики // МАИЭТ. Вып. 3, 1993. С.145—160.
- ¹⁹ *Alef G.* Adoption of the Muscovite Two-headed Eagle: a Discordant View // *Speculum. A.J.* of mediaeval studies. Cambridge Mass., 1966 Vol.41. № 1.
- ²⁰ *Soloviev A.V.* Les emblèmes heraldiques de Byzance et les Slaves // *Seminarium Kondakovianum* VII, 1935. P. 119—122.
- ²¹ *Вилинбахов Г.В.* Легенда о «знамении Константину» в символике русских знамен XVII—XVIII вв. // Труды гос. Эрмитажа. Т. 23. Из истории русской культуры. Л., 1983. С. 27.
- ²² *Barber R.* The Knight and Chivalry, N.Y., 1982; *Berthelot A.* King Arthur: Chivalry and Legend. L., Thames and Hudson Ltd, 1997

Иллюстрации
к главе 5. ТАВРИЧЕСКО-ТРАПЕЗУНДСКИЕ ИСТОКИ
ГЕРАЛЬДИКИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

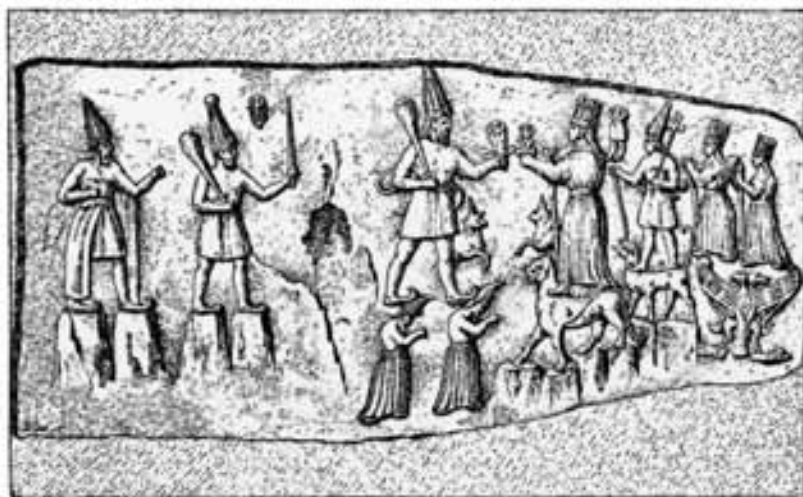
*Богиня на колеснице в виде двуглавой птицы.
Глина, 1600 г. до н.э. Балканы*

*Мотив двойности.
Голова богини меж двух
птичьих голов.
Бронза, III в. до н.э.*

*Двуглавый орел из хеттского святилища Аладжахойюк.
II тыс. до н.э.*

*Двуглавый орел из хеттского святилища Язылыккая.
II тыс. до н.э.*

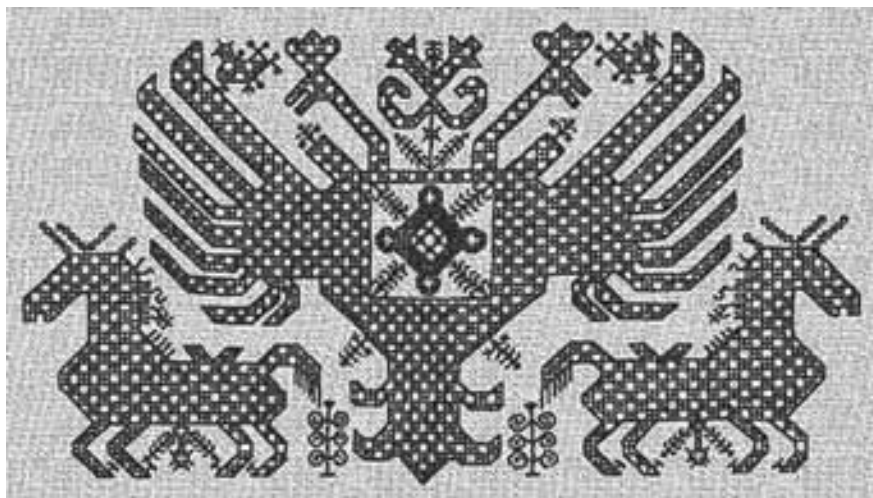
Двуглавый орел.

Стена крепости Конья. XIII в.

Подобные изображения, характерный мотив сельджукского искусства, украшали стены и дворцы многих городов-крепостей восточной Анатолии, встречались на монетах, тканях и в рукописях. Турция, Конья, Городской музей

*Двуглавый орел.
Алтарный покров,
вышивка на шелке.
1366–1384 гг.
На груди орла в медальоне —
монограмма патриарха
Константинопольского
Павла. Изображения
двуглавого орла как символа
имперского и церковного
одновременно, особенно
распространяются при
Палеологах.
Музей Метрополитен,
Нью Йорк*

*Двуглавая птица.
Русская вышивка*

*Двуглавый орел.
Шелковая ткань-саван. XI век.
Музей искусств, Кливленд*

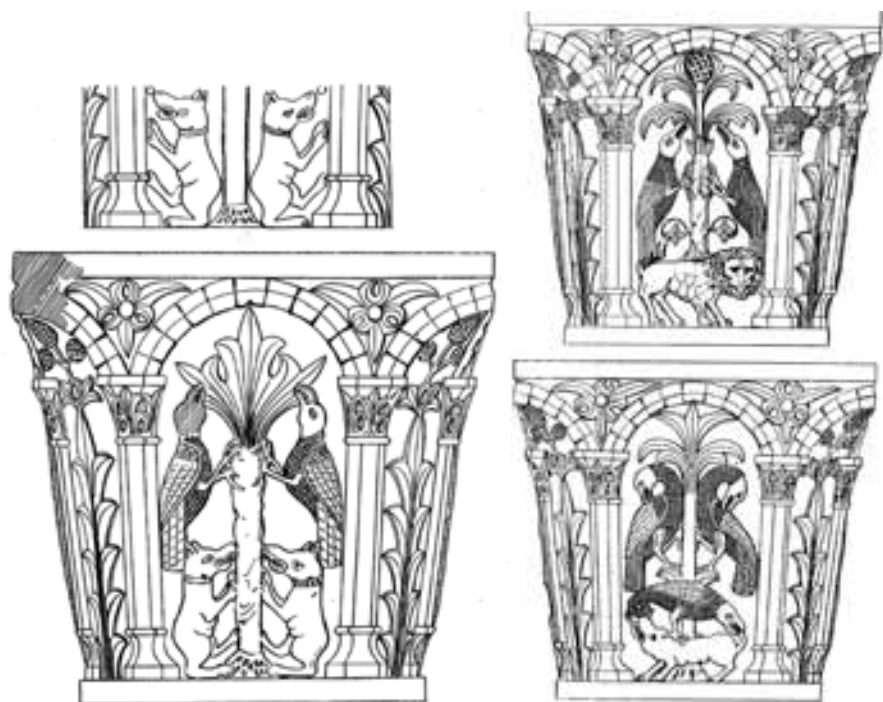
*Стилизованный двуглавый орел.
Глазуванная плитка. XIII–XIV вв. н.э. Сельджукское искусство*

*Плита со строительной надписью князя Феодоро Алексея и двуглавым орлом.
1425 г.*

*Купель с двуглавым орлом. Мраморовидный известняк XIV–XV вв.
Крым, Алушта. Историко-краеведческий музей*

*Обрамление колодца. Прорись.
Мраморовидный известняк, XIV–XV вв.
Крым, Ялта. Историко-краеведческий музей*

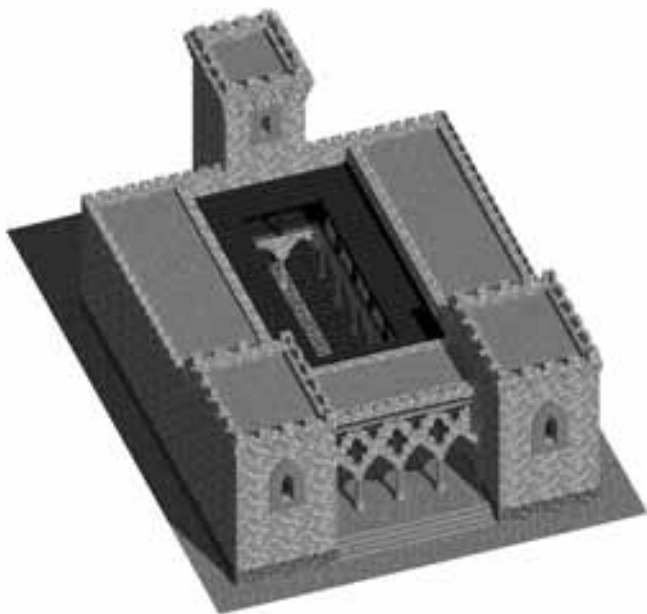
*Инициал «Т»,
украшенный стилизованным двуглавым орлом*

*Мария Палеология, княжна Мангупская.
Автопортрет. Вышивка на погребальной пелене, 1477 год.
Изображение заключено в прямоугольную раму. В верхнем левом и нижнем
правом углах — медальоны с императорским символом двуглавого орла.
Монастырь Путна, Румыния*

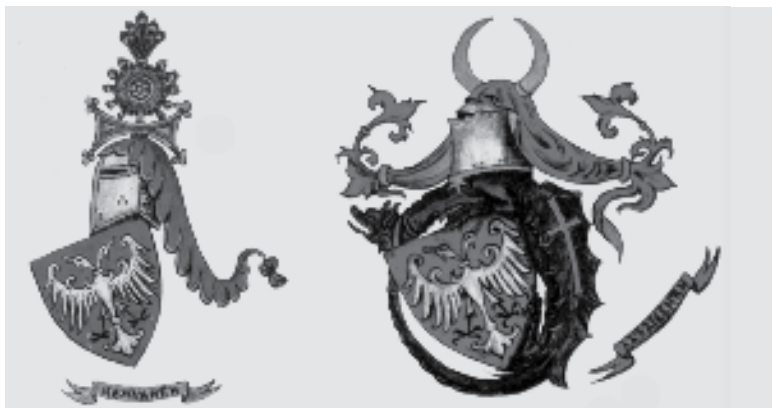
*Император Алексей III Великий Комнин
и императрица Феодора Комнина Кантакузина.
Двуглавец служил украшением парадных царских одежд.
На этом изображении ими заткано одеяние царицы*

Дворец князей Феодоро. Реконструкция

Руины княжеского дворца Феодоро. Мангун, XV в.

*Вверху:
Гербы Сербии*

*Двуглавец на монете.
Тверское княжество*

*Внизу:
Двуглавец в храме.
Византия*

Крым. Плита из Фуны со строительной надписью 1459 г., монограммами князей Феодоро и двуглавецем

Крепость Фуна. Руины

Карл Великий в плаще с двуглавыми на плечах. Устав Парижского университета, XV в.

Сэр Гавейн и его братья, с эмблемами двуглазцев, сражаются с Ламоратом Галльским. 1463. Французская миниатюра

*Мангуп.
Цитадель, XV в.*

*Мангуп. Цитадель.
Резной наличник двери*

*Монограмма Палеолог с решеткой –
символом территории*

*Монограмма Палеолог на капители
колонны. Византия*

*Орел Трапезунда на монете.
Прорись*

*Капитель с двуглавым.
Византия*

Икона Георгия Победоносца.

На окладе изображены 2 пирекволы (4 «В» крестообразно) и 2 двуглава

*Панно с фигурками пермского звериного стиля.
Пермский музей*

*Иван III.
Из «Космографии» А. Теве. 1575 г.*

*Софья Палеолог. Скульптурный
портрет-реконструкция по черепу*

*Двуглавый орел
из Евангелия
Димитрия Палеолога*

*Блюдо со стилизованным двуглавецем и монограмма Палеолог.
Крым, XIV в.*

*Орлы с женскими фигурами – иранский VII в. н.э.
и пермский V–VI вв. н.э.*

*Орел, несущий богиню. VII в. н.э.
Блюдо эпохи Сасанидов. Иран.*

Глава 6.

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СКИФОВ И ПРОЦЕССИЯ СВ. ГРААЛЯ

Средневековые легенды о Св. Граале. Толкования процессии Грааля: кельтское и скифское. Скифский аналог священных предметов. Священные сокровища в легендах Таврики. Легенда о Золотой колыбели. Священная чаша: из древности в Средневековье. Легенда о Золотой колыбели и мотив «спящего короля».

Средневековые легенды о Св. Граале

Грааль, Святой Грааль западно-европейских средневековых легенд — таинственная чаша или камень, ради приближения к которому и приобщения к его благам рыцари совершают свои подвиги. Обычно считалось, что это чаша Тайной вечери, после распятия Иисуса Христа наполненная его кровью, которую собрал Иосиф Аримафейский, снявший с креста тело распятого сына Божия. Грааль обладает способностью чудесно насыщать своих избранников неземными яствами, что впервые обнаружилось во время заточения самого Иосифа Аримафейского. Грааль был перенесен в Британию, где вокруг него сложилось братство рыцарей Круглого стола при дворе короля Артура.

Сказанию о Граале, возникшему как бы внезапно, в XII веке, суждена была долгая жизнь. Оно вдохновляло поэтов и писателей Средневековья; оно пережило новый взлет благодаря музыкальным драмам Вагнера; и в наши дни поток литературы, посвященной ему, скорее увеличился, во многом из-за свойственного нашему времени «научного подхода» к предмету исследования. Но священная тайна ускользает от слишком прямолинейного желания «докопаться до сути», позволяя лишь некую степень приближения к себе и тем самым обнаруживая неисчерпаемые истоки вдохновения для исследователей, поэтов, художников.

Самое удивительное — как в сказания о подвигах и приключениях рыцарей, даже в промежутках между битвами задирающих друг друга, лишь бы померяться силой, вливается некая романтическая струя, стремление к идеалу, придающие смысл юной варварской энергии раннесредневековых европейских народов. Откуда она? Во всяком случае, романы в стихах и прозе, посвященные «рыцарям короля Артура», становятся кельтской основой, по которой вышит замысловатый узор мотива поисков и обретения Святого Грааля. Во имя его совершают свои подвиги благородные рыцари. Его символически изображали самые разные вещи: кубок и чаша, ларец, драгоценный сияющий камень. Увидеть его дано не каждому; надо стать достойным этой высшей награды — созерцания Грааля.

Сами авторы этих поэм в стихах и прозе отмечали, что Грааль отнюдь не плод поэтического вдохновения, не досужий вымысел — о нем поведали некие мудрые люди, владевшие древними рукописями. Это лучшее свидетельство преемственности с Изначальной традицией, избиравшей в годину «помрачений» свои способы уцелеть — в народных преданиях, легендах, сказках, — в ожидании лучших времен и появления людей, созревших до понимания их символического смысла. Что касается личностей, сохранявших древнее предание и передавших его для обнародования в подходящей своему времени форме, то они, как правило, предпочитали оставаться неизвестными. К ним в полной мере могут быть отнесены слова Рене Генона, сказанные им по поводу «истинных братьев Розы и Креста» (к слову, обновивших традицию после крестового похода против альбигойцев и разгрома ордена тамплиеров — основных носителей предания о Св. Граале), которых он отличал от розенкрейцеров — членов многочисленных организаций масонского толка, претендовавших на ту или иную степень близости с «невидимыми учителями». Смысл этого отличия в том, что «братьев Розы и Креста» объединяет достигнутый ими высокий уровень посвящения, благодаря которому они без труда узна-

ют друг друга, тогда как розенкрейцеры довольствуются формальными рамками организации, что влечет за собой членские взносы, неизбежный административный аппарат и т.п., но, разумеется, не гарантирует им достижений в инициативной сфере. Напротив, «истинные братья Розы и Креста», подчеркивает французский мыслитель, не стремившиеся ни к известности, ни к созданию каких-либо организационных форм, «не могли оставить какого-либо видимого следа в светской истории... Что касается лиц, чьи имена известны, — в частности, авторов тех или иных сочинений, — которых обыкновенно называют братьями Розы и Креста, то наиболее вероятно, что в большинстве случаев они более или менее непосредственно подвергались воздействию или инспирации со стороны братьев Розы и Креста»¹.

Основные мотивы этого сказания развертываются один за другим в произведениях трех прославленных поэтов Средневековья. Именно они послужат основой для последующих переложений в стихах и прозе.

Около 1180 года признанный мастер рыцарского эпоса Кретьен де Труа создает «Персеваль, или повесть о Граале» (*Perceval ou le Conte del Graal*), которую сам называет «лучшей историей, когда-либо рассказанной при королевском дворе». Она написана по поручению графа Филиппа Фландрского, который дал Кретьену для написания романа некую книгу. Грааль — это сосуд, однако он не наполнен священной кровью; в нем находится лишь чудесная облатка, которой подкрепляет свои силы отец «короля-рыболова», хранитель Грааля.

Лет через десять (с 1191 по 1201 гг.), появляется вторая книга — «Роман о Граале. Иосиф Аримафейский. Мерлин. Персеваль» (*Roman du Graal. Joseph d'Arimathie. Merlin. Perceval*), оставшаяся неоконченной. Ее автор Робер де Борон обращается к истории происхождения священного сосуда. «Король-рыболов» оказывается родственником Иосифа Аримафейского, и здесь-то расска-

зывается, что чаша эта служила апостолам во время Тайной вечери и что она была наполнена кровью распятого Иисуса Христа и сохранена Иосифом Аримафейским. На новой родине Иосиф изготовил стол, посвятив его Граалю. За столом собиралось 12 человек и одно место было оставлено пустым. Оно называлось «погибельное сидение», в знак того, что никто не мог его занять без опасности для себя, кроме того, кому оно предназначалось.

В начале XIII века Вольфрам фон Эшенбах создает роман «Парцифаль» (Parzival) как продолжение обоих вышеназванных произведений и одновременно их «исправление» под руководством некоего Киота (возможно, Гийо), который нашел в Толедо первоисточник сказания. Написанный по-арабски в давние времена язычником-звездочетом. Звали его Флегетан, род свой он вел от Соломона. Вообще родословная служителей Грааля (Галахад представлен в ней как потомок рода царя Давида) прямо указывает на происхождение легенды с Востока, из Палестины, Александрии. В первые века нашей эры здесь было средоточие гностицизма, неоплатонизма, герметизма.

Около 1270 г. выходит еще одна поэма, авторство которой приписывают Альбрехту из Шарфенберга, — «Младший Титурель» (Der Jungste Titurcl). В ней впервые изображено сооружение замка Грааля, о чем ниже.

«Общедоступный цикл» романов о рыцарях Круглого стола, или «Вульгата» (1230—1240) включал «Историю Святого Грааля» (Estoire del Saint Graal); «Историю Мерлина» (Estoire del Merlin); «Ланселот» (Lancelot propre); Поиски Святого Грааля (Queste del Saint Graal); «Смерть Артура» (Mort Artu).

Образ Грааля смутен, он как будто просвечивает сквозь завесы, представая в разнообразных формах, выстраивающих ряд приближений к неизреченной тайне.

Кретьен де Труа повествует, как Персеваль впервые попал в замок Грааля. Он скачет весь день и к вечеру оказывается на берегу бурной реки; ища переправы, он идет вниз по течению, пока не

достигает скалы, преграждающей ему путь. Появляется челнок с рыбаком, который говорит Персевалу, что переправы тут нет, но он сам готов приютить его на ночь. Он указывает на проход в глубь скалы, и далее оба следуют тропой вверх по склону, где над скалами показывается наконец шпиль башни. Персеваль направляет коня в ту сторону, и вот — перед ним мощный замок; подъемный мост опущен, судя по всему, его здесь ждали. Молодому рыцарю помогают снять вооружение и, набросив на плечи пурпурный плащ, ведут в зал, к хозяину замка; его-то, как мы узнаем позднее, и называют «щедрым королем-рыболовом». Незаживающая рана мешает ему встать навстречу гостю. Оруженосец вносит меч с богатой перевязью, и хозяин опоясывает им юного рыцаря, давая понять, что судьбой ему назначено владеть этим мечом. Далее происходит самое важное: между ложем хозяина и камином медленно проходит процессия. Вначале идет оруженосец, *торжественно пронося* копьё, и все видят, как на его острие набухает капля крови, стекая вдоль копья на руку оруженосца. Тут бы изумленному юноше и задать вопрос — что все это значит? Но ему приходят на память слова Гурнеманца, недавно посвятившего его в рыцари, что не следует проявлять излишнего любопытства.

Затем появляется прекрасная юная дева в сопровождении пажей с роскошными светильниками. Она несет «некий Грааль» (так он назван) — золотой, усыпанный драгоценными камнями сосуд, сияющий столь ослепительно, что пламя свечей меркнет рядом с ним. За Граалем другая девушка несет серебряное блюдо. Все эти предметы переносят из одной комнаты в другую, но Персеваль так и не решился спросить, кому и для чего это предназначено. Лишь спустя пять лет он узнает от святого отшельника, что Грааль приносят старому королю, отцу «щедрого короля-рыболова», и что он уже 20 лет питается лишь гостией, которая находится в Граале.

Между тем и Персевалу Грааль предстает как чудесная трапеца, описанная, правда, подробно и реалистично, как смена ро-

скошных блюд. Затем хозяин прощается со всеми и его уносят во внутренние покои. Персеваль остается ночевать в зале. Проснувшись наутро, он оказывается в полном одиночестве — все двери, ведущие в другие комнаты, закрыты. Он выходит во двор и видит свою лошадь оседланной, садится и скачет, надеясь найти кого-нибудь из обитателей замка и задать им наконец-то накопившиеся вопросы. Он переезжает мост, который в последний момент поднимается в воздух, так что лошадь прыжком достигает земли. Замок исчезает из виду, а наш герой так и не получил разъяснений. Все это было похоже на чудесный сон. Теперь наступило пробуждение — встреченные им люди говорят, что никакого замка в округе нет. Тем не менее Персеваль вновь пускается на поиски Грааля, и на этом роман обрывается.

В центре внимания Робера де Борона — происхождение священной чаши и ее путь на Запад. Вырезанная из цельного изумруда чаша, из которой Спаситель дал испить ученикам во время Тайной вечери, со словами «сие есть кровь Моя», после ареста Иисуса была подобрана и передана Пилату. Согласно евангельскому тексту, член синедриона Иосиф Аримафейский снял тело Спасителя с креста и похоронил его в могиле-усыпальнице, приготовленной для него самого неподалеку от Голгофы. Робер дополняет это подробностями из «Никодимова Евангелия». Согласно ему, Иосиф служил римскому наместнику и потому ему не отказали в просьбе — снять мертвое тело, а заодно и отдали найденный сосуд. Когда Иосиф с помощью Никодима снял тело, из ран снова потекла кровь и ее собрали в сосуд. После воскресения Господня иудеи принялись обвинять его в том, что он тайно похитил тело. В ярости они бросили его в темницу, куда пришел сам воскресший Иисус, благословил Иосифа, вернул ему сосуд с драгоценной кровью, назвав его «потиром причастия» и наказав блюсти «душеспасительный обряд». Только после разрушения Иерусалима римлянами Иосифа выпускают из темницы: все эти годы он провел без еды и питья, чудесно питаемый Граалем.

После освобождения из темницы Иосиф собирает вокруг себя общину, и все вместе они отправляются в дальние края. Здесь по велению Божию Иосиф сооружает стол Грааля, в центре его помещает сосуд с драгоценной кровью, рядом кладет рыбу, предназначение которой — вызывать в мыслях присутствующих образ Христа. Устойчивая связь символа рыбы с Христом известна со времен римских катакомб. Считается, что слово «рыба», по-гречески Ихтис, является монограммой имени «Иисус Христос сын Божий Спаситель». Образ этот является и в Евангелиях. Одно из чудес Иисуса — насыщение толпы народа «тремя хлебами и двумя рыбами». Обращаясь к рыбакам с призывом стать его апостолами, Он говорит: « Я сделаю вас ловцами человеков».

Более значимым, хотя и менее известным объяснением является вхождение Земли в новое созвездие зодиака — знак Рыб. Однако крестная жертва происходила под знаком Овна и, по всей видимости, поэтому Христос именуется Агнцем. Римско-католическая церковь предпочла именно этот образ, связанный с предыдущим знаком Зодиака. Однако среди течений раннего христианства столь же принятым был символ Рыб, как провозвестие новых духовных сил, которые будут изливаться на человечество в период двухтысячелетнего пребывания под новым созвездием. Во всяком случае, образ короля-рыболова в легендах о Граале неслучаен.

В конце повествования де Борон заверяет нас, что предание о Граале он излагает с позволения Церкви и по просьбе графа Монбелиарского. Однако в это время уже шла первая война с альбигойцами. Римская церковь в стремлении подчинить своей власти не только тела, но и души, не могла допустить, чтобы на юге Франции, в Провансе и Лангедоке, существовала свободная и блестящая культура, не признававшая власти Рима. Войны продолжались вплоть до 1229 года, оставив груды пепла и праха. Видимо, уже в те десятилетия сведущим умам было ясно, что независимое существование альбигойских общин обречено, и потому следует искать иное, более надежное укрытие от бурь времени. Поэто-

му столь интересно описание установленного Иосифом обряда служения Граалю, явно ведущего начало от раннехристианских времен. Двенадцать избранных занимают место за столом, причем одно, находящееся между Иосифом и его преемником Хеброном (Броном), остается незанятым: оно как бы указывает на место, оставшееся пустым после предательства Иуды. Голос свыше повелевает никому не занимать этого места, покуда не появится тот, кому суждено стать преемником-хранителем Грааля. Робер де Борон рисует, как при виде Грааля чистые сердцем испытывают радость и блаженство, а сердца нечестивых остаются пустыми и те, устыдившись, уходят прочь. Так, в стороне от основного русла церковной жизни, сохранялось другое направление, чем-то напоминавшее традиции ессейских братств. Священную трапезу евхаристии, где происходит вкушение хлеба и вина, знаменующих тело и кровь Спасителя, здесь заменяет трапеза духовная – созерцание реликвии, несущей свет и насыщающей светом тех, кто способен и достоин его воспринять.

Вольфрам фон Эшенбах, наблюдавший заключительные акты кровавой альбигойской трагедии, учиненной крестоносцами и инквизицией, открыто ссылается на своего учителя, которому он обязан истинным знанием о Граале – на мэтра Киота, уроженца Прованса. Мэтр Киот – сочинитель песен, чье искусство приносило людям радость. Он нашел в Толедо покрытый пылью первоисточник сказания о Граале, на арабском языке. После тщательного изучения рукописи он понял, что начала знания о Граале восходят к дохристианским временам. Некий мудрец Флегетан, постигший «науку звезд» и ее связь с людскими судьбами, открыл тайну Грааля. Об этом далее сообщается:

Когда небеса сотрясало войною
Меж Господом Богом и Сатанюю,
Сей камень ангелы сберегли
Для лучших, избранных чад земли...

Итак, Грааль — это камень, некогда принесенный на землю ангелами.

Поэтому Вольфрам критически относится к образам Грааля, созданным предшественниками: «немало стоило труда / рассказ Кретьена де Труа / здесь выправить...» И действительно, золотой сосуд с гостией, или со святой кровью, столь напоминающий церковный потир, уже не появляется. Вместо него возникает устойчивый образ Грааля в виде драгоценного камня. Согласно другому преданию (оно приводится в поэме «Состязание певцов»), когда архангел Михаил сбил корону с головы предводителя мятежных ангелов — Люцифера, из нее выпал драгоценный камень: отсюда — *lapis ex coelis*, «камень с неба» (так расшифровывают *lapsit ex illis* — намеренно искаженный Эшенбахом латинский термин примерно с тем же значением — «камень-изгнанник», «камень свергнутый» (с небес). Изумруд издревле считается камнем мудрости. Так, древнейшие знания, убереженные от потопа, были увековечены в виде символических фигур на «изумрудной скрижали». Ее упоминают Пифагор, Александр Македонский, это священнейшая реликвия средневековой алхимии.

Ассоциация священных космических знаний с изумрудной скрижалю, возможно, породила образ Грааля-изумруда. Эта традиция, вероятно, сказалась в описании фон Эшенбаха, где настойчиво повторяется зеленый цвет:

И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток
Он же и корень, он и росток
Райский дар, избыток земного блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожденнейший камень Грааль².

Но и образ чаши прошел через тысячелетия. На заре библейской истории праотец Авраам получает посвящение от первосвященника Мелхиседека, который причащает его хлебом и вином в чаше. Священный сосуд Тайной вечери с вином и блюдо с хлебом, которые Иисус уподобил своей плоти и крови, явились в виде чаши и блюда в обряде несения Грааля.

Слова Иисуса Христа «Да минует Меня чаша сия!» являют нам символическое понимание образа чаши как вместилища жизни, судьбы. Эта символическая чаша изображается на иконах, где Иоанн Креститель держит в руках потир — чашу причастия — с младенцем Иисусом. Есть и композиции, где в центре — чаша с младенцем Иисусом.

В кельтских преданиях Ирландии и Уэльса фигурировали волшебные котлы, хранители изобилия; возможно, они повлияли на образ Грааля в виде кубка или чаши. У верховного бога ирландцев Дагда имелся котел, в котором готовилась пища только для героев. Из сваренных в котле богини Керидвен трав получался напиток мудрости и поэзии.

Хотя наследие Грааля зиждется на христианских реликвиях, официальная церковь никогда его не признавала, в какой-то мере считая ересью. Оно связывалось с языческими традициями; осуждались, как кощунство, связанные с Граалем мотивы куртуазной любви, царившие в средневековых романах и песнях трубадуров, поскольку в них женщина возвеличивалась, возводилась на пьедестал. Самые древние европейские легенды повествовали даже о том, что Св. Грааль, священный сосуд с божественной кровью, был доставлен в Прованс Марией Магдалиной.

Наконец, в поэме «Младший Титурель» (ее автором долго считали фон Эшенбаха, но сегодня доказана ее принадлежность перу Албрехта из Шарфенберга) приводится описание замка Грааля, сложенного из драгоценных камней. Избранный быть хранителем Грааля Титурель, ведомый ангелами, идет по непроходимому лесу и достигает заповедной горы Монсальват. На склонах горы рас-

положилось войско хранителей Грааля; а сам он парит в богатом ковчеге над горой, поддерживаемый ангелами. Титурель решает возвести для него храм, непревзойденный по богатству и роскоши — весь из золота и драгоценных камней.

Легенда выводит Грааль с Востока и туда же его возвращает. Вольфрам фон Эшенбах в самом конце своей поэмы пишет о сводном брате Парсифаля Фейрефице, сын которого по имени Иоанн живет в Индии, являясь царем и священником одновременно, причем все правители этой сказочной страны наследуют имя Иоанн из поколения в поколение. Более подробно о царстве Иоанна повествует Альбрехт фон Шарфенберг. Судя по всему, он использовал легендарное письмо пресвитера Иоанна византийскому императору, местами воспроизводя его буквально. Согласно заключительным главам поэмы, со временем хранители Св. Грааля сочли Запад слишком греховным и неподходящим местом для пребывания высочайшего сокровища. И вот братство Грааля с Парсифалем во главе отправляется из Европы на Восток, в страну брата Парцифалья, царя Фейрефица. Он рассказывает им о могущественной стране индийского царя-священника Иоанна, вассалом которого он сам является. Замечательно описание этой страны. Она находится вблизи рая, который Бог отделил от мира высокой горой, светлой и блестящей как стекло, и такой высокой, что ни человеку, ни птице не преодолеть ее.

Восхваляются великие добродетели священнослужителя Иоанна и нравственная чистота его подданных. Есть там источник, исцеляющий от болезней, есть и камень, дарующий человеку молодость. Обитель Иоанна — чудесный замок, напоминающий вышеописанный замок Грааля, в его распоряжении бесчисленное войско, ему подчиняются короли и епископы и т.д. Выслушав рассказ, Парцифаль и хранители Грааля воспаляются желанием служить пресвитеру Иоанну. Чудесным образом сюда переносится с Монсальвата и Св. Грааль. После кончины Титуреля, а затем и Парцифалья хранителем святыни становится сам пресвитер Иоанн.

*Толкования процессии Грааля.
Кельтское и скифское*

Знаменитой сцене «Процессия Грааля» предлагались самые различные интерпретации. Среди научных можно выделить три направления.

Для сторонников христианского и литургического объяснения Грааль – это дароносица (или чаша, потир), серебряное блюдо – патена, дискос, а кровоточащее копьё – то самое «святое копьё», которым римский сотник Лонгин пронзил бок распятого Христа. Другие полагают, что Грааль – это чаша, из которой пил Иисус во время Тайной вечери и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Спасителя. Последнее, правда, отсутствует у Кретьена и появляется позднее у Роберта де Борон. Итак, для одних эта процессия – обряд предсмертного причащения короля, проводимого в замке, для других – форма обряда Великого Входа, характерная для византийской обедни.

2. Сторонники кельтских истоков легенды, несомненно, могут указать в истории Грааля ирландские и галльские мотивы. В частности, один из аспектов легенды связан с культом плодородия (здесь плодородие земли связано с физическим исцелением увечного короля). Грааль при этом предстает как воплощение одного из тех чудесных сосудов, в которых никогда не переводится пища и питье. Эти предметы чаще всего составляют часть сокровищ и талисманов иного мира.

Однако теория кельтского происхождения имеет свои слабости: предметы, фигурирующие в процессии, разрознены, не составляют логической целостности. Для каждого из этих предметов можно найти кельтский аналог в той или иной легенде, но вместе они не образуют системы. Однако логично было бы хотя бы в порядке гипотезы предположить, что предметы, участвующие в процессии, составляют ансамбль, части целого, изначально неразделимого, и его надо опознать как таковой. Сравнительно-

исторический подход французского ученого, академика Ж. Дюмезиля предлагает такой способ проверить эту версию, и, не отрицая кельтских корней, предлагает более широкий взгляд на этот загадочный комплект сокровищ.

Скифский аналог священных предметов

Геродот в «Истории» приводит рассказ скифов об их происхождении.

Скифы – ираноязычные пришельцы-степняки, появившиеся в сев. Причерноморье еще в VII веке до н.э. Об их этногенезе существует несколько версий, приводимых Геродотом. Наиболее реалистическая из них гласит, что кочевые племена скифов обитали в Азии и, будучи вытеснены оттуда массагетами (родственными скифам), перешли реку Аракс и прибыли в киммерийскую землю. Однако чрезвычайно любопытные черты содержат их «мифы о происхождении» в передаче Геродота.

«По рассказам скифов, народ их моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена... У него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колаксай. В их царствование упали на землю с неба золотые предметы: плуг, ярмо и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился средний брат, и опять золото было объято пламенем, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему. ...Все племена вместе называются сколотами, то есть царскими. Эллины же зовут их скифами»³.

Вторую легенду рассказали Геродоту греки, жившие на Понте. В ней повествуется, как Геракл в поисках похищенных у него коней нашел в пещере существо смешанной породы – верхняя

часть тела у него была женской, а нижняя — змеиной. У них родилось трое сыновей, и на вопрос Змееды, что делать с ними, Геракл предложил следующее: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего поступить тебе так: посмотри, кто из них может вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь... остальных отошли на чужбину». Затем Геракл передал лук и пояс с висевшей на конце его чашей уехал. Двое сыновей — Агафирс и Гелон — не смогли справиться с задачей и были изгнаны, младшему же Скифу удалось. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе⁴.

В обоих мифах речь идет о полубожественном происхождении первопредка, его супруга (дочь реки Борисфена (Днепра) во второй версии описана как «полудева-полузмея», отчасти напоминающая русалку, об их трех сыновьях и священных сокровищах (чаша, плуг, ярмо; чаша, лук, пояс). Причем миф о небесных дарах был распространен и в Средней Азии среди саков и массагетов, и это как нельзя лучше подтверждает данную версию об их происхождении. Так, Александру Македонскому во время его пребывания в средней Азии саки с гордостью рассказывали о полученных ими небесных дарах — плуг, копье, стрела и чаша. А то обстоятельство, что скифы называли себя самым молодым народом, косвенно свидетельствует об их осознании — в мифологической форме, конечно, — факта «великого раздела». Так лингвисты называют деление индоевропейского «праязыка» на индоарийскую и индоиранскую ветви, причем вторая из них — младшая. Об этом говорят и другие сказания, например, о «старых» и «молодых» скифах, произошедших от братьев «Пала» и «Напа» (кстати, по имени второго названа скифская крепость Напит)⁵.

Сыновья Таргитая (владеющий Землей), считает скифолог Раевский, олицетворяют три вертикально расположенных мира (Колаксай — Солнце-царь, Липоксай — Гора-царь, Арпоксай —

Глубь-царь). Скифскому Колаксай соответствует славянский Дажьдбог — солнце-царь.

У скифов была своя модель мира, где символами являлись животные и растения. В ней хищная птица символизировала верхний мир, копытные — средний, кошачьи хищники, живущие в норах и пещерах, — нижний. Верхний и нижний миры противостоят среднему как потусторонние миры смерти. Не случайно сцены терзания, эти шедевры «звериного стиля», изображались над сценами земной жизни (Чертомлыцкая амфора) или под ними (пектораль из Толстой могилы).

На знаменитой пекторали из Толстой могилы учеными прочитана скифская модель мироздания. Центральной осью служит мировое древо, представленное своими элементами-символами (растение с птицами на нем, подвешенный горит — колчан для лука и стрел). В верхнем ярусе два скифа шьют одежду из овчины. Левый — старец со жреческой повязкой на волосах, почти безоружный (его горит висит на дереве). Правый — более молодой, горит у него лежит рядом. Это жрец и воин. Третью функцию представляют два скифа, доящие скот. Композицию верхнего яруса завершают две птицы — слева водоплавающая, справа — хищная.

Но терзание — это не просто смерть, а «благое терзание», жертвоприношение, залог возрождения жизни, а значит — обилия скота и растительности в земном мире. В мифологическом мышлении начало нового года соотносится с созданием или обновлением мира. Борьба двух даже благих начал ведет к страданиям и смерти, но из этой смерти рождается новая жизнь. Такова жесткая, но оптимистическая диалектика первобытного мифа.

Жорж Дюмезиль, изучив легенду, предположил, что эти предметы символически изображают три функции индоевропейцев: чаша служит культу (первая функция); секира (по Геродоту), копье и стрела (по Квинту Курцию) служат войне (вторая функция); ярмо и плуг представляют третью функцию. Он исходил из того, что мифы можно понять лишь в контексте жизни людей, их соз-

давших: «хранители мифов, ритуалов и священных формул вполне сознавали стоявшую за ними систему, и наша единственная задача — показать ее во всей полноте и древности»⁶.

Другими словами, в религиозной идеологии находит отражение социальная структура народа, и только на этом фоне можно правильно понять возводимую на ней структуру мифологических и религиозных представлений. Относительно же социального устройства индоевропейских народов имеются во многих случаях вполне надежные свидетельства.

В глубокой древности у этих народов определились три социальные функции: религиозно-жреческая, военная и хозяйственная. Так, в древнеиндийском обществе мы находим деление на жрецов-брахманов, воинов-кшатриев и вайшья — земледельцев и ремесленников. Это трехчастное социальное деление, предположил Дюмезиль, наложило определяющий отпечаток на религиозную и мифологическую системы индоевропейских народов.

В соответствии с ними космологические представления соотносились не только с ценностными, но и с социальными воззрениями — с устройством общества и с принятой в нем системой ценностей. Само мироздание делилось на средний, горний и дольний миры. Соответственно делилось и само общество: отношения с горним миром поддерживали священнослужители, порядок в среднем мире и защиту его от драконов, чудовищ и просто врагов родной земли брало на себя воинство — князь со дружиной; с миром дольным, который олицетворяет «мать сыра земля» или земля и вода, и в котором все умирает и возрождается, таинственным образом связаны земледельцы, крестьянство, а затем и вообще производители материальных благ. С этим соотносилась система ценностей, построенная строго иерархично: перед высшими, сакральными ценностями склоняли голову оба сословия; далее следовали воинские, рыцарские доблести, и, наконец, добродетели земледельца, его трудолюбие, умение жить в согласии с природой — источником всякого богатства.

Образы богов и героев в этой системе — не произвольное создание народной фантазии. В каждом из них манифестируется одна из трех основных социальных функций. Так, первую функцию в древнеиндийском пантеоне олицетворяет Митра/Варуна; в древнеримском — Юпитер; в скандинавском — Тор/Один. Их функция определяется как суверенитет в политико-юридической и магической сфере; с ними ассоциируется управление, правосудие, мудрость, магия.

Вторую функцию олицетворяют, соответственно, Индра/Вайю, Марс, Тор. Она ассоциируется с физической силой, воинской доблестью, безудержной храбростью. Третья функция представленная соответственно в образах богов (Квири́н — близнецы Насатья — Ньордр, Фрейр, Фрейя), связана с богатством, плодородием, изобилием материальных благ; это боги — покровители земледельцев, пастухов, ремесленников, домашнего очага и женщины.

Теорию трех социальных функций и соответствующих им идеологий Дюмезиль применяет также к интерпретации кельтского, древнеиранского и древнегерманского материала. Венчает этот список анализ осетинского эпоса Нартов, который стал впечатляющим достижением французского ученого как кавказоведа. Он обнаруживает ту же схему в делении Нартов на три фамилии — Алагата, Ахсартагката и Бората. Алагата, в доме которых происходят молитвенные собрания Нартов, манифестируют первую функцию. Ахсартагката, отличающиеся воинственностью, — носители второй функции. Бората, славящиеся богатством, олицетворяют третью функцию. Осетины, как блестяще доказал французский ученый, являются уцелевшими потомками (через алан) последних скифов: «они сберегли до наших дней не только язык, как форму, несущую некое культурное содержание, но и само это содержание, в котором отразилось состояние скифской цивилизации на последних ступенях ее развития. А главное — живые, бесценные, полные архаики эпические сказания». Именно у них

мы находим «первоисточник» трифункционального деления. Согласно Геродоту, родоначальникам скифов были ниспосланы с неба золотые вещи: чаша, секира, плуг и ярмо. Они явно имели ритуальное значение, символизируя три функции. Таким образом, идеология трех функций выражена предметами, которые служат для выполнения этих функций.

«Трифункциональная теория» сразу же привлекла к себе внимание всех исследователей истории культуры, религии, мифологии. Наряду с горячими сторонниками были и скептики. Ряд исследователей отмечал наличие отклонений от этой схемы в различных культурах, в частности то, что на известном этапе воинские добродетели возобладали над жреческими. Французский академик сам предвосхитил возражения, подчеркнув, что в каждом конкретном случае приходится решать вопрос: в какой мере трифункциональная структура, безусловно иллюстрируемая символическими предметами, реально существовала в обществе? Так, скифское общество времен Геродота и более позднее, уже далеко уклонилось от традиционной индоевропейской или индоиранской модели, которую принято возводить ко III—II тыс. до н.э. Его сословия сильно трансформировались, приблизившись к окружающим кочевым народам (сарматы, хунну и т.п.). Едва ли в Скифии жречество продолжало существовать как обособленная группа, считает Дюмезиль. Скорее, религиозные акты отправлялись главными лицами — начиная с царей и кончая главами семейств. В этом скифы были сходны с индоевропейцами востока и севера Европы — славянами и германцами: у последних место главного мага, его знаки отличия и власть, подобно Одину в мифологии, получает король. В целом, общественный строй скифов был, полагает Дюмезиль, скорее двухсословным, нежели трифункциональным; в нем различались аристократия (вожди, князья) и своеобразный плебс (войско). Таким образом, представления о трех социальных слоях, следы которого сам Дюмезиль отмечал у скифов, на позднем этапе их существования являлись скорее идеальной моделью, застыв-

шей концептуальной традицией, продолжавшей существовать в сфере идеологии. Фактически он допускал трехчленное деление общества только для индоарийцев и части иранских племен («народ Авесты»). Тем не менее российские последователи Дюмезиля все же находили такое трехчленное деление в скифском обществе (Э.А. Грантовский, Д.С. Раевский, А.М. Хазанов).

Однако следы существования в сознании этой «индоевропейской идеологии» или идеализированной схемы вновь проявились в средневековой Европе в виде трех сословий. Относительно последних известно, что знаменитые три категории — *oratores*, *bellatores*, *laboratores*, — появились в IX–X веках как бы внезапно, причем поначалу в англосаксонских хрониках. Каждая категория характеризовалась особой функцией: «*laboratores* — это те, кто своим трудом обеспечивает наше существование; *bellatores* — это те, кто защищает наши города и нашу землю от завоевателей; *oratores* — это те, кто заступает за нас перед Богом. В самом деле, крестьянин должен трудиться, чтобы нас прокормить, солдат — воевать против наших врагов, а служитель Божий — молиться за нас и вести духовную брань с невидимым врагом», — говорится в англосаксонском тексте X века. Распространение этой столь похожей на древнеиндийскую схемы, ставшей, в свою очередь, основой трехсословного деления в средневековой Европе, служит новым подтверждением концепции французского ученого.

Споры, вероятно, будут продолжаться. Но вместе с тем, несомненно, что теория трех функций, дающая интерпретацию социорелигиозных представлений в связи с реальным процессом общественной жизни и социальных отношений, знаменует новый и важный этап в изучении религиозных и мифологических систем, который не может обойти ни один исследователь.

Второй областью научных исследований Дюмезиля было кавказоведение. Интерес к Кавказу пробудился у французского ученого с первых дней научной деятельности. Уже в 1928 году он предпринимает путешествие в Сванетию. В дальнейшем он про-

водит исследования среди кавказских народов, переселившихся в Турцию в 60-х годах XIX века и сохранявших свой язык, обычаи, фольклорные традиции. Этот «второй Кавказ» и стал предметом пристального внимания Дюмезиля. Впервые в 1930 году, а с 1954 года почти ежегодно он совершает научные поездки в места поселений турецких кавказцев, записывает тексты, изучает быт, фольклор. Вместе с тем он внимательнейшим образом следит за кавказоведческой литературой, издающейся в СССР, ведет оживленную переписку с советскими кавказоведами. Дюмезиль занимался всеми тремя группами кавказских языков: южными (лазский), восточными (ингушский), западными (убыхский, кабардино-черкесский, адыгейский). Особенно велики его заслуги в изучении западной группы: им была создана первая сравнительная грамматика этих языков.

Мифологические и кавказоведческие исследования Дюмезиля развивались параллельно и пересеклись в области изучения осетинского эпоса о героях, называемых Нартами. Результаты этой встречи оказались на редкость плодотворными, так как ученый был во всеоружии как мифолого-фольклористической эрудиции, так и кавказского материала.

В 1930 году вышла книга Дюмезиля «Легенды о Нартах». Со времени публикации известной статьи Вс. Миллера «Черты старинных сказаний и быта осетин» (ЖМНП, авг. 1882) это был самый крупный и позитивный вклад в познание генезиса и содержания сказаний о Нартах. В книге выделены основные циклы сказаний, сохраняющие свое значение и по сей день («Урызмаг и Сатана», «Хамыц и Батрадз», «Созырыко и Сослан») и второстепенные. Автор весьма обстоятельно излагает содержание сказаний каждого цикла, привлекая не только осетинские, но также кабардинские, западно-адыгские, балкарские и другие варианты. Вслед за Вс. Миллером, но с более развернутой аргументацией Дюмезиль убедительно доказывает прямую преемственность в эпической традиции от героических скифов до современных осетин. Он,

в частности, подчеркивает, что имя центральной нартовской героини Сатаны тождественно имени аланской принцессы Сатиник, которую, по Моисею Хоренскому, воспевали армянские рапсоды. Имена героинь не просто созвучны, их роднит сходство сюжетной и психологической ситуации в осетинской и армянской легенде.

Интерес к нартовскому эпосу сопровождал Дюмезиль на протяжении всей его научной деятельности. За «Легендами о нартах» последовал ряд книг и статей, где рассматривались как общие проблемы генезиса и исторических связей этого монументального памятника, так и частные мотивы и образы. На французском (1948) и немецком (1959) языках вышла книга «Локи», где автор проводит далеко идущие параллели между образом Нарта Сырдона и враждой его с Сосланом и образом скандинавского божества Локи и враждой последнего с солнечным богом Бальдром, — враждой, приводящей к гибели как Сослана, так и Бальдра.

Путем тонкого, скрупулезного, местами виртуозного сравнительного анализа Дюмезиль вскрывает в осетинском эпосе и мифологии черты, сюжеты, мотивы, образы, общие у осетин с другими народами индоевропейского круга, но неизменно в своеобразной и оригинальной национальной форме. Достоинно внимания, что коллега Дюмезиля по индоевропейским исследованиям — Жоэль Грисмар обнаружил соответствия между эпосом осетин и британских кельтов, причем «столь поразительные, что они не могут быть случайными», по выражению Дюмезиля. Таковы параллели с некоторыми местами легенд так называемого Артуровского круга. Это мотив меча, брошенного в озеро. Роман XIII века «Смерть короля Артура» содержит описание последней битвы, где гибнет большинство рыцарей Круглого стола и сам Артур смертельно ранен. Он велит верному спутнику бросить свой меч Эскалибур в озеро неподалеку. Тот дважды пытается обмануть своего господина, бросая в воду то собственный меч, то ножны Эскалибура. Но королю ведома тайна меча; дважды спрашивает

он оруженосца, что он увидел. Тот отвечает «ничего особенного» и Артур посылает его снова. Тогда оруженосец бросает наконец меч в озеро и видит, как из воды поднялась рука, схватила меч и скрылась. При рассказе об этом чуде Артур чует, что смерть близка.

Исследователи долго искали истоки этого мотива и только публикация Дюмезиля легенд о нартах позволила его прояснить. Герой легенд Батрадз мстит нартам за смерть своего отца, преследуя их с такой яростью, что сам бог разгневался и наслал на него беды, от которых Батрадз захотел умереть. Для Нартов началось последнее испытание. «Я не могу умереть, пока мой меч не будет брошен в море», — говорит он им, ибо существует мистическая связь между ним и его мечом. Однако Нартам не под силу сдвинуть с места это мощное оружие. Они пытаются обмануть героя, уверяя, что меч уже заброшен в море. Однако Батрадз, не веря им, спросил, какие чудеса произошли при этом. — «Никаких», — ответили они, и Батрадз легко догадывается, что его веление не исполнено. Наконец нарты, запрягши множество быков, привезли меч к берегу и бросили его в море: тотчас поднялась буря, море закипело и окрасилось кровью. Нарты рассказали об этом Батрадзу, и он испустил дух. Сходство между смертью героя-нарта и короля Артура в повести XIII столетия несомненна, здесь действует единая схема, меч, брошенный в озеро, служит испытанием и доказательством. Как и Батрадз, Артур не может умереть, покуда его меч не будет брошен в воду; как и нарт (скифский бог-меч) король бриттов некоторым образом олицетворяет свой меч. Только на этот раз мифическая связь превратилась в символическую.

Это лишний раз подчеркивает общие истоки: «A rgiog, — пишет Дюмезиль, — существование эпических индоевропейских тем и вообще индоевропейской литературы весьма вероятно».

В круге Артуровских легенд одним из самых впечатляющих и загадочных мотивов являются странствия героев в поисках Грааля. Напомним, как описана процессия несения Грааля в таинственном замке.

Вначале оруженосец приносит меч с перевязью, и хозяин опоясывает им гостя. Входит другой оруженосец с копьем в руках, и присутствующие видят, как на наконечнике копья набухает капля крови, стекая вниз; затем появляются два оруженосца со светильниками и юная дева, которая несет «некий грааль», украшенный всевозможными, какие только есть на земле и в море, драгоценными камнями. Сияние этого сосуда затмевает блеск свечей, подобно тому, как солнце затмевает звезды и луну. Следом за ней другая дева несет серебряное блюдо.

Существует ряд интерпретаций ритуала несения священных предметов, от христианской трактовки (чаша с кровью Христа и копье, которым был прободен бок Спасителя) до языческого культа плодородия (прежде всего, кельтского происхождения). Трифункциональный подход Дюмезиля позволяет внести ясность в эту загадку. Геродот в книге 4-й своей «Истории» передает рассказ скифов о начале их истории: первым человеком был Таргитай, у него было три сына — Липоксай, Арпоксай и Колаксай. При них упали с неба на землю Скифии 4 золотых предмета: плуг, ярмо, секира и чаша. Старшие братья пытались, но не смогли взять в руки эти пылающие предметы, и лишь младшему брату удалось это сделать. Тогда его признали царем. Эти священные предметы тщательно сохранялись, добавляет Геродот, и в его время еще употреблялись в ритуале.

Изучение этой скифской легенды убедило Дюмезиля, что священные предметы символизировали три функции индоевропейских народов: чаша служила жречеству; секира (копье, меч) — воинству; что касается плуга и ярма, то их связь с третьей функцией очевидна. Французский исследователь сравнивает эти талисманы с 4-мя сокровищами Туата де Даннан (дети богини Дану) в ирландском эпосе. Это были «камень судьбы», символ земли Ирландии (третья функция), меч и копье (вторая, воинская функция), котел Дагды (первая функция — друиды). Некоторые исследователи уже в конце XIX — начале XX века сближали эти сокрови-

ща со священными предметами процессии Грааля. В свете концепции Дюмезиля это предположение обретает заверченный вид. В самом деле, Грааль, волшебный сосуд, в котором не оскудевает пища, соотносится с функцией магическо-религиозного верховенства; меч и копье репрезентируют орудия и символы воинской функции; что касается серебряного блюда (для разрезания хлеба и мяса. — *Прим. авт.*), то он, вероятно, воплощает в неявной форме функцию подателя пищи.

Далее Ж. Дюмезиль сблизил эту скифскую традицию с подобными же традициями у других индоевропейских народов. В частности, он сравнил скифские талисманы с четырьмя сокровищами Туата Де Даннан ирландского эпоса:

«Племя богини Дану, или дети Дану, как зовут их простые ирландцы, появились в Ирландии, когда землю укрывал густой туман.

Они пришли с севера, и там, откуда они пришли, у них было четыре города: великий Фалиас, сияющий Гориас, Финиас и богатый Муриас, что южнее других. Из своих четырех городов дети богини Дану принесли четыре сокровища. Из Фалиаса — камень чистоты и невинности, который они называли Лиа Файл, или Камень Судьбы, из Гориаса — Меч, из Финиаса — Всепобеждающее Копье, а из Муриаса — четвертое сокровище, Котел, в котором любая еда получалась на славу»⁷.

Ученые уже высказали точку зрения, согласно которой эти предметы символизируют три функции и, кроме того, увидели в них те самые предметы, которые фигурируют в процессии Грааля.

Подход Дюмезиля придает им, однако, большую стройность.

Итак, перед нами собрание 4-х сокровищ, вполне подобных сокровищам Туата Де Даннан, и символизирующих 3 функции: Грааль, магический котел или чаша, воплощает верховенство священнослужителей; меч и копье — орудия и символы воинской функции; серебряное блюдо (для подавания и разрезания пищи), хотя и не в слишком явной форме, представляет третью функцию. Это можно представить на таблице:

Традиции	Магическо-религиозная функция	Воинская функция	Функция питания, кормления
Скифы	Чаша	Секира (Геродот), копье и трела (Квинт Курций)	Плуг и ярмо
Кельты	Котел Дагды	Меч Нуаду, копье Луга	Камень Файл
Кретъен де Труа	Грааль	Меч или копье	Блюдо

Но Грааль у Эшенбаха — не чаша, а камень, и тогда символические предметы меняются местами.

Эти функциональные талисманы скифов предстают в процессии замка Грааля как талисманы кельтов. «Тем самым, История Грааля предстает как средневековая метаморфоза чрезвычайно древнего рассказа, в котором, спустя 4 тысячи лет, повествуется, как юный герой, пройдя ряд испытаний, завладевает королевскими сокровищами (орудиями и символами трех социальных функций): их гармоничное сочетание и сохранение в руках, к этому предназначенных, гарантирует процветание царства и восстановление царства, пришедшего в упадок, исцеление недостойного или бессильного короля страны, пораженной бесплодием»⁸.

Взгляды и идеи Дюмезиля, касающиеся нартовского эпоса, менялись и уточнялись в частности по мере привлечения нового материала и углубления теоретических позиций. Но на протяжении всей научной деятельности неизменным осталось убеждение, что основной фонд осетинских сказаний о нартах унаследован ими от богатой скифо-сарматской и аланской эпической традиции.

Тем временем появлялись новые факты о контактах с сарматами на западе Европы, следствием чего было знакомство с их военным опытом и с их картиной мира. Так, в настоящее время есть

все основания полагать, что прототипом вооружения рыцарей Круглого стола, как и средневековых рыцарей вообще, послужили сарматские катафрактарии — греческое название чешуйчатого доспеха из железных или бронзовых (либо кожаных) пластинок. Античные авторы также часто упоминают доспехи из пластин, нарезанных из рога или копыт. Большинство сарматских всадников были легковооруженными конными лучниками, и лишь сарматская знать и дружинники могли себе позволить иметь тяжелое вооружение.

Сарматский чешуйчатый доспех в комбинации с кольчужой существовал до XIV века, определив весь основной набор рыцарского вооружения и тактику конного боя. Защищали броней сарматы и своих коней, отчего в глазах противника выглядели «...подобно какому-то железному человеку или движущейся ковanej статуей». В качестве главного наступательного оружия катафрактарии использовали длинное, до 3–3,5 метров копьe, которое широкими ремнями крепилось к шее и крупу коня, тем самым позволяя всаднику легко направлять его. Дополнением являлся и длинный, свыше метра, двуручный меч. Когда начиналась битва, они, выстроившись клином подобно бронированному тарану, на всем скаку врзались во вражеский строй, нанося ему сокрушительный удар. Ничего подобного ни у римлян, ни тем более у кельтов на тот период не было. Поэтому, начиная со II века н.э. Римская империя стала охотно нанимать на службу отряды тяжелой сарматской конницы, бронированной армией прокатившейся по землям Западной Европы. В составе римских армий сарматы, а затем и аланы побывали в Галлии, Нормандии, на берегах Рейна, добрались до берегов Британии, где их экспедиционный корпус достигал 5000 тяжеловооруженных всадников. Именно тогда, считают ученые, в Западную Европу и попали иранские героические истории, рассказы и традиции, на которых позже сформировался круг легенд о короле Артуре. В рыцарских романах говорится, что будущий король сумел доказать свое право владычества над

Британией лишь после того, как дважды извлек волшебный меч Эскалибур, вложенный волшебником Мерлином в а) камень, б) в наковальню, стоящую на камне. Наковальню в британском эпосе чаще заменяют камнем. Однако наковальня в сочетании с другими священными сокровищами обнаруживается в легендах Крыма. Между тем для древних иранцев — скифов и сарматов — меч, воткнутый в землю, гору хвороста или камень, служил кумиром бога войны и победы. Царь же в их представлениях считался живым воплощением бога. Поэтому сарматы верили, что священный меч мог взять в руки только человек, в жилах которого течет царская кровь. Это в полной мере отразилось в сюжете с Эскалибуром: многие вызывались извлечь меч, но это с легкостью удалось только молодому Артуру.

Открытия множатся, добавляя все новые вставки в пока еще мозаичную картину. Приведем рассказ археолога, свидетельствующий о вполне конкретных контактах сарматов с римскими подданными, возможном обмене оружием и, как знать? рассказами о преданиях своих народов...

«Сарматский царь Инисмей в конце I в.н.э. установил свой протекторат над греческой Ольвией, в знак чего там чеканились монеты с его тамгой и надписью: “царь Инисмей”. Чуть раньше в 60–70-е годы Ольвия чеканила золотые монеты сарматского царя Фарзоя с его тамгой. У городка Ямполь, села Пороги, на границе с Молдовой археологи раскопали нетронутое сарматское захоронение, где были найдены великолепные образцы полихромного, “бирюзово-золотого” стиля, любимого сарматами. А яркий восточный характер изображений на поясных пряжках уводит в поисках корней этого искусства в Центральную Азию и Китай. Меч, пояса, гривна и чаша были украшены тамгой царя Инисмея. Согласно выводу археологов, именно Инисмей был захоронен в этом погребении, а сам он — сын Фарзоя. Так вот, тамги Фарзоя найдены на Волге, в прикаспийских степях и восточнее, в Приарале — там, где согласно письменным источникам, обитали аорсы и ала-

ны. А Плиний старший во 2-й пол. I в. отмечает эти племена уже близ Дуная и Днепра, то есть там, где найдена могила в Порогах.

Еще одна ниточка протянулась из Болгарии, где в конце 60-х годов в кургане Рошава Драгана было найдено захоронение фракийского аристократа – офицера римской службы. Относится оно к тому же времени, что и погребение в Порогах. Среди многочисленного инвентаря – римской бронзовой посуды, доспехов, оружия – там был найден парадный сарматский меч с китайской нефритовой скобой на ножнах. На его ножны и золотое навершие рукояти были нанесены... тамги Инисмея! А в Порогах был найден фракийский боевой нож. Сарматы воевали с римлянами на Дунае в 69–71 годах.

Как попали сарматский меч к римскому офицеру, а фракийский нож – сарматскому царю? Как трофеи? Или подарки?»⁹...

Священные сокровища в легендах Таврики

В Таврике среди легенд мы встречаем устойчивый мотив – о священных сокровищах золотой колыбели и наковальне. Есть искушение также поставить их в троичную схему, но перед нами всего два талисмана. Правда, тот или иной из трех талисманов порой удваивается. В таврической легенде один из талисманов, напротив, утерян – это, скорее всего, меч: в самом деле, к чему наковальня без меча? Меч мы находим неподалеку – у скифов или в нартской легенде, сохраненной осетинами, на северном Кавказе, в стране, «парной» лунной Тавриде – солнечной Колхиде. Там герой Батрадз велит бросить свой меч в море, и только после этого священнодействия он может умереть. Точно так же поступает король Артур; о том, что истоки этого мотива стоит поискать среди нартского эпоса, писал Дюмезиль. Проследуем вдоль нашей путеводной нити, понемногу распутывая ее, дальше: Артур становится королем после того, как проходит испытание. А оно, как известно, состоит в том, что только ему удастся извлечь меч, засунутый

глубоко... куда? — правильно, в наковальню! Именно так говорилось в более ранних вариантах британской легенды, и лишь позднее наковальню заменили камнем.

Меч в наковальне из легенды имеет свой реальный прототип. Правда, находится он далеко от Англии — в Италии, в монастыре Сан Гальгано неподалеку от города Сиены. Здесь, в полу старой церкви, под пластиковым колпаком хранится очень древний экспонат: самый настоящий меч-в-камне. Однако к королю Артуру меч не имеет отношения, здесь о нем рассказывают совсем другую легенду. Она гласит, что жестокий и беспощадный рыцарь Гальгано после того, как ему явилось видение архангела Гавриила, в знак отказа от насилия и всего мирского стал отшельником и воткнул меч в скалу — оттуда виднеется лишь рукоятка и небольшая часть лезвия. Итальянский исследователь Марио Моираги подчеркивает, что легенда о Святом Гальгано восходит к более древнему варианту легенды, согласно которому меч был воткнут не в камень, а в наковальню, стоявшую на камне. Впервые о «мече-в-камне» упомянул французский поэт Робер де Борон в поэме «Персеваль, или Повесть о Граале». По его версии, меч был воткнут в наковальню, стоящую на вершине камня, и ждал избранника, который сможет выдернуть его оттуда и получить корону. По мнению итальянского исследователя, английские легенды о короле Артуре вторичны и основные их мотивы берут свое начало в Персии. В книге «Тайна Сан-Гальгано» Моираги приводит данные анализа, согласно которым легендарный меч-в-камне в полу церкви датируется 1180 годом. Таков результат всесторонних металлографических исследований, проведенных осенью 2001 года в университете города Павия.¹⁰ А первые упоминания об Эскалибуре и «мече-в-камне» датируются несколькими десятками лет спустя. Таким образом, истоки легенды о короле Артуре и Святом Граале приходится искать не на севере Европы или во Франции, а в Италии, куда они были занесены мореплавателями из стран Востока.

Сделаем предположение. Если, согласно священной географии того времени, Таврида была страной Луны, а Колхида – страной Солнца, и каждой соответствовали свои боги, то, возможно, и священные сокровища были разделены. О культе бога-меча рассказано у античных авторов.

Поговорим о талисманах Таврики. В Колыбели вскормлены князья, вожди народа, и в годину опасности она скрывается в горе. В горе скрывается и сам князь, когда враги одолевают; но настанет время, и он выйдет оттуда и род продолжится... Не правда ли, мы видим тот же мотив «короля, который жив и не жив» и который вернется в урочный час? Это рассказывали об Артуре и о Фридрихе Барбароссе...

Пойдем дальше. Диодор рассказывает, что богиню-мать в Малой Азии называли «Матерь горы» (*Mater Montana*), имея в виду ее роль богини – хранительницы детей. Ближайшие аналогии мы находим в Индии. Пусть это будет продолжением темы лингвистической – мы уже писали о том, что язык тавров признан северопричерноморской ветвью индоарийского. Вслед за общностью языка следует общность понятий, представлений. Итак, в сев. Индии, в Раджастане мы находим «мать горы» – Амба-мата: здесь она является покровительницей и хранительницей мальчиков – будущих воинов. Алтарь Гури-Парвати-мата, «мощной матери горы», венчает почти все возвышенности в Меваре, сердце Раджастана. Ей же посвящены все храмы-крепости страны. Поэтому, как Артемида Эфесская, она увенчана полумесяцем, и как Кибела носит на голове зубчатую башенную корону; под именем Деви-Дурги (мощной богини) считается покровительницей всех укрепленных мест, как правило, расположенных на скалистых вершинах, в свою очередь, изрытых пещерами-криптами.

Не напоминает ли это таврические «сорок крепостей», «священное сорокаградье»?

Пойдем еще далее. Тавры сегодня признаны носителями индоарийской ветви языков, близких к санскриту. Но почему мы встре-

чаем в их представлениях важные элементы, присущие представлениям столь же, если не более самостоятельного и древнего языкового семейства — финно-угорского? Финно-угорские народы, ставшие известными в первую очередь благодаря «Калевале», этому хранилищу древнейших мифов, располагают и многими другими, сравнительно недавно ставшими объектами изучения. Среди них нас в первую очередь интересует миф Обских угров о богине-матери. Она — хозяйка горы, или живет в горе, где хранит души новорожденных младенцев. Там, в горе, она укачивает их в колыбели. Анализируя эти представления, петербургский археолог В.В. Напольских пишет, что гора неявно отождествляется с самой богиней, а пещера — с материнским лоном. Связанная с землей, горой, пещерой, богиня-мать дает жизнь не только людям, но и зверям, птицам. Это архаичный повсеместно распространенный образ Богини — «владычицы людей и зверей». «В земном преломлении, — продолжает ученый, — образ богини-матери то разрастается до размеров горы, то сжимается до размеров скалы, или каменного изваяния. Обращает на себя внимание параллелизм образов, через которые явлен земной облик богини-матери. Это гора, пещера, колыбель, изоморфность которых не вызывает сомнений — так или иначе, это метафоры рождающего лона природы»¹¹.

Чем это объяснить? Только ли тем, что жили поблизости, или общим наследием?

Легенда о Золотой колыбели

В Таврике легенда о Золотой колыбели, которая хранится в горе, повторяется в разных вариантах. То она входит в число сакральных предметов (золотая колыска и наковальня), хранимых в тайном месте, и тогда она перекликается с четырьмя скифскими сокровищами, упомянутыми Геродотом (чаша, секира, плуг и ярмо), а также с четырьмя сокровищами кельтов (чаша, копье, блюдо и камень). То она служит своему прямому назначению — в ней воспитывают

будущего правителя, и когда царство под натиском врагов рушится, колыбель и наковальня исчезают в горе. Существует топоним — Бешик-Тау (Колыбель-Гора) около Чуфут-Кале, и еще ряд гор считаются хранителями священных предметов — гора Басман, Каплу-Кая и Крестовая гора на Южном берегу под Ай-Петри.

Остановимся на двух основных вариантах легенды. В первой из них, записанной на Южном берегу в районе Алупки в 1936 году, время действия отодвинуто в седую древность¹².

«В очень давние времена, когда не создал еще Аллах великого прародителя всех людей, Адама, изгнанника дженнета (рая), на свете жили какие-то древние не то люди, не то духи, по названию джинтайфасы. Были разные джины. Одни были правоверными, другие — неправоверными, не признававшими единого Аллаха, создателя миров.

По эту сторону крымских гор, вдоль всего побережья, жили Аллаховы джины. По ту сторону крымских гор жили неправоверные джины. Они не признавали заветов Аллаха и подчинялись его врагу — великому бесу Иблису». Джины — духи, но этот термин относится к людям древней, исчезнувшей культуры, уже непонятной. Из дальнейшего можно понять, что Аллаховы джины — это мирные земледельцы, а Иблисовы джины — воинственные кочевники.

В другом варианте легенды, записанном известным крымове-дом XIX века Кондараки, время действия приурочено примерно к XIV веку, когда происходили ожесточенные столкновения местных греков с генуэзцами, которые захватывали их прибрежные крепости, стремясь подчинить своему контролю международные торговые пути¹³.

Когда-то в отдаленные времена в Крыму существовало два сильных и богатых царства. Одно из них называлось Урумским, а другое Френкским. Эти два царства граничили между собою и постоянно вели отчаянные битвы: одни за независимость, другие за господство. Однажды князья этих народов решили заключить

мир. В столицу Урумского царства прибыл френкский полководец с предложением, что если оно желает навсегда сделаться другом френков, то пусть отдаст в залог дружбы и союза золотую колыбель и наковальню, которые составляют священную эмблему княжества.

Мы опустим остальные события и обратимся к концу обеих легенд, весьма сходному. Итак, перед лицом неминуемого поражения князь уносит священные реликвии в пещеру и произносит заклятие. Сравним оба варианта.

Перед смертью старик-хан произнес над золотой колыбелью грозное заклинание, от которого она стала невидимой. Предание говорит, что золотая колыбель эта еще и поныне хранится в мрачной пещере горы Исар. Только иногда, во время сильной бури, когда вихрь проникает в заколдованое таинственное подземелье и раскачивает колыбель, она тихонько поет заунывную колыбельную песню.

Многие, очень многие с давних пор старались как-нибудь достать золотую колыбель в пещере на Крестовой горе, но всегда безуспешно. Многие платились жизнью за свои дерзкие попытки, срываясь со скал, другие, спасши свою жизнь, возвращались перепуганные, полубезумные, с искривленным навеки ртом, руками или ногами. Очень крепко колыбель заколдована старым ханом. Никому не дается она в руки, если не имеет тот нужного талисмана.

...урумский князь отнес колыбель в глубину пещеры, опустился на колени и, подняв руки к небу, произнес заклятье:

— Всеведущие духи! Призываю вас в эту мрачную глубину быть свидетелями моей предпоследней воли! Алчные и ненавидящие френки задумали лишить нас священных предметов: колыбели и наковальни. Наш народ погибнет ради спасения

этих святынь. Погибну и я, охраняя наши общие святыни. Вы, добрые духи, будете видеть мои предсмертные муки и слышать вопли невинных детей моих. Умоляю вас. Ради пожертвовавших собою подданных моих, ради смерти моих детей, отныне принять на сохранение эти бесценные вещи, за принадлежность которых умирает целый народ с государем!

— Аминь! — послышалось в отдаленных гротах.

— Заклинаю кровью нашей, — продолжал царь, — того, кто решится взглянуть на эти сокровища с умыслом похищения; пусть он лишится рассудка и подобно бешеному волку рыщет по горам до тех пор, пока погибнет таким же жалким образом, как и я, последний хранитель народных святынь!

Итак, священные реликвии никуда не исчезли, они хранятся в горе до сего дня; френкам-чужакам они не достались; спасая их, принес себя в жертву старый князь, но золотая колыбель — залог того, что вынырчит в ней богиня горы наследника и не прервется наследственная цепь правителей страны и народа, и наступит еще время счастливого царства

Священные реликвии находятся под охраной особого заклятия: кто посмеет его нарушить, — «лишится рассудка». Варианты легенды устойчиво воспроизводят этот мотив.

...Где-то мы уже слышали о подобном заклятии: это рассказы о карело-финских колдунах, умеющих насылать чары, беспричинный страх и ужас, на тех, кто пытается приблизиться к местам или подземельям, которые считают запретными. Как мы сказали бы сегодня, «психологическая защита»?!

Священная чаша: из древности в Средневековье

Мотивы чаши и колыбели перетекают друг в друга с глубокой древности. Чаша у скифов и сарматов, судя по изображениям, — неперменный атрибут посвящения в цари.

Чаша в раннем Средневековье вновь включается в священнодействие.

Чаша Иосифа Аримафейского, наполненная кровью Христа, трансформируется в Сирии в чашу с младенцем Христом, предлагающим себя в жертву. Такая композиция появляется в византийских храмах во 2-й половине XII века. Примерно в это время появляются и ее описания, преимущественно в текстах о Граале.

И вот Галахад с товарищами представилось, будто «явился перед ними старец в сопровождении четырех ангелов небесных, и был он словно в епископском облачении и в руке держал крест. Четыре ангела несли его сидящим в кресле и опустили и поставили перед серебряным престолом, на котором стоял Святой Грааль. На челе же у него словно бы виднелись буквы, гласившие: «Вы видите перед собою Иосифа, первого епископа христианского, которого Господь наш поддержал в божественном храме в городе Саррасе». И подивились этому рыцари, ибо тот епископ уже триста лет и более, как умер.

— Ах, рыцари, — молвил он, — не удивляйтесь, ведь некогда и я жил на земле.

И с тем услышали они, как распахнулись двери дальнего покоя, и внутри увидели они ангелов. Два ангела держали восковые свечи, а третий — платок, четвертый же — копьё, с которого чудесным образом бежала кровь, и капли крови падали в шкатулку, что держал он в другой руке. Вот поставили они свечи на престол, третий ангел опустил платок свой на священную чашу, а четвертый установил священное копьё стоймя на крышке чаши.

И тогда епископ приступил к освящению даров, и поднял он облатку наподобие хлебца. В тот же миг явилась фигура наподобие отрока с лицом красным и светлым, как огонь. И она вошла в тот хлебец, так что все видели, что хлебец тот из плоти человеческой. А затем старец поместил его обратно в священную

чашу. И он проделал все остальное, что надлежит священнику во время мессы.

А потом приблизился он к сэру Галахаду и поцеловал его, и велел ему поцеловать своих товарищей. Тот так и сделал.

И сказав это, он исчез. Они же сели к столу в великом страхе и прочитали молитвы. И поглядели они, и увидели, что выходит к ним из священного сосуда фигура человека со всеми знаками страстей Иисуса Христа, открытыми и кровоточащими, и говорит:

Мои рыцари и слуги и верные мои дети, от жизни смертной пришедшие к жизни духовной. Я не буду более скрываться от ваших взоров, и вы увидите ныне мое тайное и сокровенное. Примите же и вкусите пищи, которой вы алчете.

И поднял он сам священную чашу и приблизился к сэру Галахаду. И тот преклонил колена и принял причастие. Вслед за ним приняли причастие и все остальные. И нашли они его столь сладким, что никакими словами нельзя передать. И молвил он сэру Галахаду:

Сыне, ведомо ли тебе, что держу я меж ладоней?

Нет, — отвечал, — покуда ты не сказал мне.

Это, — сказал он, — священный сосуд, из которого ел я агнца на Пасху, и ты видишь теперь то, что видеть желал всего более. Но покуда ты еще видишь это не так ясно и открыто, как предстоит тебе это видеть в городе Саррасе, в храме духовном. И потому надлежит тебе покинуть здешний замок, взявши с собой этот священный сосуд, ибо нынче ночью назначено ему покинуть пределы королевства Логрского, и больше его здесь никогда не увидят.

А знаешь ли ты, почему? Потому что ему не служат и не поклоняются в этой стране так, как должно, ибо здесь люди обратились ко злу, и я лишу их той чести, что некогда я им оказал. И потому отправляйтесь завтра поутру к морю, где вы найдете корабль ваш наготове, и с собою захватите Меч-на-Чудесной-

Перевязи, и никто более не должен ехать с вами, кроме сэра Персиваля и сэра Борса¹⁴.

Композиция «Поклонение жертве» появляется впервые в византийском мире во 2-й половине XII века. Наиболее ранние ее примеры сохранились в церквах Сербии. Здесь мы встречаем подобные композиции, относящиеся к XII – началу XIV века. Это Студеницы, Кралева церковь Иоакима и Анны 1313–1314 годов; Македония, Курбиново, церковь Св. Георгия 1191 года; Македония, Сопочаны, остров Заум на Охридском озере, церковь Богоматери, Придел Св. Троицы 1361 года; церковь Св. Андрея на Треске 1388–1389 годов;

Чаша с младенцем встречается и в другой композиции – это Иоанн Креститель.

Аналогичный сюжет «Поклонение жертве» преобладает в сохранившихся росписях пещерных церквей Таврики. В пяти из шести уцелевших алтарных росписей изображена одна и та же композиция: младенец Христос в чаше, служащие ему ангелы и святые отцы. Это храм Донаторов около Эски-Кермена, храм Успения на Эски-Кермене, храм Южного монастыря на Мангупе, храм Иоанна Предтечи (его фреска ныне перенесена в Бахчисарайский музей) и практически разрушенный храм Св. Евграфия в Инкермане.

В работе Ирины Волконской «Восстановление фресок пещерных монастырей Крыма» дается реконструкция композиций. Возьмем в качестве примера роспись храма Донаторов. В алтаре изображена группа священнослужителей, по трое с каждой стороны, от находящейся в центре чаши с младенцем. Они совершают таинство евхаристии, провозглашая пресуществление плоти и крови Христовой, изображаемой младенцем в чаше, в самого Спасителя.

Эта ситуация дала основания для новых вопросов: почему в Таврике преобладал этот сюжет? Не нашел ли он благоприятную

почву в древних таврических верованиях? Не произошло ли перетекание мотива колыбели в чашу — или наоборот? В Херсонесе чаша служила купелью для новорожденных...

Описание процессии в таинственном замке получило новый импульс к тому, чтобы толковать его как описание византийской литургии.

О том, что легенды о Граале были навеяны византийскими апокрифическими текстами и обрядностью восточной церкви, писал еще в конце XIX века выдающийся исследователь Веселовский. И сегодня западные исследователи подчеркивают связь между атрибутами литургии (находящиеся в алтаре чаша, дискос, копии и звезда) и страстями и погребением Христа.

Действительно, византийский ритуал, связанный с именами Иоанна Златоуста, Кирилла Александрийского и Максима Исповедника, символизирует страсти Христовы. Священник пронзает гостию (хлебец) священным копьём, затем возлагает ее на дискос — широкое блюдо на ножке. В «Великом Входе», согласно византийскому обряду, процессия следует в таком порядке: первыми идут ликторы с зажженными свечами, за ними — священник с чашей, затем — дьякон с дискосом, затем служба с копьём, еще один с губкой, затем остальные с Евангелиями и реликвиями.

В католической мессе идея жертвоприношения отсутствует и соответственно священные предметы не играют роли. Западная церковь долгое время развивалась в отрыве от Восточной, которая находилась гораздо ближе к самым истокам христианства. По-разному сложилась и обрядность. В Восточной церкви хлеб и вино после освящения становились телом и кровью Христовыми и именно ими происходило причащение. Но в Западной церкви не разрешалось причащать вином, чтобы не пролить святую кровь, давалась лишь облатка. Запрет был официально закреплен решением Латеранского собора 1215 года. Так, в дискуссиях о природе причащения, которые велись в XII—XIII веках в Европе и в Византии, была поставлена точка. Неудивительно,

что традиция Грааля, несущая следы восточного византийского влияния, не получила официального признания католической церкви. Но это обстоятельство не только не помешало, но скорее способствовало тому, что приобщение к ней было возведено на уровень инициации.

Итак, это чаша, потир. И хотя священные предметы имеют свойство «перетекать» друг в друга, едва ли можно отождествлять ее с колыбелью.

Легенда о Золотой колыбели и мотив «спящего короля»

Смысл ее видится в другом мотиве – мотиве правителя, который может потерпеть поражение, погибнуть, но при этом не исчезнуть навсегда. Герой, царь, король, который скрылся в скале, горе, холме, – восточного, или, скорее, малоазийского происхождения. Об этом говорят барельефы хеттов, персов, ассирийцев, высеченные в скалах, со сценами священных процессий или вручения царской власти самим Богом. Но особенно характерна высеченная в скале «дверь», сквозь которую скрылся герой-защитник, царь или святой. В Армении близ столицы Урарту Русихинили над погребением царя Аргишти высечена в скале «Дверь Мгера»: сюда ушел герой Мгер и отсюда раз в год он выходит. Аналогичные легенды распространены и в Таврике. В горе скрылся князь таврической легенды, оберегая колыбель, в которой будет вскормлен его наследник. Сохранилась также легенда о «неведомом святом», скрывшемся в скале. Она пересказана священником Иаковом, участником посольства 1634 года, в «Повести о мощах неведомого святого»¹⁵.

Этот мотив получил широкое распространение в Европе благодаря Артурианскому циклу. В раннее Средневековье широко было распространено убеждение, что наступит день, когда король Артур вернется, и говорили, что на его гробнице начертано: «Здесь лежит Артур, король в прошлом и будущем»¹⁶.

В последней битве Артур был смертельно ранен и перенесен на Аваллон, где «королевы фей» излечивают его. Но раны короля Артура, особенно одна (от отравленного копья) каждый год снова открываются, и верные ему люди напрасно ожидают его возвращения. Однако и сегодня живо предание, согласно которому король Артур все же снова появится с острова Аваллона и возглавит свое царство... «Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, — пишет Томас Мэлори, — что король Артур не умер, но был по воле Господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и говорят что он еще вернется и завоюет святой Крест... Многие рассказывают, что на его могиле написано так: “Здесь лежит Артур, Король в прошлом и Король в грядущем”»¹⁷.

Эти сюжеты стали источником вдохновения для британских художников-романтиков и прерафаэлитов. Их фантазия расцвела легенду множеством подробностей. На картине «Артур плывет в Авалон» короля сопровождают лебеди, вместе с ним возвращается его меч Эскалибур, который держит рука Владычицы озера. В кельтской мифологии Авалоном называли остров блаженных в потустороннем мире. Само слово «Авалон» близко словам древнебретонского языка «Inis Afalon», что означает — «остров яблонь». Как классический элемент Артуровского цикла, Авалон впервые появляется у Гальфрида Монмутского в «Деяниях королей Британии». Согласно хронике Гальфрида, на этом острове был выкован меч Артура, а затем сам король был увезен туда для исцеления после своей последней битвы. Дальнейшее развитие образ Авалона получает в «Житии Мерлина» того же Гальфрида, где описан как «остров блаженства» для героев, своего рода античный Элизий. На титульном листе издания «Смерть Артура» Т. Мэлори изображен король Артур в погребальной ладье. Знаменитый художник из группы прерафаэлитов Эдуард Берн-Джонс посвятил этой теме картину «Последний сон Артура в Авалоне». Спящий Артур окружен девами, играющими на музыкальных инструментах. После сражения при Камлане к смертельно раненому королю Артуру

явилась его сестра фея Моргана, вместе со спутницами перенесла его на корабль и отвезла Артура на остров Авалон. Там он покоится со своими рыцарями в окружении дев, которые пытаются залечить его раны; он проснется, когда Британия снова будет нуждаться в нем.

Остров ранних кельтских легенд принимал достойных и лучших, отсюда обряд погребения в лодке. Моргана, правительница Авалона, — это образ, в который трансформировалось древнее женское божество кельтов, «белая, или лунная богиня» времен друидов. В образе Госпожи озера она принимает меч Эскалибур и возвращает его в Авалон, откуда и происходит этот меч. Согласно легенде, после смерти короля остров Авалон растворился в тумане. Нынче, по крайней мере, его нет ни на одной карте. Своего рода «заместителем» Авалона в средние века стало аббатство Гластонбери и, в особенности, Гластонберийский холм, близ границы с Уэльсом. Монахи даже обнаружили здесь могилу короля Артура. Местность, окружающая холм, увенчанный башней «Тор», раньше напоминала остров из-за бесчисленного множества окружающих его болот. Но куда же исчез этот загадочный город? Сторонники паранормальных объяснений полагают, что Авалон пропал подобно русскому Китежу — перешел в иное параллельное измерение и скрылся от глаз людей. Но есть и более реалистичные варианты. Некоторые западные историки объясняют исчезновение Авалона обычным наводнением. В подтверждение своей гипотезы ученые приводили подлинную историю XI века. В ней речь идет об острове в проливе Ла-Манш, защищенном дамбами и шлюзами. Однажды после каких-то торжеств пьяная стража забыла их закрыть, и ничем не сдерживаемая приливная вода ринулась в город. В волнах погибло все его население, а сам остров покрыло море. Авалон могла постигнуть та же судьба.

Так возникла тема раненого короля, который пребывает в таинственном и недоступном месте, откуда он после исцеления должен вернуться. В средние века ожидаемый император, сокры-

тый, но не умерший, пребывающий в недоступном и невидимом центре, отождествляется с тем или иным правителем Священной Римской империи: Карлом Великим, Фридрихом I, Фридрихом II. Так, А.Н. Афанасьев приводит подобный мотив: «О Карле Великом рассказывают, что у самой подошвы Оденберга участвовал он в страшной битве; кровь лилась так беспощадно, что потоки ее проложили глубокие борозды. Карл одержал победу, но вечером, вместе со своим войском, вступил внутрь скалы и заключился в ее стенах; там покоится он теперь от своих геройских подвигов»¹⁸.

Теме «раненого» или «спящего» короля сопутствует известная из кельтских саг тема разоренного и бесплодного царства, ожидающего восстановления, что находит свой эквивалент в образе Сухого Древа. Сухое Древо, ассоциирующееся с местопребыванием «Царя мира», снова зазеленеет в момент новой имперской манифестации и победы над силами «темного века».

Это сказание, возникшее в эпоху золотого века западного рыцарства, повторяется в разнообразных вариациях, наподобие пророчества о явлении третьего Фридриха. Оно резюмируется известным выражением об Императоре, который «и жив, и не жив»... «Раненый король, король, пребывающий в летаргии, король умерший и лишь кажущийся живым или живой, но лишь кажущийся мертвым, и так далее — таковы близкие и взаимозаменяемые темы, которые мы постоянно встречаем в цикле Грааля», — пишет Дж. Эвола¹⁹.

Архетип «утраченного», «предательски убиенного» короля, которому покровительствуют сверхъестественные силы и который, свершив свой земной путь, не исчезает вполне, но пребывает в некоем ином измерении, откуда появится вновь, когда его народ будет особенно нуждаться в его возвращении, отнюдь не утратил силу, как это может показаться на первый взгляд в наш рационалистический век. Кризис религии, два тоталитарных режима с их субститутотом веры, разочарования в возможности построения

справедливого общества произвели немалые опустошения в системе ценностей. Однако человек нуждается в них, и огромный потенциал традиционных ценностей продолжает служить монархической идее. Рыцарству с его кодексом чести, ритуалами, зрелищностью и романтическими легендами есть что предложить современному миру. Рыцарство несет иерархию ценностей, кодекс поведения не произвольные, но освященные традицией, соответствующие высшим божественным предначертаниям. Рыцарство как идеальный носитель средневековой системы ценностей всегда сохранялось в европейской консервативно-правой среде не только в виде простой метафоры.

Примечания

- ¹ *Генон Рене*. Заметки об инициации // *Рене Генон*. Символика креста и др. произведения. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 333.
- ² К ряду «Грааль в образе камня», возможно, восходит и «Философский камень» алхимии. Превращение свинца в золото служило внешней формой, символом совсем другого процесса — восхождения избранного человеческого существа через ступени посвящения к обретению истинной духовности. Такой посвященный, как гласят легенды, мог при необходимости без труда превратить простой металл в золото, однако накопление богатства само по себе его уже не интересовало.
- ³ *Геродот*, IV, 5–7.
- ⁴ *Геродот*, IV, 8–10.
- ⁵ *Трубачев О.Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1998. С. 135.
- ⁶ *Ideologie tripartite indoeuropeenne / Bruxelles*, 1958. P. IX ; P.35.
- ⁷ *Завоевание Ирландии племенами богини Дану // Кельтские мифы*. Екатеринбург, 2005. С. 219.
- ⁸ *Ideologie tripartite indoeuropeenne. Bruxelles*, 1958. P. 211.
- ⁹ *Симоненко А.* Перстень царя Инисмея // *Мир древности*. №1, 2006. С. 10–15.

- ¹⁰ *Moiraghi M.* Enigma of San Galgano. 2003.
- ¹¹ *Напольских В.В.* Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли. М., 19. С. 5–21.
- ¹² Сказки и легенды татар Крыма. Запись текста К.У. Усеинова. Вступ. статья Коцюбинского. Общая ред. Я.П. Бирзгал. Госиздат, Крым. АССР, 1938. С. 340–362.
- ¹³ *Кондраки В.Х.* Универсальное описание Крыма. Ч. 10: Легенды Крыма. СПб., 1875. С. 91–93.
- ¹⁴ *Мэлори Т.* Смерть Артура. М.: Наука, 1974. С. 637–638.
- ¹⁵ Повесть о мощах неведомого святого // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 2. Одесса, 1848 г.
- ¹⁶ *Arthur* // *Man, myth, magic.* N.Y., L. 1985. P. 268.
- ¹⁷ *Мэлори Т.* Смерть Артура. М., 1993. С. 752, 754–755.
- ¹⁸ *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 442–443.
- ¹⁹ *Эвола Дж.* Мистерии Грааля // Милый ангел. М., 1991. С. 43.

Иллюстрации
к главе 6. САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ СКИФОВ
И ПРОЦЕССИЯ СВ. ГРААЛЯ

*Крадущая пантера. Золотая бляха, украшавшая щит. VI в. до н.э.
Келермес, курган № 1*

Свернувшаяся пантера. IV в. до н.э.

Кибела, владычица зверей; по обе стороны богини — львы, вставшие на задние лапы.

Фрагмент серебряного зеркала, с оборота обложенного золотом с гравированными изображениями.

VI в. до н.э.

Келермес, курган № 4

Золотая пектораль. (нагрудное украшение скифского царя).

IV в. до н.э.

Уникальное произведение мирового искусства.

Ее украшают три ряда изображений

Украшение остроконечного головного убора. Золото, курган Карадеуашх. Нижнюю, широкую часть ее занимает композиция: в центре — фигура богини, вручающей ритон скифу слева от нее; справа — другой скиф с кубком в руке.

Змееногая и крылатая богиня. IV в. до н.э. Золотая бляшка, курган Куль-Оба. Нижняя часть тела трактована в виде изгибающихся змей и грифонов. В руках она держит отрубленную бородатую голову и меч.

Скиф на коне, охотящийся на зайца. Золотая бляшка. Курган Куль-Оба

Битва грифонов с амазонками. Золото, курган Большая Близница

Чаша с изображением охоты на львов

Вверху:
Горит (футляр для лука).
Фрагмент верхнего ряда

Горит (футляр для лука).
Фрагмент нижнего ряда

Грифон.
IV в. до н.э.

Горит (футляр для лука). IV в. до н.э. Верхний ряд — сцены из жизни Ахилла

Ножны меча с изображением крылатых существ. IV в. до н.э.

Олень с изображением грифона, льва, зайца и собаки. IV в. до н.э.

Сарматская накладка со сценами терзания

Сарматская корона

*Сарматская гривна со сценами терзания.
Астраханский музей-заповедник*

Сарматская пряжка

*Аббатство Гластонбери и остатки погребения короля Артура,
о чем гласит надпись на табличке*

*Рыцари Круглого стола и видение Грааля.
Иллюстрация к рукописи ок. 1400 г. Queste de I Saint Graal*

Процессия Граля: в залу, где сидят король и рыцари, вносят меч (копье) и чашу. Иллюстрация к рукописи 1351 г.

*Последний сон короля Артура в Аваллоне. 1881–1898.
Худ. Эд. Берн-Джонс. Музей искусств Помпе, Пуэрто-Рико*

*Король Артур и его меч., нач. XX в. Худ. Н.К. Уайет.
Иллюстрация к книге: Легенды о короле Артуре в пересказе для детей*

*Меч в наковальне,
откуда, согласно легенде,
его смог извлечь только Артур*

*Меч в камне.
Монастырь Сан-Гальгано, Италия*

*Снятие с креста с Иосифом Аримафейским и Никодимом. 1435–1440.
Худ. Рогир ван дер Вейден. Прадо, Мадрид*

*Ангелы, собирающие
в чаши кровь Христову.
Гравюра. XIV в.
Худ. Шонгауэр.
Национальная галерея,
Вашингтон*

Фридрих III Барбаросса (1122–1190), император Священной Римской империи с 1155 г. Скульптор Н. Гайгер. Памятник конца XIX в. на горе Кифхойзер, Тюрингия. Конец XIX в.

Оттон III в гробнице Карла Великого. Худ. А. Ретель. Аахен.

Алтарная композиция. 1323–1330.

Младенец покоится в чаше, над ним склоняются святые в крещатых одеяниях.
Церковь Богородицы, Донья Каменца. Сербия

Алтарная композиция. 1388–1389.

Дискос с младенцем и чаша, ангелы с рипидами, отцы церкви в крещатых одеяниях держат в руках свитки с молитвами.
Церковь Св. Андрея на р. Треске. Македония

Алтарная композиция.

Дискос с младенцем и чаша, над ним отцы церкви в крещатых одеяниях — справа Иоанн Златоуст, слева Василий Великий — держат в руках свитки с молитвами. Монастырь Иоанна Богослова в Поганово. Сербия

*Крым. Храм Донаторов близ Эски-Кермена.
Алтарная композиция «Поклонение жертве», фреска.
Цветные копии Л. И. Линно и Г. Андреева. Конец 1920-х гг.*

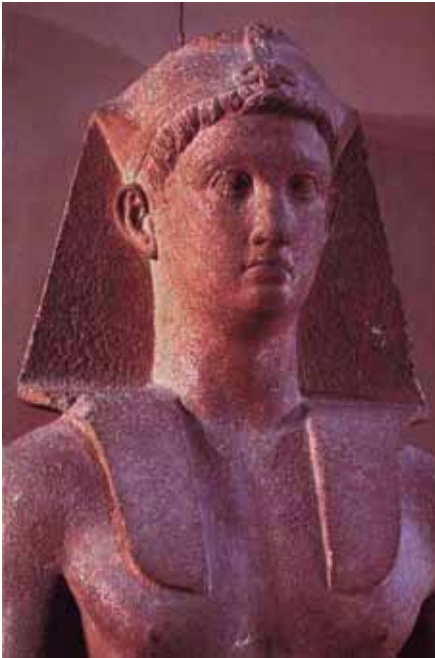
Крым. Пещерный храм Донаторов близ Эски-Кермена

«Дверь Мгера». Армения

Утесы льда. Современное фото

*Александр Македонский
в образе фараона Сезостриса.
Античная скульптура*

*На следующем развороте:
**Карта Экспедиция
Александра Македонского.**
Из Атласа Абрахама Ортелия
«Зрелище земного мира».
1595 г. Амстердам.
Над Черным морем отмечено
место, до которого дошли
войска Македонца — красный
прямоугольник «алтаря».
Внизу слева, в картуше
изображено святилище бога
Аммона в Ливии, сыном
которого считался Александр*

MAGNI MA-
EXPEDITIO.

Scythæ Asiaticæ.

Cum Privilegio Imp.
et Ordinum Belgicor.
ad decennium.
1595.

ERYTHRAEVM seu RVBRVM Mare,
fi dicitur non a colore; sed ab Erythro rege.
Latius hanc partem a continenti vultu quendam
punctis frequentibus curvata, & in multo fere
vultu; in qua curvata columna re-
Egyptiæ monumentum, litteris gentis eius scriptum.
testis P. Curtius. Curvata vocatur per insulam
apud Arraxum. Hoc mare margariferum
esse scribit Ptolemæus, Athenus Philostratus, aliique.

INGENIO, IVDICIO, ET ERVDI-
TIONE PRAESTANTI, DOMINO
HENRICO SCHOTIO, VRBI
ANTVERP. A CONSILII: AMO:
RIS ET BENEVOLENTIAE ER-
GO, HANC TABVLAM DEDICAB.
ABRAH. ORTELIVS.

CRIMEA
COPLEN
TAVRICA
SONESVS

Golfo de Nigropoli

MARE DELI
MEOTIS

MARE

P

*Аполлон на крылатом треножнике летит над морем.
Вазопись*

*Слева:
Карта Крыма с реками Индас и Синд,
ныне не существуют*

Готторпский глобус. 1654–1664 гг.

Хранится в Кунсткамере, в С.-Петербурге. На карте выделена синим цветом северная часть России, причем ее южная граница совпадает с локализацией Гиперборейских гор на Птолемеевых картах. Видимо, средневековым картографам, а также царю Петру было известно о стране, именуемой в античности Гипербореей

Крым, Эски-Кермен.

Лесенки, соединяющие жилые пещеры в верхней кромке скальных обрывов

*Ноев Ковчег.
Средневековое
изображение*

*Бакст Л.С.
Древний ужас
(Terror antiquus).
1908 г.
Русский музей,
Санкт-Петербург*

*Дева в башенной короне — атрибут покровительницы города.
120–110 гг. до н.э. Серебро*

*Голова Деметры. I в. до н.э. — I в. н.э.
Пантикапей, Керчь. Склеп Деметры, роспись.*

*Богаевский К.Ф. Киммерийская область. 1910 г.
Серпуховский художественно-исторический музей*

*Александровы столбы
близ Ставрополя*

*Богаяевский К.Ф. Пещерный город. 1908 г.
Севастопольский художественный музей*

Ньюгрейндж — камень со спиралями у входа. Англия

Агамемнон отказывает Ахиллу. 1819 г.

*Худ. Жак-Луи Давид. Художественный музей Кимбела, Форт-Уэст, Техас.
Обещанную Ахиллу в жены Ифигению отец обрекает в жертву богам*

Спящая царевна. 1900—1926 гг.

Худ. В.М. Васнецов. Дом-музей В.М. Васнецова, Москва.

Спящая (или мертвая) царевна — образ, встречающийся в западноевропейских и в русских сказках

Бард. 1774 г.

Худ. Томас Джонс. Национальный музей Уэльса. Кардифф

Здесь были друиды. 2007 г.

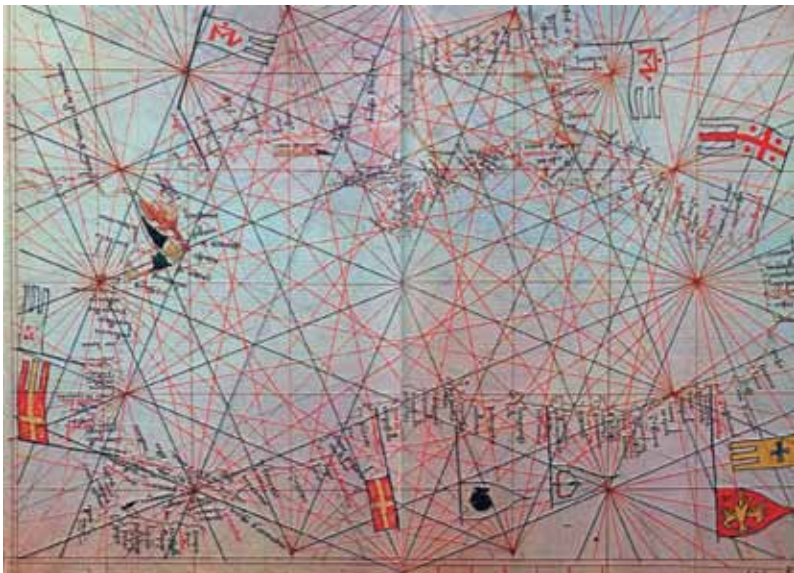
Худ. Элбан Эрве. Франция

*Барды вызывают тени предков.
Неизв. худ. XIX в. Англия*

*Царевна-Лебедь и чудный остров. 1905 г.
Худ. И. Билибин. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.
Концовка к сказке Пушкина.*

*Венецианская карта-портолан. 1321 г.
Флаги с гербами отмечают принадлежность важнейших торговых пунктов.
Владения Византии отмечены крестом с четырьмя буквами «В» - василевс;
владения Трапезундской империи — двуглавым орлом*

*Погребальная пелена княжны Мангупской. Фрагмент. 1477 г.
В верхнем правом углу — монограмма Марии Мангупской, в нижнем левом —
монограмма Палеологов. Монастырь Путна, Румыния*

*Плита
со строительной
надписью князя
Феодоро Алексея и
двуглавым орлом.
1425 г.*

*Двуглавая птица.
Русская вышивка*

*Триглавец с тремя
фигурами.
Пермский звериный
стиль*

Грааль — чаша, хранимая ангелами. 1895 г.

С картины Берна-Джонса. Художественная галерея Бирмингема, Великобритания. Согласно легенде, только трем рыцарям открылся Грааль: это были Парцифаль, Борс и Галахад

Золотая пектораль.

Верхний ярус изображает мирные сцены из жизни скифов. Средний ярус заполнен растительным орнаментом. Нижний ярус в центре заполнен сценами терзания

Богиня Табити. IV в. до н.э.

Фрагмент женского погребения из кургана Чертомлык

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

*Фадеева
Татьяна Михайловна*

САКРАЛЬНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМА

Директор издательства *Орешин Б.В.*

Зам. директора *Горжевская Е.Д.*

Формат 60х90/16

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Объем 24,0 печ. л. + 1 п.л. цв. ил.

Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»

119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9

Тел. (499) 245-53-95

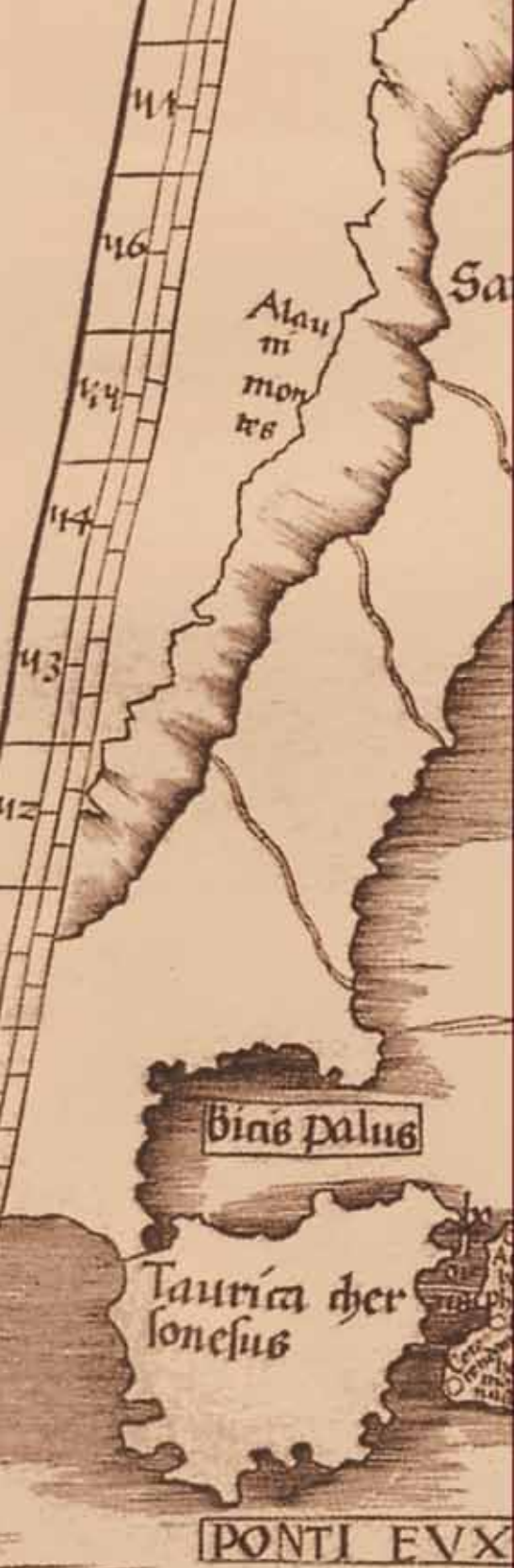
ISBN 9785898264741

9 785898 264741

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

Недавние исследования о Черноморском потоке способствовали новым прочтениям античных текстов. Они подкрепляют то, о чем догадывались некоторые ученые в XVIII—XX веках: основные события античной картины мира разворачивались на Черном море. Далеко на Севере находилась блаженная страна, откуда ежегодно прилетал в Грецию Аполлон Гиперборейский; в Северном Причерноморье странствовал Геракл; в Тавриду перенесена Ифигения, а на остров Белый (Левка) — Ахилл; по Эвксину плавали Аргонавты и Одиссей, проходившие через пролив Киммерийский (Керченский), который выглядел совсем иначе: вместо Крыма и Тамани там располагался архипелаг из семи Атлантических островов, из которых один погрузился в пучину, хотя и воспроизводился на картах Птолемея вплоть до XV века. А в средние века здесь берут начало истоки сказаний о короле Артуре и Граале, в княжестве Феодоро формируется геральдика двуглавого орла. Об этом повествуют сообщения античных писателей, произведения изобразительного искусства от древности до наших дней, и его особая разновидность — старинные географические карты.